

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

2017 ТОМ 9 № 1

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
С.А. Воронин, д-р ист. наук,
профессор, заведующий
кафедрой всеобщей истории
факультета гуманитарных
и социальных наук РУДН,
директор Центра Историче-
ской Экспертизы и Государ-
ственного Прогнозирования

Заместитель
главного редактора
Е.А. Попова, канд. ист. наук,
доцент кафедры
всеобщей истории РУДН

Ответственный секретарь
серии
А.А. Куделин, канд. ист. наук,
старший преподаватель
кафедры всеобщей истории
РУДН

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз, профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, профессор Каирского университета

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С., профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

2312-8127 (Print) ISSN: 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология

Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода),

07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, восток-запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история востока и запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.university

Редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Подписано в печать 06.03.2017. Выход в свет 20.03.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 13,0. Тираж 500 экз. Заказ № 112. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2017 VOLUME 9 NUMBER 1

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: RUDN University

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor

E. Popova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Executive Secretary

A. Kudelin, Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz, Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Rodriguez-Fernandes A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S., Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (online); 2312-833X (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

Rudn Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on World history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

Rudn Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The Journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from Ancient Times to Modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical science and Archeology.

Specialties: 07.00.03 World history (Relevant period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source study, Methods of historical research, 07.00.15 History of international relations and foreign policy.

General Journal Sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies etc. In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.university

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

Ordzhonikidze St., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

Miklukho-Makhlaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АНТИЧНЫЙ МИР

- Гвоздева И.А.** Agrimensura – наука римского землеустройства периода республики 7

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

- Воронин С.А.** Режим «направляемой демократии» как развитие теории о социодемократии (К вопросу о формировании концепции «третьего пути» в Индонезии) 18
- Комаров А.Н.** Партийные системы Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии: общее и особенное 27
- Арутюнов А.А.** Адаптационные проблемы репатриации «советских испанцев» (1956 г. – н.в.) 43

ИЗ ИСТОРИИ ИСЛАМА

- Бадауи Н.М., Куделин А.А.** Влияние арабского возрождения (ан-Нахда) на идеологию «братьев-мусульман» 53
- Асадуллин Ф.А.** Мусульманская община Москвы XVIII–XIX вв. в контексте либерализации религиозной политики 67

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Базанова Е.А.** On the question of radicalization of China's Islam in the Western and Chinese historiography (К вопросу о радикализации ислама в Китае в западной и китайской историографии) 78

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Китинов Б.У.** Торгуты: к вопросу этногенеза и религиозной ориентации 84

РЕЦЕНЗИИ

- Куделин А.А.** Исламское государство: вопросы без ответов. Рецензия на книгу М. Вайс, Х. Хасан. «Исламское государство: армия террора. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с. 96

- НАШИ АВТОРЫ** 102

CONTENTS

ANTIQUÉ WORLD

- Gvozdeva I.A.** Agrimensura – culture of the roman land surveying 7

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Voronin S.** Regime of “guided democracy”. On the issue of the formation of the ideology of the “Third Position” in Indonesia 18
- Komarov A.N.** Party systems in Britain, Canada, Australia and New Zealand: general and special 27
- Arutiunov A.** The adaptational problems of the “soviet spaniards” repatriation (since 1956 to present) 43

HISTORY OF ISLAM

- Badawi N.M., Kudelin A.A.** The influence of the arab renaissance (an-Nahda) on the ideology of “muslim brotherhood” 53
- Assadulin F.** The Muslim community in Moscow XVIII–XIX centuries in the context of liberalization of religious policy 67

HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

- Bazanova E.A.** On the question of radicalization of China’s Islam in the Western and Chinese historiography 78

ETHNOLOGICAL STUDIES

- Kitinov B.** The Torguts: on the Issue of Ethnogenesis and Religious Orientation 84

REVIEWS

- Kudelin A.A.** ISIS: Questions without answers. Review: Vays M., Hasan H. ISIS: inside the army of terror. N.-Y., 2015 96

- OUR AUTHORS** 102

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-7-17

AGRIMENSURA – НАУКА РИМСКОГО ЗЕМЛЕУСТРОЕНИЯ ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр., 27–4, Москва, Россия, 119991

За период римской Республики агрименсура (землеустройство) прошла долгий путь от простейших форм деления земли до развитых систем межевания. Первым типом межевания стал *agcifinius* – ограничение по рельефу; он предназначался для выделения участков земли *Ager Publicus*.

Частные земли делились сначала на простые полосочки (*lascinae*) или кусочки (*praecisurae*), эволюционирующие к прямоугольной форме. В III в. до н.э. в Италии распространилась система межевания скамнатия-стригация (*scamnatio-strigatio*), делящая поля на крупные прямоугольники, в которых выделялись мелкие участки. Со II в. до н.э. распространилось деление земель прямыми линиями – лимитами (*limitatio*). Пахотная земля, передаваемая в собственность, наглядно отличалась от фрагментов *Ager Publicus*, оформленных как *agcifinius*, на которых предоставлялась аренда под угодья.

Особенностью римской агрименсуры стало приспособление всех типов выделения земельных участков к определенному правовому положению.

Ключевые слова: полоска (*lascina*), кусок (*praecisura*), лимитация (*limitatio*), центуриация (*centuriatio*), собственность, владение, аренда, угодья

Введение. Понятие «экономическая политика» трудно применить к архаическим обществам, скорее можно говорить о существовании экономических укладов, которые выделяются прежде всего в аграрной сфере. И только римское общество сформировало не просто уклады и хозяйственные типы, но и, объединив в своих границах огромные территории трех континентов, создало предпосылки для некоего экономического единства в аграрной сфере. Почему Риму удалось поднять на очень большую высоту принципы своего землеустройства? В значительной степени это объясняется особенностями исторического пути Рима от пункта в Лации до общеиталийского государства, а затем супердержавы древности, объединившей три части света. Кроме того, Рим создал уникальную дорожную сеть, способствующую хозяйственному развитию регионов и в значительной степени воплощавшую идею экономического единства.

Методы и материалы. Провести исследование развития римской экономики с точки зрения агрименсуры позволяет наличие в руках историка *Corpus Agrimensurum Romanorum* – Корпуса римских агрименсоров, представляющий собой издание трактатов крупнейших римских ученых землемеров (1). Особенностью античной, и в первую очередь римской экономики, является непременная связь землеустройства (агрименсуры) и земельного права. Именно в Риме особенно ярко и полно проявилась связь всех элементов землеустройства и правового статуса земель.

Принципы организации пространства римляне восприняли от этрусков (CAR. S. 10–11), но дальнейшее развитие проходило в зависимости от экономических и военных нужд римского общества. В архаический период, как и прочее население Италии, римляне осваивали землю привычными для всех италийских племен способами, не заложив в них еще продуманной научной основы [9. S. 33–34]. Ярко выраженные геометрические системы организации земельного пространства не были характерны для римской архаики. Возникает вопрос, не повлияла ли социальная структура римского общества в значительной степени на римское землеустройство, и можно сказать, даже задержала его развитие.

Исследование проблемы. В период римской архаики земли категории *Ager Publicus* предоставлялись римской *civitas* для *occupatio* определенной части римского гражданства – патрициям. *Agri occupatorii* обозначались легким и быстрым способом их выделения – природной границей (*arcifinius*) (CAR. S. 78). Сам термин включает в себя категорию *Ager*, обозначенного *Finis* – границей по рельефу. Именно с периода архаики категория *arcifinius* становится важной частью *Ius Quiritium*, фактически открыв развитие земельного права Рима. Римские землемеры считали *arcifinius* способом раздела земель (CAR. S. 53), как правило, сравнивая его с более сложными системами межевания, имевшими развитую дорожную сеть (CAR. S. 55–56), хотя именно эти авторы всегда указывали, что этот *ager* – «*qui nulla mensura continetur*» (CAR. S. 78; fig. 20). Плебейская же часть *Populus Romanus* могла приобретать земельные участки, но их небольшой размер, оплаченный плебейской медью, выделялся сплошной линией границей, бровкой. *Finis* теперь демонстрировал акт божественной воли (SRF. II. S 258). Форма же этого малого участка, как правило, не имела никакого определенного геометрического выражения. Для римской архаики любой участок, приобретенный за медь, должен был отличаться от *arcifinius*, уступленного государством во владение патрицианским родам.

Постепенно и такие участки все-таки приобретали некое подобие геометрической формы. Как правило, это были небольшие, вытянутые в длину участки (*lascinae* – «полосочки»).

Сведения о лациях мы получаем из книг колонии *Libri coloniarum* – (SRF. I. S. 229–257). Авторы же трактатов по римскому землеустройению умолчали

об этом способе деления земель. Это молчание Т. Моммзен истолковал как интерполярию данных книг колоний [10. S. 85–86].

Мнение о лацинах как о способе межевания были резко противоположны: Э. Бодуэи и А. Шультен считали их как подсобным типом деления площадей, так и вполне самостоятельным, зависящим от топографии местности [3. P. 80, 86; 12. S. 10], а М. Вебер рассматривал лацины только как технический способ подсчета земли по качеству почвы [14. S. 19].

В первом издании текстов землемеров А. Рудорфф указал, что межевание на «полоски» не были бессистемным и можно проследить тенденцию их развития к прямоугольной форме (SRF. II. S. 269, 361, 362; fig. 13, 44). В течение V в. до н.э. благодаря сведениям, сохранившимся в Книгах колоний и по аэрофотосъемке, мы можем проследить наличие таких участков в Средней Италии по берегам рек. Несостоятельность гипотезы Т. Моммзена об интерполяциях книг колоний по лацинам на археологическом материале показал еще Р. Томсен [4. P. 267].

Концепцию Э. Бодуэна развивал Ф. Кастаньоли [7. P. 28–29]. Современные аэрофото подтвердили именно эту теорию. Так, в Анагнии герники межевали долину реки Туран на лацины. Этот же принцип прослеживается и в Ферентине. В Алатрии же такие лацины были расположены по направлению Север-Юг. Вольски межевали землю Атин этим же способом на лацины (SRF. I. S. 229, 234). Съемка Ф. Хинрикса зафиксировала наличие лацин разной величины на землях вольсков по берегам реки Вольтурн. Его же сведения уточнили применение лацин не только в долинах рек, но и на пересеченных местностях Афил, а также в Лации [9. S. 28–34; 5. P. 159–162]. Здесь древние фрагменты *Ager Publicus*, использованные для выпаса скота, отмечались как *agri scripturarii*, за которые платили налог [11. P. 92]. Непригодные для пахоты земли в римской аграрной практике попадали в разряд вектигальных полей, т.е. тех земель, которые могут быть предоставлены под угодья за *vectigal*. Появление такой категории раскрывало оценку земель на качество [8. P. 33–45]. Что из себя представляет граница этого участка, до V в. до н.э. предположить трудно. В V же в. до н.э. она приобретает ширину. Длину же определяет направление по течению реки. Мы узнаем, что граница этой земельной собственности также называется *finis*, что и зафиксировано в Законах XII Таблиц (*Cic. De leg. I. 21.55*). Следовательно, *finis* – это единственное обозначение для границы любого участка. Но если *arcifinius* – это природная граница, то собственность обозначалась видимой линией границы *finis*. Согласно законам XII Таблиц, такая *finis* получает ширину 5 футов. Начиная с этого периода земельное право существует уже как часть гражданского права, т.е. для всего *Populus Romanus*. А простой тип деления на лацины вполне отвечал задачам малых ассигнаций периода архаики; ведь участки нарезались один за другим без общего расчета всей площади.

Земля, ставшая частной, была поделена на мелкие участки с видимыми искусственно проведенными границами, в то время как оккупированная земля могла представлять собой большие площади, разрозненные или лежащие единым куском, но всегда сохранявшие естественные границы. Однако мелкие участки для частного владения предназначались для земледелия. Развитие скотоводства предполагало оформление крупных пространств. Когда Рим завершал завоевание Италии, его южные области (Апулия, Калабрия) природой определенные для выпаса скота, сформировали иную единицу площади – *praesicura* («кусоч»), границей которой тоже была *finis*, но площадь резко отличалась от *lascina*. В Луцерии (Апулия) в конце IV в. до н.э. было проведено размежевание на крупные четырехугольники [7. P. 30–33]. Прецизуры делили земли эквов, а также и северный Самний (Теребентум) [9. S. 33–37]. На прецизуры межевали и земли Лукании [13. P. 267].

Завершая свою наступательную политику на земли италийских общин Рим ходом исторического развития вынужден был сосредоточиться на землеустройстве, ведь, отторгая от италиков часть земель как победитель, Рим обязан был готовить их к оптимальному использованию. Эту задачу он осуществлял в привычных для каждой местности формах деления площадей. Выводя гражданскую колонию, Рим как бы воспроизводил создание собственной общины, но действовал более осмотрительно по организации земельного пространства. Можно наблюдать не только влияние этрусков на этот процесс (CAR. S. 10–11), но и обнаружить нормы устройства маршевого лагеря, воспринятого римлянами от самнитов (Polyb. VI. 41. 2–8; I. S. 210, 216). Эволюция от четырехугольной к прямоугольной форме участка проходила очень медленно, но проявлялась в более четком геометрическом выражении основной единицы площади (I. S. 216). Ведь определение неизмеренного *locus*, т.е. места участка, вполне соответствовало задачам ранних ассигнаций. На этом этапе выделение и пересчет земли на качество (т.е. пахотной и непахотной) еще не проявился. Переход от простейших форм к более геометрически выраженным типам хорошо прослеживается в Сутрии, а на полях Лаурум Лавинии можно выявить расчет некоторых частей этого земельного пространства на прямоугольники (SRF. I. 294). На рубеже IV–III вв. до н.э. на территории Апеннинского полуострова складывается система межевания, получившая название скамнация-стригация: скамнум – прямоугольник с длинной стороной (Восток-Запад), стрига – прямоугольник с длинной стороной (Север-Юг).

Прямоугольность основной единицы площади отрабатывается в течение довольно длительного времени и окончательно складывается в конце III в. до н.э. Делитель, который создавал то стригу, то скамью, в отличие от *finis* латин назвался *ригор* (*rigor*) и имел внешние отличительные особенности. То, что *ригор* – сплошная линия границы, подчеркивалось обсаживанием двух боковых линий терновником. А вот ширина этого делителя точно соответствует ширине *finis*, установленной Законами XII Таблиц, т.е. в 5 футов (CAR. S. 61, 66).

Это свидетельствует об укреплении принципов римского земельного права, ведь ширина в 5 футов обеспечивала возможность разъехаться двум повозкам, т.е. снимала препятствия для хозяйственного развития, и именно это положение превратилось в правовую норму. Кроме того, одинаковая ширина финис и ригор позволяет рассматривать их в едином правовом поле (CAR. S. 4–5).

Нельзя сказать, что Рим повсеместно внедрил на больших площадях скамнацию-стригацию, хотя она использовалась для межевания холмистых местностей. Долгое время в романистике бытовало мнение, что скамнация-стригация предназначалась лишь для поселений низшего юридического статуса [14. S. 14–17].

В конце IV в. до н.э. Калес (колония латинского права) была размежевана на прямоугольники. На землях, пограничных между луканами и самнитами, были размечены стриги; в долине Венафра – скамьи, как и в префектуре Реаты и в колонии латинского права Корзиолы (I. С. 209–210; CAR. S. 1–2) [6. P. 114, 191–194]. Однако исследование Ф. Кастаньоли доказало, что эта система могла делить поля любой новой общины на Апеннинском полуострове [7. P. 21–26]. Она применялась для организации колоний, как гражданского, так и латинского права. Таким образом, в римском землеустройении на первом месте стоит решение экономической проблемы, т.е. быстрое и эффективное освоение сельскохозяйственной территории, а на втором месте юридическое оформление положения поселенцев.

Наряду с этим процессом в Риме развивалось и другое направление землеустройства, а именно деление площадей, предназначенных для новопоселенцев, прямыми линиями – лимитами, отличавшимися как от *finis*, ограничивавшей маленькие участки, так и от ригора, создававшего то скамью, то стригу, т.е. чередование прямоугольников (положенных или поставленных) [1. С. 5–15].

Внедрение лимитации создало предпосылки для другого принципа расчета земель. Если с архаического периода мы наблюдали *locus-princip*, который был обусловлен в первую очередь оккупацией *Ager Publicus* и вырос из этого процесса, то теперь наделение граждан землей будет проходить по *modus-princip*, где на первом месте стоит расчет площади, а на втором – ее обозначение (SRF. I. 294) [2. С. 83]. Земли, обозначенные по *locus-princip*, теперь могли рассматриваться как резерв для будущих ассигнаций, что и наблюдается в Коце, Остии, Афиденгах (SRF. I. 230, 232, 236, 238).

Результаты. В архаический период в римском земельном праве уже функционировали контroversии, которые были направлены на решение вопросов об обозначении границ. В первую очередь, это контroversия *de fine*. Подобный спор мог проводиться как о финис оккупированного участка, так и о границе частного участка. Контroversия *de fine* заключала в себе как бы двойной смысл, так как она содержала пограничные характеристики, а также и свидетельствовала о частной собственности [9. S. 182–188; 4. S. 245].

Неясность состояния и обозначения *finis* могла затянуть спор о ней на длительный срок. Так, Тит Ливий изложил контroversию *de fine* между новопоселенцами колонии Луки и жителями *civitas* Пизы. Пизанцы жаловались на захват земель новыми владельцами. Ситуация была настолько сложной, что Сенат был вынужден отправить туда на место комиссию из 5 мужей для решения данного спора (Liv. 45. 13. 10f).

Контroversия *de fine* – самый древний спор в римском земельном праве; она проводилась в судебном процессе *legis actio*, опираясь на строгий ритуал и *fides*, так как граница участка была актом проявления божественной воли (SRF. I. 358). В *legis actio* и финис и ригор рассматривались как одна категория (CAR. S. 60), но четкое обозначение ригора сводило контroversию о нем к спору по углу поворота [9. S. 39–42]. Вторым древним разбирательством является контroversия *de loco*, спор о месте участка, в первую очередь отражавший положение оккупированной площади. То, что *de loco* возникал в первую очередь на *agri occupatorii*, по смыслу связывает содержание этого спора с тяжбой о пастбищных участках (CAR. S. 5, 92; fig. 15). В этих случаях землемеры подчеркивали, что речь идет о землях, обозначенных по обычаю данной местности (CAR. S. 33–35).

Очевидно, что даже при набирающей силу лимитации обозначение угодий было закреплено местными обычаями выделения *locus* (CAR. S. 78, 94). Следовательно, в Италии простейшие формы деления земель не были вытеснены новейшими, а соседствовали с ними (SRF. I. S. 294). Так, в Брутии при ассигнациях на лимитированных площадях остатки земель были поделены на лацины и прецизуры (SRF. I. S. 209). Поскольку *locus* не предполагал точного расчета, то Фронтин в контroversии о нем (*de loco*) применил не категорию *modus*, а *latitudo* (CAR. S. 5). Неизмеренность *locus* землемеры подчеркивают таким обстоятельством, что его границей может служить даже разница в обработки почвы (CAR. S. 61). О. Берендс вообще не обнаруживает в контroversии *de loco* никаких признаков пограничного иска [4. S. 247]. Основание для такой точки зрения можно найти у Павла, считавшего *de loco* вещным иском (Dig. 10. 1. 4. 5/6). Землемеры же часто применяли категорию *locus* к опушкам и реликтам (CAR. S. 92–93). Эту точку зрения развивал Помпоний, полагавший, что *locus* является основой *possессионов* (Dig. XLII.26; Pomp. I. 26) [9. S. 193].

Неопределенность местоположения площади *locus* и его границ в формулярном процессе решались уже по эдикту магистрата (CAR. S. 92). В архаический же период возникает разбирательство о священном знаке границы – термине.

Термин – межевой знак ставился в углу участка, так как именно угол мог быть наиболее спорным местом на древних лацинах и прецизурах. Термин в углу стриги или скамьи обозначал важнейшее положение в римском земельном праве об угле поворота. Не случайно специалисты по римскому земель-

ному праву – агрименсоры посвятили так много места в своих трактатах углу поворота и термину в нем (CAR. S. 30–31) [9. S. 134].

Термин демонстрировал то, что сакральный акт выделения участка для гражданина уже совершился (Plin. NH. II. 137). Наличие термина показывало святость и неприкосновенность собственности, поскольку пограничный знак ее охранял (Dionys. II. 73. 3.). Теперь граница со священными знаками ярко демонстрировала прочность правовых устоев римского общества.

В период архаики сдвиг термина был серьезным сакральным преступлением, в период же классики он рассматривался как гражданское правонарушение.

Землемеры избрали для формулы иска о межевом знаке «*controversia de positione terminorum*» (CAR. S. 30–31), так как в общественной жизни римлян выделение гражданам земли закреплялось расстановкой термина на их границах (Fest. 368m). Более того, в конце периода Республики вырабатывались нормативы обозначения границ частных участков – *fines regere* [4. S. 215]. Теперь надписи на терминах содержали сведения о владельце, площади участка, данные о движении собственности (CAR. S. 159; SRF. I. S. 249–250; 340–342). Надпись на термине становится гарантией неприкосновенности собственности (CAR. S. 164).

Реформаторы II в. до н.э. братья Гракхи применили лимитацию на изъятых излишках *Ager Publicus* и *modus* при расчете участков для новых ассигнаций, что продемонстрировало достижение агрименсуры, однако никак не подкреплявшееся положениями римского земельного права. Оно как бы тормозило дальнейшее совершенствование землеустройства.

То, что закон 111 г. до н.э. признал как «*privatus*» участки, полученные по реформам Гракхов, было уступкой консервативного права бурному развитию агрименсуры (CIL. I. p. 97 (585)). Но этот же закон продемонстрировал, насколько сложно и даже неопределенно было положение некоторых фрагментов угодий, соседствующих с новыми ассигнациями. Именно поэтому оформление контрверсии *de possessione* приходится на этот период в рамках деятельности *Ius Honorarium* (CAR. S. 6, 40). Только деятельность преторов способствовала разрешению сложных вопросов по обоснованию владельческих отношений в разных районах Италии.

В период гражданских войн римская агрименсура позволяла частично решать некие сложные аграрные проблемы. Диктаторы, и Сулла, и Цезарь, взяли на вооружение лимитацию и центуриацию для наделения землей своих ветеранов. Ассигнации Суллы проводились на небольших фрагментах, конфискованных у его политических противников земель (Liv. LXXXII; Plin. NH. XII. 11; l.c. 236). Но чрезвычайно важным является тот факт, что, несмотря на малые площади, диктатор межевал их только лимитами. Они получили название сулланских лимитов, и надписи на их межевых камнях свидетельство-

вали о том, что ассигнация проведена по Lex Cornelia (CAR. S. 129–130; I. C. 230–232).

Судьба земельных участков сулланских ветеранов чрезвычайно запутана. Сулла подсеял их в италийские города (Cic. *De leg. agr.* II. 72; III. 5. 7; pro Sulla. 60–66; App. *B.C.* I. 95. 440). Они не имели права отторгать участки, но, тем не менее, на практике это делали (Cic. *De leg. agr.* II. 78). Поэтому после смерти Суллы вся Италия была охвачена серией судебных процессов, возбужденных наследниками проскрибированных против новых владельцев этой земли (App. *B.C.* I. 96, 148).

Мы видим на примере ассигнаций Суллы, как земельное право отставало от развития аграрной реформы, хотя лимитация наглядно демонстрировала новшества в аграрных преобразованиях. Подобные условия порождали такой вид контрверсии, какой редко встречался до I в. до н.э., а именно контрверсия *de modo* (CAR. S. 5, 35). Этот тип земельных споров мог проходить о размере участка новой ассигнации, или удостоверения площади старых ассигнаций и являлся проявлением соседских отношений в римском земельном праве. Решение этих задач по *Ius Honogarium* ложилось на плечи преторов, которые вынуждены были прибегать к арбитражу агрименсоров, специалистов по межеванию и земельному праву Рима.

Цезарь пользовался достижениями римской агрименсуры в большем объеме, чем все его предшественники. Показательной акцией является лимитация Кампанского поля, проведенная Цезарем для наделения граждан (CAR. S. 135; Cic. *ep. ad Att.*, 2, 16). Цезарь, в тех случаях, где он внедрял лимитацию, создававшую квадратную центурию, так же как и Сулла, называл делители своим именем, цезарианскими (CAR. S. 135). Но, в отличие от предшественника, он стремился установить для них универсальную ширину, приближающуюся к 8 футам. Цезарь прекрасно видел перспективы развития римской агрименсуры. Он предполагал развернуть ее на больших площадях провинций при устройстве ветеранских колоний. Принцип *modus*, который восторжествовал благодаря центуриации, стал технической основой будущего расчета пахотных земель для ассигнаций.

Заслугой Цезаря является установление прочной связи ассигнации участков земли в собственность для выращивания зерновых культур с придачей им угодий, на которых будут развиваться посессорские отношения, т.е. он предусматривал для ветеранов возможность развивать многоотраслевое хозяйство. Этим планам Цезаря осуществиться было не суждено, но направления его мысли было верным и перспективным для развития римской агрименсуры.

Заключение. Итак, римская агрименсура подняла уровень землеустройства на большую высоту. Следующим этапом ее развития должна стать классификация каждой ее категории в нормативах земельного права. Поспешные

ассигнации триумвиров проводились по древним межеваниям в Ардее и Интерамене на Лиросе. К прецизурам Фалерий они добавили лишь отдельные центурии; также были использованы прецизуры Сигнии, а к лацинам Формии добавили скамьи (SRF. I. S. 217–237). Именно эта задача по соответствию элементов агрименсуры точному положению земельного права стояла перед наследником Цезаря Октавианом Августом.

Римская агрименсура проделала за период Республики длинный путь развития от простых форм землеустройства до точно рассчитанных систем межевания. Это совпадало с созданием Римско-Италийского союза, не только объединившего Италию, но и преобразовавшего ее в единый организм. Простые лацины и прецизуры отвечали задаче изъятия земель из площадей италийских общин и их новой разметке после присоединения к Риму. В конце Республики римское общество испытывало значительный земельный голод, ощущая нехватку свободных площадей для граждан. Поэтому римская агрименсура стала вырабатывать соответствующие системы деления полей: стригацию-скамнацию, а также лимитацию с единицей площади центурией. В конце Республики в римском землеустройении *locus principis* был вытеснен и заменен на *modus principis* внедренный в римских земельных кадастр.

© Гвоздева И.А., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Перевод этого источника на русский язык сделан автором данной статьи и опубликован в изданиях: История Древнего Рима: Тексты и документы. Часть 1–2. М., 2004–2005.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Гвоздева И.А. Император Август – государственный деятель и юрист // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. М., 2015. № 1. С. 5–16.
- [2] Гвоздева Т.Б., Гвоздева И.А. Ветеранские ассигнации в римском земельном праве // Современный юрист. М., 2016. № 1 (14). С. 79–86.
- [3] *Beaudouin E.* La limitation des fonds de terre dans ses rapport avec le droit de propriete. P., 1894.
- [4] *Behrends O.* Bodenhöhe und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // Die römische Feldmeßkunst, Göttingen, 1992.
- [5] *Bradford J.* Ancient Landscapes. L., 1957.
- [6] *Cadastres et espace rural.* Paris, 1983.
- [7] *Castagnoli F.* Le ricerche sui resti della centuriazione. Roma: Ed. di Storia e Letteratura, 1958.

- [8] *Favory F.* La part de l'indigène et du vernaculaire dans les texts des arpenteurs romains // Études rurales. № 167/168, Objets en crise, objets recomposés (Jul. – Dec., 2003). 2003. P. 33–45.
- [9] *Hinrichs F.T.* Die geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden. 1974.
- [10] *Mommsen Th.* Zum römischen Bodenrecht. Berlin, 1892.
- [11] *Roselaar S. T.* Public Land in the Roman Republic. A social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396–89 BC. Oxford, 2010.
- [12] *Schulten A.* Die romischen Flurteilung und ihre Reste. Berlin, 1898.
- [13] *Thomsen R.* The Italic Regions. Kopenhagen, 1947.
- [14] *Weber M.* Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats und Privatrecht. Stuttgart, 1891.

REFERENCES

- [1] *Gvozdeva I.A.* Imperator Avgust – gosudarstvennyj dejatel' i jurist [Augustus the statesman and the lawyer] // Vestnik Rossijskogo Universiteta družby narodov. Serija Vseobshhaja istorija [Bulletin of the Russian University of friendship of peoples. Series General history]. M., 2015. № 1. S. 5–16.
- [2] *Gvozdeva T.B., Gvozdeva I.A. Gvozdeva T.B.* Veteranskije assignacii v rimskom zemel'nom prave [The veteran assignations in the Roman land law]. Sovremennyj jurist [The Modern lawyer] M., 2016. № 1 (14). S. 79–86.
- [3] *Beaudouin E.* La limitation des fonds de terre dans ses rapports avec le droit de propriété. P., 1894.
- [4] *Behrends O.* Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms. Die römische Feldmeßkunst, Göttingen, 1992.
- [5] *Bradford J.* Ancient Landscapes. L., 1957.
- [6] *Cadastres et espace rural.* Paris, 1983.
- [7] *Castagnoli F.* Le ricerche sui resti della centuriazione. Roma: Ed. di Storia e Letteratura, 1958.
- [8] *Favory F.* La part de l'indigène et du vernaculaire dans les texts des arpenteurs romains. Études rurales. № 167/168, Objets en crise, objets recomposés (Jul. – Dec., 2003). 2003. P. 33–45.
- [9] *Hinrichs F.T.* Die geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden. 1974.
- [10] *Mommsen Th.* Zum römischen Bodenrecht. Berlin, 1892.
- [11] *Roselaar S. T.* Public Land in the Roman Republic. A social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396–89 BC. Oxford, 2010.
- [12] *Schulten A.* Die romischen Flurteilung und ihre Reste. Berlin, 1898.
- [13] *Thomsen R.* The Italic Regions. Kopenhagen, 1947.
- [14] *Weber M.* Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats und Privatrecht. Stuttgart, 1891.

AGRIMENSURA – CULTURE OF THE ROMAN LAND SURVEYING

I.A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Prospekt, 27–4, Moscow, GSP-1, Russia, 119991

For the period of the Roman Republic of agrimensura has come a long way from the simplest forms of dividing land to developed systems of surveying. The first type of survey was arcifinius – limitation of relief; it was intended for allocation of land plots Ager Publicus.

Private lands were divided first on simple stripes (lacinae) or pieces (praecisura), evolving to a rectangular shape. In the III century BC in Italy has spread the system of surveying scaminace-stargaze (scamnatio-strigatio), dividing the field into large rectangles, which were allocated small plots. From the II century BC spread the division of land in straight lines – limits (limitatio). Arable land passed to the property, clearly differed from the fragments of the Ager Publicus, designed as arcifinius, which was provided rent under the ground.

Feature of Roman agrimensura has become a fixture of all types of land allocation to a particular legal position.

Key words: strip (lacina), piece (praecisura), the course is limited to (limitatio), centuriae (centuriatio), ownership, possession, rental, land

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-18-26

**РЕЖИМ «НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ»
КАК РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ О СОЦИОДЕМОКРАТИИ
(К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
КОНЦЕПЦИИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» В ИНДОНЕЗИИ)¹**

С.А. Воронин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Автор статьи раскрывает основные положения идеологии «третьего пути» в рамках индонезийской модели политического лидерства. К концу 50-х гг. Сукарно завершил формирование доктрины «третьего пути». Анализируя действующие политические модели, Сукарно апеллировал к самобытности, отвергая капитализм, который порождает колониализм и фашизм. Он отвергал прежде всего саму психологическую основу либерального капитализма – индивидуализм, ведущий к конкуренции и борьбе и поэтому неприемлемый для Индонезии. Концепция «третьего пути» Сукарно подразумевала построение социально-экономической модели традиционного, патриархально-эгалитарного общества, в основе которого лежали принципы общинной солидарности и взаимопомощи. Основным элементом социальной модели, согласно мысли Сукарно, являлась семья как центр солидаризма, возглавляемая патриархом, главой семьи. Принцип семьи был перенесен Сукарно на все индонезийское общество. Сам Сукарно становился отцом нации.

Ключевые слова: Сукарно, концепция «третьего пути», Индонезия, солидаризм, политическое лидерство

Летом 1963 г. Сукарно, пытаясь хрестоматийным методом перенести недовольство индонезийцев состоянием дел внутри страны на внешнего противника, развязал заранее обреченный на неудачу конфликт с Малайзией. Он заявлял: «Путь нации, вставшей на путь борьбы, не имеет финала. Оканчивается одна конфронтация, начинается другая... Если проблема не приходит извне... то возникают внутренние противоречия» [1. Р. 271]. По логике Сукарно, избежать внутренних противоречий можно, консолидируя нацию в борьбе с внешним врагом.

¹ Продолжение. Начало см. Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2016. № 3. С. 5–17; № 4. С. 5–19.

Известный политик эпохи Сукарно – А. Моноуту, обосновывая мотивы конфликта с Малайзией, заявлял: «Нам необходима победа над Малайзией не только для гарантии нашей безопасности, но и для обретения ощущения солидарного свершения, достигнутого коллективно, достаточного для преодоления элементов наших внутренних противоречий» [2. Р. 384–386].

Малайзии была уготована роль демона в политическом спектакле, срежисированном Сукарно, в целях консолидации комбинированного общества, трещавшего по швам. Искусственность конфликта очевидна даже из краткой цепи событий его развития.

В мае 1961 г. премьер-министр Малайской Федерации Т. Абдул Рахман заявил о необходимости более плотного сотрудничества между Малайей, Сингапуром и Сараваком. Спустя несколько месяцев генеральный комиссар Великобритании в ЮВА лорд Сэлкирк прибыл в Индонезию с целью проинформировать правительство страны о планах по созданию федерации Малайзия из территорий бывших британских колоний [3. Р. 85]. Любопытная деталь – Сукарно в то время не имел ничего общего против этого проекта. Это вполне объяснимо. Энергия индонезийского лидера и народа, ставшего актером его театра теней, были направлены на разрешение западноирианской проблемы.

15 сентября 1963 г. было провозглашено создание Федерации Малайзии. В последующие два дня дипломатические отношения между двумя странами были разорваны.

Посольства Малайзии и Великобритании в Джакарте были сожжены. В ответ было разгромлено посольство Индонезии в Куала-Лумпуре [4. С. 216]. Сам факт возникновения нового государства Сукарно интерпретировал для индонезийцев как неоколониальный и неоимпериалистический заговор. Подготовка к такой трактовке событий была начата в конце 1962 г. после решения западноирианского конфликта, когда Сукарно вновь стал физически нуждаться в новой конфронтации. На волне победоносной эйфории народ поддержал новую внешнеполитическую инициативу своего лидера.

Политический потенциал лидерства Сукарно являл собой причудливый синтез революционного романтизма, сакрального мессианства и прагматизма. Внешнеполитические конфликты 1-й половины 60-х гг., инициированные Сукарно, были орудием перенесения акцента с внутренних проблем на внешние с целью сохранения им своего авторитарно-патриархального лидерства. Однако был в этом и оттенок другой тональности, существенный аспект, связанный с массовым сознанием, психологией формирующейся индонезийской нации.

Весьма важное наблюдение для понимания лидерства Сукарно сделали А.Ю. Другов и В.А. Тюрин. Важнейшей заслугой Сукарно как национального лидера, по их мнению, является его решающий вклад в развитие национального самосознания индонезийцев, в осознание ими себя нацией, находящейся

на одном уровне политической иерархии с любой другой нацией мирового сообщества [4. С. 216].

Но трагедией индонезийского лидера, посвятившего себя задаче строительства нации, стала ставка на акции и кампании героического содержания. Он не смог наполнить психологию древних этносов Архипелага осознанием того факта, что жизнь нации не может быть движением от одной конфронтации к другой, от одного героического поединка к другому, что жизнь нации – это зачастую кропотливая и рутинная работа над собственным совершенствованием, что «золотой мост» это не фразеология и доминирование идеологии, а модернизация и экономическое развитие.

Конфликт с Малайзией оказался много сложнее решения западноиррианской проблемы и имел совершенно иной резонанс на международной арене. Для руководства мировых держав – США и СССР – была очевидна опасность развязанной индонезийским лидером конфронтации, в ходе которой события могли принять бесконтрольный и непрогнозируемый характер. Конфликт между Индонезией и Малайзией мог из локального превратиться в международный. Британский журнал «Уорлд тудей» сообщал о готовности Великобритании объявить войну Индонезии с тем, чтобы выполнить свои обязательства в отношении Малайзии [5. С. 165].

Сукарно в этот период особенно сближается с Китаем. Руководство КНР поддержало его, видя недовольство Сукарно позицией Советского Союза по малайзийской проблеме. Сближение КНР с Индонезией вписывалось в противостояние Пекина и Москвы начала 60-х гг. Курс на стремительное сближение с Китаем наносил непоправимый ущерб имиджу Сукарно. В среде этносов Архипелага всегда присутствовала настороженная отчужденность к замкнутой китайской диаспоре. В массовом сознании индонезийцев господствовали антикитайские настроения, основанные на том, что китайцы не стремятся к ассимиляции, свысока относятся к местному населению. Китайское этническое меньшинство вело довольно обеспеченный образ жизни, вызывая зависть и неприятие у индонезийцев. Находясь в Индонезии, исследователю А.Ю. Другову в беседе с китайским бизнесменом довелось услышать следующую оценку: «Если китаец заработает пять рублей, он три проест, а два отложит. Если индонезиец заработает пять рублей, он шесть проест». Китайцы с крайним осуждением относятся к склонности к расточительству и лени, присущим, по их мнению, индонезийцам. Те же, в свою очередь, видят в трудоспособных и работающих китайцах объект для зависти: «Мы глодаем кости, а китайцы едят мясо» [6. С. 117–118].

Бесперспективность противостояния с Малайзией, сближение на этом фоне с Китаем усугублялись внутренними противоречиями. Сукарно отчаянно маневрировал между представителями левых сил и армейским генералитетом. КПИ начала активную деятельность, направленную против кабиров, а следовательно, против военных. На словах формально и те и другие под-

держивали Сукарно, но на деле никакого единодушия устремлений уже не существовало.

Сукарно шел на все, отчаянно сигнализируя различным политическим силам страны, надеясь, что все это он делает во имя высшей цели – единства, которое было альфой и омегой его лидерства. Харизматичность Сукарно осталась, но стала выхолощенной, лишенной искрометности, энергетического потенциала, пассионарности. Он продолжал жить прошлым, он не мог найти свое место в изменившейся политической обстановке. Он утратил магию обаяния, он перестал влиять на массы, отдалившись от них. Народ стал объектом манипулирования и почувствовал это. К середине 60-х гг. Сукарно ничего не мог предложить своему народу. У него не было программы по выходу из затяжного кризиса. Образ жизни Сукарно все более входил в противоречие с его имиджем революционного лидера, его жизнь и выступления этого периода все более соответствовали стилю яванских средневековых монархов. Характерный эпизод излагает С. Адамс, автор одной из лучших и обстоятельной биографии индонезийского лидера, лично знакомая с ним, в своей книге «Сукарно мой друг». Как-то жена президента – Хартини ангажировала Адамс с супругом на прием во дворце. Когда они прибыли точно в указанное время, выяснилось, что дата приема была названа ошибочно. Личный пилот Сукарно сказал, что, присутствуя при приглашении, он обратил внимание на допущенную мадам Хартини ошибку. Он ничего не сказал, поскольку счел неприличным поправлять жену Сукарно. Американцам же пилот ничего не сказал, поскольку он не мог показать вид, что слышал разговор, не имеющий к нему никакого отношения [7. Р. 237–238].

В середине 60-х гг. индонезийский лидер занял прочное место на ярмарке политического тщеславия и честолюбия. Возникла маниакальная одержимость проектами, которые так и оставались лишь общими концепциями. Строительная гигантомания и султанский образ жизни вознесли его на пьедестал, с высоты которого насущные проблемы индонезийского общества были трудно различимы. Как пишет С. Пендерс: «Его зарубежные турне и интимные похождения были грандиозны и достойны яванского раджи» [8. Р. 200].

Лидерство Сукарно сформировало любопытную особенность индонезийской модели. Согласно традициям яванской культуры ошибки и неудачи, допускаемые лидером, свидетельствуют об утрате им божественной благодати, космической энергии секти. Следовательно, и правитель теряет свою сакральную харизматичность. Однако несмотря на общее осознание индонезийцами тупика, в который пришел их лидер вместе с ними, они на уровне бытового сознания пытались снисходительно относиться к трансформациям имиджа Бунг Карно. «Даже родной отец иногда совершает ошибки, но вы не перестаете из-за этого любить его», – говорили индонезийцы, когда решения президента выглядели совсем иррациональными [9. С. 198–199].

Сукарно интуитивно или сознательно следовал в формировании своего имиджа тенденциям, понятным и созвучным идеалам массового сознания этносов Архипелага. Поэтому образ раджи и многочисленные любовные связи не только не вредили образу «отца нации», но и содействовали увеличению его креативного потенциала у населения.

Но если внешнее проявление лидерства Сукарно и массовое сознание находились в гармонии, то накапливающиеся экономические проблемы настойчиво взывали к решению. Следующие один за другим провалы в экономической сфере испепеляли его харизму. Почитания и восхищения становилось все меньше. Восторги толпы сменялись ропотом и недовольством. В некоторых городах Индонезии людям приходилось вставать до восхода солнца, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Начались сбои в работе почты. Люди целыми днями ждали доставки корреспонденции и газет, а когда их приносили, центральная станция уже отключала свет. В то время индонезийцы часто сетовали: «По вечерам нам только и остается, что сидеть в темноте и утешать себя мыслью, что лет через пять наша экономика все же сделает шаг к прогрессу» [10].

Стремление к региональной гегемонии приобретало к середине 60-х гг. гипертрофированные формы. В 1965 г. индонезийский лидер заявил: «В начале нашей революции нам были известны лишь два центра мировой политики – Вашингтон на Западе и Москва на Востоке. Сегодня со своим политическим курсом и собственной позицией, освобожденной от диктата Вашингтона, стал выступать Париж. Каир претендует на то, чтобы стать центром силы арабского мира. Аддис-Абеба хочет занять центральное место в африканском единстве. На севере Азии появился Пекин, а на юге – Джакарта» [11].

Развивая свою концепцию о НЕФО, Сукарно называет народы Азии, Африки и Латинской Америки авангардом грядущей мировой революции, а Индонезию – «маяком авангарда» [12. Р. 10]. К 1965 г. Сукарно утратил ощущение реальности. Его претензии на руководящую роль не только в рамках Азии, но и Африки и Латинской Америки, т.е. на роль лидера всех стран «третьего мира», были неуместны и нелепы.

В январе 1965 г. Сукарно объявил о выходе Индонезии из состава ООН, протестуя против избрания Малайзии в качестве непостоянного члена СБ ООН: «Народ долго терпел ООН, но теперь чаша терпения переполнилась» [13].

Нельзя не обратить внимание на очередное противоречие в позиции президента. Всего пять лет назад Сукарно с пиететом относился к этой организации: «Мы, индонезийцы, особенно заинтересованы в ООН... Благодаря ООН период нашей борьбы за независимость и национальную жизнь был сокращен» [14. С. 357].

Руководство КНР поддержало демарш, предпринятый Сукарно. В январе 1965 г. было подписано совместное заявление Индонезии и Китая о том, что не может быть мирного сосуществования между новыми растущими силами и старыми силами» [15]. Сукарно поддержал испытания ядерного оружия в КНР, отметив, что это фактор, который способствует коренной трансформации сил на международной арене [9. С. 223–225]. В печати Индонезии стали активно звучать призывы к окончанию политики мирного сосуществования государств с различными идеологическими системами [4. С. 224–225]. Так Сукарно в корне пересмотрел свою внешнеполитическую доктрину. В качестве основного союзника был окончательно избран Китай. В выступлениях индонезийского руководства появились неприкрытые антиамериканские и антисоветские высказывания. На фоне роста антиамериканских настроений были совершены нападения на государственные учреждения США в Джакарте и других городах [16. С. 70–76]. Архитектор Бандунга, политики неприсоединения – Сукарно фактически полярно изменил свои подходы к решению проблем мировой политики. Все это вело к изоляции Индонезии. Сукарно разорвал внешнеэкономические связи с Великобританией, Малайзией, Сингапуром. 11 апреля 1965 г. он выступил с речью «Опора на собственные силы». В ней он заявил об окончании национально-демократического этапа и о наступлении этапа социалистического. После чего отметил, что Индонезия стала «маяком авангарда» для стран «третьего мира».

По существу он выступал против биполярного мира, призывая к многополюсности. В его схеме было три центра силы: США во главе НАТО, СССР во главе Варшавского договора и Индонезия во главе развивающихся стран. Все это подтверждало, что индонезийский лидер вышел за пределы реалистической политики [4. С. 226], полностью погрузившись в мессианское мифотворчество.

Внутри страны апогея достигло противостояние между КПИ и армией. Сукарно предпочитал торможение, а не разрешение назревших противоречий. Он не хотел замечать, что курс «направляемой демократии» исчерпал себя. Атмосфера постоянной напряженности расшатывала политическую систему, авторитет лидера, входя в противоречие с яванской политической культурой, в соответствии с которой власть должна вносить в общество гармонию и порядок. Сукарно достиг прямо противоположного результата. Напряжение нагнеталось и распространившимися слухами об обострении у Сукарно хронической болезни почек, способной в любой момент привести к смерти Президента [9. С. 223]. В этой связи у армейской верхушки возникли опасения, что после смерти Сукарно им будет сложно претендовать на лидерство в политической системе Индонезии, состязаясь с КПИ, поскольку генералитет погряз в коррупции. В апреле 1965 г. на семинаре командования сухопутных войск была официально провозглашена концепция «двойной функции армии», кото-

рая теперь должна была действовать не только в военной, но и в идеологической, экономической культурной и религиозной сферах [17. Р. 24–25].

Генералитет всячески подталкивал Сукарно к отказу от революционной фразеологии и блокирования с коммунистами. Сукарно демонстрировал аморфность и нерешительность. Он боялся нарушить хрупкое равновесие сил, хотя баланса давно уже не существовало.

Дальнейшие события, развиваясь на фоне бездействия Сукарно, решили его судьбу и видоизменили облик политического режима страны. Весной 1965 г. Сукарно получил информацию о готовящемся заговоре против него в армии. В свою очередь, из армейской среды выделилась группа «прогрессивных офицеров», которые, блокируясь с коммунистами, выступили с инициативой пресечь попытку переворота. Их блок получил название «Движение 30 сентября». В ночь на 1 октября 1965 г. «прогрессивные офицеры» арестовали и расстреляли шестерых генералов сухопутных войск. В штаб движения прибыл Сукарно, который занял выжидательную позицию. Он не выразил официального одобрения акции «прогрессивных офицеров». Это создало двусмысленную ситуацию. Теперь в роли людей, пытавшихся осуществить переворот, оказались сами «прогрессивные офицеры». Этим мгновенно воспользовался командующий стратегическим резервом армии генерал-майор Сухарто, который принял на себя командование сухопутными войсками и объявил «Движение 30 сентября» попыткой государственного переворота [4. С. 229–231].

Сукарно и его окружение приложили все усилия к тому, чтобы изменить картину событий, исказив ее до неузнаваемости. Виновными в убийстве шести генералов, по их версии, стали коммунисты. В их адрес началась волна террора. Сукарно по-прежнему придерживался туманной позиции, сохраняя молчание. 11 марта 1966 г. Сукарно дал поручение генералу Сухарто «принимать все меры, необходимые для обеспечения безопасности, спокойствия и стабильности в управлении государством и развития революции, а также для обеспечения личной безопасности и авторитета президента во имя единства индонезийской нации и Республики Индонезии». Сухарто был обязан действовать в соответствии с идеологической доктриной Сукарно и быть ему подотчетным во всех действиях [18. С. 45]. Подписанный документ по существу был передачей власти в стране генералитету. 12 марта Сухарто распустил КПИ, в октябре 1966 г. насильственно изменил состав правительства. 7 февраля 1967 г. Сухарто в конфиденциальном письме к Сукарно предложил ему передать исполнительную власть. 20 февраля Сукарно передал управление страной Сухарто [4. С. 240–241]. В 1968 г. военные выдворили Сукарно из Богорского дворца и поместили под домашний арест в особняке в Джакарте. 21 июня 1970 г. бывший индонезийский лидер, сакральный харизматический авторитет, отец нации Бунг Карно, тихо ушел из жизни в центральном армейском госпитале Джакарты [19. С. 242].

Но его поражение как политика обернулось победой сакрального харизмата, яванского правителя, излучавшего секти. Уход из жизни и новый режим вновь произвели его в ранг священного символа нации, основы единства в многообразии.

© Воронин С.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams . N.Y., 1965.
- [2] Hilsman R. To move a nation. N.Y., 1967.
- [3] Williams M. Five Journeys from Jacarta, Inside Sukarno's Indonesia. N.Y., 1965.
- [4] Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. М., 2005.
- [5] World Today. L, April, 1965.
- [6] Другов А.Ю. Индонезия. Политическая культура и политический режим. М, 1997.
- [7] Adams C. Sukarno. My friend. Singapore, 1980.
- [8] Penders C. The life & times of Sukarno. L., 1974.
- [9] Капица М. С., Малетин Н. П. Сукарно: политическая биография М.: Мысль, 1980.
- [10] Business news, Djakarta, 12.07.1963.
- [11] "Harian rakjat", 20. 04.1965.
- [12] Berdiri diatas kakisendiri. April, 1965. P. 10.
- [13] Antara, 21.01.1965.
- [14] Сукарно. Индонезия обвиняет. М, 1961.
- [15] Harian Rakjat. 29.01.1965.
- [16] Малетин Н.П., Внешняя политика Индонезии. М, 1973.
- [17] Crouch H. The army & politics in Indonesia. L., 1978.
- [18] Цит. по: Юрьев А.Ю. Индонезия после событий 1965 г. М., 1973.
- [19] Шолмов Ю.А. Сукарно и Советский Союз // Сукарно: политик и личность. М, 2001.

REFERENCES

- [1] Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams . N.Y., 1965.
- [2] Hilsman R. To move a nation. N.Y., 1967.
- [3] Williams M. Five Journeys from Jacarta, Inside Sukarno's Indonesia. N.Y., 1965.
- [4] Drugov A.Ju., Tjurin V.A. Istorija Indonezii. XX vek. M., 2005.
- [5] World Today. L., April, 1965.
- [6] Drugov A.Ju. Indonezija. Politicheskaja kul'tura i politicheskij rezhim [Indonesia: Political culture and political regime]. M., 1997.
- [7] Adams C. Sukarno. My friend. Singapore, 1980.
- [8] Penders C. The life & times of Sukarno. L., 1974.
- [9] Kapica M.S., Maletin N.P. Sukarno: politicheskaja biografija [Sukarno: Political Biography]. M.: Mysl', 1980.

- [10] Business news. Djakarta, 12.07.1963.
- [11] “Harian rakjat”. 20. 04.1965.
- [12] Berdiri diatas kakisendiri. April, 1965. P.10.
- [13] Antara. 21.01.1965.
- [14] Sukarno. Indonezija obvinjaet [Indonesia blames. Collection of articles and speeches]. M., 1961.
- [15] Harian Rakjat. 29.01.1965.
- [16] Maletin N.P. Vneshnjaja politika Indonezii [Indonesia’s foreign policy]. M, 1973.
- [17] Crouch H. The army & politics in Indonesia. L., 1978.
- [18] Cit. po: Jur’ev A.Ju. Indonezija posle sobytij 1965 goda [Indonesia after the events of 1965]. M, 1973.
- [19] Sholmov Ju.A. Sukarno i Sovetskij Sojuz. Sukarno: politik i lichnost’ [Sukarno: a politician and personality]. M., 2001.

**REGIME OF “GUIDED DEMOCRACY”
(ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF THE IDEOLOGY
OF THE “THIRD POSITION” IN INDONESIA)**

S. Voronin

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The author reveals the basic provisions of the ideology of the “Third Position” in the Indonesian political leadership model. By the end of the 50’s Sukarno completed the formation of the doctrine of the “Third Position “. Analyzing the current political model, Sukarno appealed to the identity, rejecting capitalism that generates colonialism and fascism. He rejected, first of all, the very psychological foundation of liberal capitalism – individualism, the guiding to the competition and struggle, and therefore unacceptable to Indonesia concept of “Third Position”. Sukarno meant building a socio-economic model of traditional, patriarchal and egalitarian society based on the principle of community solidarity and mutual assistance. The main element of the social model, according to Sukarno thought, was the family as the center of solidarity, led by the patriarch, the head of the family. The principle of family has been moved Sukarno all Indonesian society. Sukarno himself became father of the nation, to decide for all, in the name of all. The thesis of this period “The main thing in our democracy is a governance “

Key words: Sukarno, Indonesia, solidarism, political leadership

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-27-42

**ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ, КАНАДЫ,
АВСТРАЛИИ И НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

А.Н. Комаров

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, Москва, Россия, ГСП-3, 125993

В статье представлен научный анализ партийных систем Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Автор подчеркивает, что партийные системы вышеупомянутых государств опираются на общенациональном уровне на двухпартийную систему англосаксонского типа. Канадские, британские, австралийские и новозеландские консерваторы, либералы и социал-демократы рассматривают прогрессивное развитие общества в рамках сложившейся двухпартийной системы, которая формирует институциональную, электоральную и политическую базу для идеологий, и прежде всего консерватизма, либерализма и социал-демократизма. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на ряд вышеупомянутых моментов, в двухпартийных системах Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии имеются и существенные отличия, которые объясняются историческими и экономическими особенностями развития этих стран. Кардинальным отличием является отсутствие организационно оформленной Консервативной партии в партийных системах Австралии и Новой Зеландии.

Ключевые слова: партийные системы, консерватизм, либерализм, социал-демократизм, высокоразвитые государства мира, англосаксонские политические традиции, общенациональный уровень, генезис

Введение. При изучении новой и новейшей истории большой интерес для исследователя представляет анализ партийных систем Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии, а также выделение в них общего и особенного. Научный интерес к данной проблематике обуславливается, с точки зрения автора, следующими факторами.

Во-первых, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия играют важную роль в современных международных отношениях не только потому, что это страны Содружества наций во главе с монархом Великобритании, но, что наиболее важно, это высокоразвитые государства мира, входящие в элитные международные клубы «большой семерки» и «большой двадцат-

ки». В частности, Великобритания и Канада постоянно участвуют в работе «большой семерки» и «большой двадцатки», равно как и Австралия представлена «в большой двадцатке» на регулярной основе.

Во-вторых, политических элиты этих государств со второй половины XIX в. опираются на общенациональном уровне на двухпартийную систему англосаксонского типа, и этот порядок вещей не меняется вплоть до настоящего времени.

В-третьих, канадские, британские, австралийские и новозеландские консерваторы, либералы и социал-демократы выступают исключительно за мирное, поступательное и эволюционное развитие общества и государства, без социальных потрясений, революций и катаклизмов. Они рассматривают прогрессивное развитие общества в рамках сложившейся двухпартийной системы, которая формирует институциональную, электоральную и политическую базу для их идеологий, и прежде всего консерватизма, либерализма и социал-демократизма.

В-четвертых, необходимо отметить, что, несмотря на ряд вышеупомянутых моментов, в двухпартийных системах Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии имеются и существенные отличия.

Методы и материалы. Провести научный анализ партийных систем Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии позволяет рассмотрение следующих исторических источников: предвыборных манифестов британских, канадских, австралийских и новозеландских политических партий, речей и выступлений их лидеров [1]. Именно анализ избирательных платформ политических партий стран позволяет сделать выводы о том, почему те или иные партии выигрывали парламентские выборы, в чем они сумели заинтересовать электорат. Использование вышеупомянутых источников позволяет сделать вывод об общем характере двухпартийных систем стран Содружества наций, но в то же время выделить в них общее и особенное.

Методологическая основа данного исследования представлена: принципом историзма, системным методом, сравнительно-историческим методом. В статье применен также междисциплинарный анализ: понятийно-категориальный аппарат исторического исследования в статье был синтезирован с политологическим понятийно-категориальным аппаратом. В частности, принцип историзма рассматривает партийные системы Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии в их генезисе и историческом становлении.

Системный метод был использован в статье исходя из двух подходов. С одной стороны, был проделан комплексный анализ максимально возможного количества источников, содержащих достоверную информацию по теме. С другой стороны, анализу партийных систем Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии был придан системный ракурс, реализованный

в соединении воедино их отличительных особенностей и истории становления.

Сравнительно-исторический метод, примененный в работе, позволяет выделить общее и особенное в канадском, британском, австралийском и новозеландском вариантах партийных систем, как через призму концепций и взглядов ведущих политических партий трех государств, так и непосредственно по этапам исторического развития партийных систем в четырех странах.

Путем использования междисциплинарного анализа в статье была показана необходимая взаимосвязь политической науки и всеобщей истории. Следует отметить, что автор данной работы не ставил для себя задачи провести подробный институциональный анализ деятельности политических партий Канады, Австралии, Новой Зеландии и Великобритании, что характерно для собственно политологического исследования, а вводил этот материал только в контексте описания проблематики данной статьи. Важную роль при написании данного исследования сыграл и анализ обобщающих зарубежных и отечественных исследований по истории партийных систем Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии, раскрывающих их сущность, характер и особенности [2].

Исследование проблемы. Прежде чем перейти к выделению общего и особенного в партийных системах Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии, необходимо остановиться на их генезисе, а также специфике развития в новое и новейшее время.

Необходимо отметить, что в этой связи партийная система Великобритании представляется, как ни странно, относительно несложным научным примером для оценки и анализа. Британские консерваторы в 60-е гг. XIX в. способствовали формированию в Великобритании двухпартийной системы и заложили основы Консервативной партии благодаря общественно-политической деятельности ее лидеров Р. Пиля, Б. Дизраэли, Р. Солсбери. Она сразу же стала частью двухпартийного механизма страны наряду с Либеральной, а затем и Лейбористской партиями.

Будущий премьер-министр Англии и один из самых знаменитых консерваторов XIX в. Б. Дизраэли, будучи канцлером казначейства в составе правительства лорда Дерби, в 1867 г. осуществил дальнейшие беспрецедентные меры по расширению социальной базы консерваторов, и прежде всего среди рабочего класса. В годы своей молодости, внимательно наблюдая за ходом чартистского движения в Англии в 30–40-е гг. XIX в., Б. Дизраэли пришел к абсолютно правильному выводу о том, что именно достижение компромисса с зарождающимся пролетариатом будет способствовать, с одной стороны, предотвращению возможной революционной ситуации и обострения радикализма, а с другой значительно расширит социальную базу консерваторов. Б. Дизраэли приложил значительные усилия для утверждения британским парламентом избирательной реформы 1867 г., по которой избирательные пра-

ва были переданы рабочему классу. Академик В.Г. Трухановский, оценивая вклад Б. Дизраэли в развитие британского консерватизма, отмечал: «Акт о реформе избирательного права, принятый в 1867 г., явился этапным событием в истории Англии... Вместе с аналогичными актами, принятыми в отношении Шотландии и Ирландии, он увеличил и число избирателей с 1 359 000 до 2 456 000. Новыми избирателями были в основном городские рабочие. И так, консерваторы провели закон, давший избирательные права рабочему классу. Парадокс, политическая аномалия? Может быть, в этих парадоксах и аномалиях и лежит объяснение и того факта, что и в конце XX в. консервативная партия в Англии собирает на выборах в парламент большое число голосов рабочих-избирателей и чувствует себя прочно у власти» [3. С. 281].

Во второй половине XIX в., несмотря на постоянное политическое противоборство с либералами и их могущественным лидером – У. Гладстоном, консерваторы около семнадцати лет находились у власти, обладая парламентским большинством при правительственных кабинетах Б. Дизраэли в 1874–1880 гг. и маркиза Солсбери в 1886–1892 гг. и 1895–1900 гг. [4. Р. 98].

В области внешней политики как консерваторы, так и либералы были едины, выступая прежде всего за расширение британской колониальной империи и за жесткий бескомпромиссный подход по отношению к царской России, которую в Великобритании считали своим главным конкурентом за геополитическое влияние в Афганистане, Центральной Азии и на Балканах.

Важнейшие изменения в партийной системе Великобритании произошли в 20-е гг. XX в. Они были связаны как с внутренним расколом в самой Либеральной партии, так и с серьезными разногласиями консерваторов с последним премьер-министром Великобритании от Либеральной партии Д. Ллойд Джорджем, возглавлявшем коалиционное правительство в 1918–1922 гг.

Во-первых, консерваторы, и в частности У. Черчилль, инициировавшие в 1919 г. интервенцию в Советскую Россию, выступили против ее признания де-юре и подвергли резкой критике советско-английский торговый договор 1921 г., заключенный Д. Ллойд Джорджем. Они считали провальной внешней политикой Д. Ллойд Джорджа, поскольку ему не удалось добиться выплат от Советской России довоенных царских долгов, а, кроме того, первое в мире социалистическое государство не оказалось в дипломатической изоляции, как они ожидали этого, а наоборот, заключило торговый договор с Великобританией, а также Раппальские соглашения с Германией в 1922 г.

Во-вторых, консерваторы и либералы в коалиционном правительстве Д. Ллойд Джорджа не могли прийти к согласию по колониальному вопросу. Если премьер-министр выступал за либерализацию внешнеэкономических связей с колониями, то консерваторы по-прежнему отстаивали неизменную имперскую политику.

В-третьих, несмотря на все меры, предусмотренные Д. Ллойд Джорджем, правительство не смогло остановить размах забастовочного и стачечного движения, характерного для Англии после завершения Первой мировой войны.

В-четвертых, продолжался организационный и идеологический раскол Либеральной партии Великобритании на сторонников Д. Ллойд Джорджа и лорда Г. Асквита, что не способствовало укреплению либерализма как общественно-политической идеологии, а наоборот, наносило ему непоправимый ущерб.

В-пятых, консерваторы считали чрезмерными уступки по ирландскому вопросу, предоставленные Д. Ллойд Джорджем, и связанные с образованием независимого Ирландского государства в 1921 г.

В результате консерваторы вышли из коалиции с либералами и лейбористами в октябре 1922 г. Это привело к отставке Д. Ллойд Джорджа с поста премьер-министра Великобритании и главы коалиционного правительства. Показательно, что все вышеупомянутое отразилось и на электоральном выборе в Великобритании и результатах парламентских выборов 1923 г., когда ни одна из партий не получила абсолютного большинства мест в парламенте: консерваторы – 259 мандатов, лейбористы – 191, либералы – 159 мандатов [5. С. 195]

После ухода в отставку Д. Ллойд Джорджа в 1922 г. никогда более Либеральная партия Великобритании не возвращалась к власти и не смогла сформировать правительство парламентского большинства или даже меньшинства. Она завершила свой путь в 1988 г., объединившись с социал-демократической партией и образовав партию социальных и либеральных демократов. В 1989 г. эта партия стала называться партией либеральных демократов Великобритании, но не смогла ни разу опередить на парламентских выборах ни лейбористов, ни консерваторов.

Таким образом, лейбористы во главе с Р. Макдональдом заменили либералов в системе власти с 1924 г., сформировав первое в истории Великобритании лейбористское правительство в 1924 г., повторив затем свой успех в 1929 г.

Необходимо отметить, что британские лейбористы в значительной степени адаптировались к политическому управлению Великобританией в период после Второй мировой войны, и особенно правительственные кабинеты К. Эттли, находившиеся у власти в стране в 1945–1951 гг. Выиграв парламентские выборы 1945 и 1950 г., лейбористы во главе с К. Эттли тонко почувствовали послевоенные настроения избирателей, полевание в обществе, стремление к демократическим реформам. В этой связи лейбористы подготовили детальную программу национализации ряда ключевых отраслей экономики, и прежде всего угольной, сталелитейной, банка Англии и т.д., которую они и успешно осуществили в 1946–1951 гг. [6].

Другие лейбористские правительства также пользовались поддержкой избирателей, однако они не были столь успешны, как правительственные кабинеты К. Эттли.

На дальнейшую деятельность лейбористов самым серьезным образом влияла либо ухудшающаяся экономическая конъюнктура в стране, либо собственные ошибки и просчеты. Например, на деятельность премьер-министра Великобритании и лидера Лейбористской партии Д. Каллагэна оказали печальное влияние события так называемой «жаркой зимы» 1978–1979 гг., когда британские профсоюзы не выполнили его требование об установлении 5% потолка на повышение заработной платы на предприятиях государственного сектора с тем, чтобы избежать роста инфляции и дальнейшего скачка цен [7. С. 105–106]. В результате этого профессиональный и высококвалифицированный политик Д. Каллагэн проиграл М. Тэтчер парламентские выборы 1979 г. В свою очередь, нахождение у власти лейбористских кабинетов Т. Блэра и Г. Брауна в 1997–2010 гг. негативный отпечаток наложила иракская военная авантюра, т.е. поддержка Великобританией агрессии США и Ирак в 2003 г., которая подверглась обструкции не только во всем мире, но и привела к отставке половины действующего лейбористского кабинета Т. Блэра, и, в том числе министра иностранных дел Р. Кука.

Однако в целом тенденция сохранения двухпартийной системы Великобритании на общенациональном уровне с опорой на консерваторов и лейбористов с 1924 г. сохраняется и по настоящей момент времени, и в ближайшее время меняться не будет. Региональные политические силы в Великобритании не оказывают столько серьезного влияния на двухпартийную систему страны, как, например, в Канаде.

Ключевым вопросом применительно к партийной системе Канады является вопрос о том, двухпартийна ли она или многопартийна. В частности, это явилось предметом интересной и оживленной дискуссии, имевшей место на научной сессии памяти Вадима Александровича Коленко (1943–2011), проводившейся 30 мая 2016 г. в Центре североамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук. В этой связи хотелось бы отметить следующее. При оценке характера партийной системы Канады необходимо очень четко подразделять ее различие на общенациональном и провинциальном уровнях.

На общенациональном или федеральном уровне в Канаде существует классическая двухпартийная система англосаксонского типа, когда одна партия находится у власти, а другая — в оппозиции к ней. Необходимо отметить, что эта тенденция является неизменно стабильной на всем протяжении развития канадского государства. Общенациональные предпочтения канадских избирателей таковы, что они не допускают к власти со второй половины XIX в. ни одну из других политических партий, кроме Либеральной и Прогрессивно-консервативной, а с 2003 г. — Консервативной.

Даже в самые непростые и напряженные моменты развития канадского государства, например с 1993 по 2006 г., электорат четырежды, в 1993, 1997, 2000 и 2004 г., приводил к власти Либеральную партию во главе с Ж. Кретьеном и П. Мартином, не доверяя ни правоконсервативным Партии Реформ и Канадскому консервативному альянсу реформ во главе с П. Мэннингом и С. Деем, отвечающим исключительно интересам провинций канадского Запада, ни Квебекскому блоку, реализующему интересы франкоканадской провинции Квебек [8. С. 67–93]. Напротив, в 2006 г., оценив всю компетентность и серьезность намерений новой Консервативной партии во главе со С. Харпером по управлению канадским государством на общенациональном уровне, избиратели последовательно привели ее к власти в результате прошедших всеобщих выборов.

Таким образом, ни националистические, ни региональные интересы отдельных субъектов канадской федерации не смогли подвергнуть эрозии политический процесс в Канаде, строящийся исключительно на взаимодействии консерваторов и либералов на общенациональном уровне и их последовательной смене у власти, пусть даже со значительными временными интервалами. Канадские избиратели предпочитают мирный и эволюционный путь развития государства, без социальных потрясений, радикальных подходов и методов. Именно такой путь общественного развития ассоциируется у них со второй половины XIX в. исключительно с политической практикой консерваторов и либералов. Поэтому стоит подчеркнуть, что на федеральном уровне в Канаде существует двухпартийная система.

Напротив, на провинциальном уровне складывается принципиально иная ситуация. В отдельных субъектах канадской федерации велика роль других политических партий, зачастую стоящих на позициях консерватизма, либерализма и социал-демократизма, однако отвечающих исключительно региональной специфике и предпочтениям избирателей. Например, во франкоязычной провинции Квебек местная двухпартийная система основывается на попеременном нахождении у власти Квебекской и Либеральной партий, в то время как провинция Онтарио представляет собой уникальный пример трехпартийной системы, где в 80–90-е гг. XX в. новые демократы, либералы и консерваторы последовательно сменяли друг друга у власти.

В свою очередь, избиратели провинций Альберта, Манитоба, Саскачеван, Британская Колумбия в течение длительного времени отдавали предпочтение Партии Реформ и Канадскому консервативному альянсу реформ, которые, с их точки зрения, усиливали влияние канадского Запада в политическом процессе в Канаде. Таким образом, в субъектах канадской федерации, на провинциальном уровне, у избирателей нет четкой приверженности традиционной двухпартийной системе англосаксонского типа. Она может быть как двухпартийной, так и многопартийной.

Важнейшим отличием британской партийной системы от канадской является и то, что в последней в недостаточной степени на общенациональном уровне приживаются социал-демократические идеи. Итоги последних парламентских выборов 2015 г. свидетельствовали о том, что НДП (Новой демократической партией), несмотря на все усилия, не удалось прийти к власти в общенациональном масштабе. Она не смогла стать реальной политической альтернативой консерваторам и либералам. Получив 19,71% голосов избирателей и 44 места в палате общин во главе со своим новым лидером Т. Малкером, по сути дела, новые демократы возвратились к результатам парламентских выборов 1984 и 1988 г., когда под руководством талантливого лидера Э. Бродбента они смогли получить 18% голосов и 30 мест в палате общин в 1984 г. и 20% голосов и 43 места в палате общин в 1988 г.

Новые демократы также не смогли развить свой предшествующий успех парламентских выборов 2011 г., когда во главе с профессиональным и харизматичным Д. Лейтоном им удалось получить 30,6% голосов избирателей и 103 места в палате общин [9].

В целом необходимо констатировать, что существующая с 1961 г. Новая демократическая партия, имеющая среднюю поддержку канадских избирателей на уровне 18–20%, остается партией постоянной оппозиции, несмотря на перечень постоянных усилий, который предпринимался Э. Бродбентом и Д. Лейтоном – лучшими лидерами в истории партии.

В чем же состоят причины вышеупомянутых неудач НДП? Думается, что они связаны не только с тем, что новые демократы не могут полноценно довести левоцентристскую повестку дня до канадских избирателей. Глобальная причина неудач новых демократов заключается в особенностях политической культуры Канады. В этой связи необходимо отметить, что идеи социал-демократизма не разделяются большинством избирателей Северной Америки. Социал-демократизм в Канаде, к сожалению, воспринимается как радикальная политическая идеология развития канадского общества, противостоящая либерализму и консерватизму, не отвечающая интересам значительной части электората. Поэтому те или иные корректировки предвыборных программ новых демократов, вносимые их лидерами накануне тех или иных парламентских выборов, не приносят должных результатов. Необходимо отметить, что в этой связи успех новых демократов на парламентских выборах 2011 г. явился временным явлением, объяснимым скорее политическим непрофессионализмом предшествующего лидера Либеральной партии М. Игнатьева, нежели чем кардинальным прорывом к избирателям канадских социалистов.

В этом плане интересно то, что Канада, как бывшая английская колония, оказалась более приверженной консервативно-либеральной идеологии, нежели чем бывшая метрополия – Великобритания. Если в Великобритании правящие политические элиты, и прежде всего консерваторы, согласились на передачу власти в 1924 г. Лейбористской партии и тем самым способствова-

ли формированию первого лейбористского правительства Дж. Макдональда, а затем благосклонно отнеслись к нахождению у власти второго лейбористского правительства Дж. Макдональда в 1929–1931 гг., то в Канаде ситуация складывалась с точностью до наоборот. В послевоенный период новые демократы скорее воспринимались как третья оппозиционная политическая сила, не являющаяся реальной общенациональной альтернативой.

Опыт успешного нахождения у власти в Европе социалистов, и прежде всего английских лейбористских правительств К. Эттли в 1945–1951 гг., не принимался во внимание канадскими избирателями. Поэтому, подытоживая принципы социал-демократии применительно к канадским реалиям, необходимо отметить, что, к глубокому сожалению, они не поддерживаются большинством избирателей в общенациональном масштабе, которые останавливают свой выбор на консерваторах или либералах. Глубокая боязнь какого-либо даже незначительного поворота к принципам социал-демократии, ассоциированного с нестабильностью, радикальными изменениями и т.д., определяет политические предпочтения канадских избирателей, на общенациональном уровне связанные исключительно с консерваторами или либералами.

Австралийская партийная система носит двухпартийный общенациональный характер, с опорой на Лейбористскую партию Австралии (АЛП) и Либеральную партию, которая в новейшее время состоит в регулярном альянсе с Национальной партией (ранее она называлась Аграрной партией). Поэтому в течение XX в. у власти в Австралии, последовательно сменяя друг друга, находились либо лейбористы, либо либерально-аграрная коалиция. Анализируя двухпартийную систему Австралии, необходимо сразу же остановиться на ряде существенных отличий от партийных систем Великобритании и Канады.

Во-первых, наиболее важным принципиальным отличием партийной системы Австралии является отсутствие в ней организационно оформленной Консервативной партии, в отличие от Великобритании и Канады. С моей точки зрения, именно отсутствие феодальной аристократии в Австралии самым прямым образом повлияло и на отсутствие Консервативной партии в партийной системе Австралии. Именно этот факт также подчеркивает в своей монографии исследователь истории Австралии Н.С. Скоробогатых [10. С. 21]. В частности, она цитирует слова известного новозеландского государственного и общественного деятеля, историка и политолога У. Ривса по поводу отсутствия консервативной идеологии в Австралии: ...тяжело было найти материал для консервативной партии в обществах без двора, титулов, аристократии, государственной церкви, праздного и образованного класса или постоянной армии [11. Р. 77].

В этой связи важным представляется и тот момент, что Либеральная партия Австралии, образовавшись в 1945 г., сразу же аккумулировала интересы не только мелкой и средней буржуазии, но и представителей крупного капи-

тала, поддерживающих консервативную идеологию. Таким образом, Либеральная партия Австралии соединила воедино политические взгляды австралийских либералов и консерваторов.

Во-вторых, принципиально важным отличием от партийных систем Великобритании и Канады является значительно большее влияние лейборизма на взгляды избирателей и политический процесс в Австралии в целом, нежели чем в двух вышеупомянутых странах. Лейбористская партия, наряду с Либерально-аграрной коалицией, являлась не просто составным компонентом двухпартийной системы Австралии, но в течение XX в. она во многом доминировала в федеральной политике. За исключением эпохи нахождения у власти Либеральной партии Австралии под руководством Р. Мензиса, Г. Холта, Д. Макьюэна и Д. Гортона в 1949–1972 гг., лейбористы последовательно управляли страной в 1904 г., 1908–1909 гг., 1910–1913 гг., 1914–1917 гг.; а также в 1941–1949 гг. в годы премьерств Д. Кертина и Б. Ченли, в 1972–1975 гг. под руководством Г. Уитлэма; премьер-министров Б. Хоука в 1983–1991 гг. и П. Китинга в 1991–1996 гг.; премьер-министра К. Радда в 2007–2010 и 2013 гг. [12].

Необходимо отметить, что это старейшая политическая партия Австралии, основанная на рубеже XIX–XX вв., лидеры которой, опираясь на деятельность австралийских профсоюзов, заложили основы двухпартийной системы Австралии. В этом и состоит коренное отличие австралийской партийной системы от двухпартийных британской и канадской.

В Великобритании, напротив, не лейбористы, а именно консерваторы доминировали в управлении страной в XX в. Именно британские консерваторы согласились на приход к власти лейбористов в 1924 г., позволив им сформировать первое лейбористское правительство Макдональда. В Канаде влияние социал-демократической НДП (Новой демократической партии), в отличие от австралийской лейбористской партии (АЛП), на электорат ограничено. Никогда Новая демократическая партия не приходила к власти в общенациональном масштабе, ограничиваясь только локальными успехами в канадских провинциях, и в целом поддерживая постоянный уровень поддержки избирателей на уровне 18–20% голосов (1).

Учитывая приведенные выше отличия от британской и канадской партийных систем, австралийская двухпартийная система является уникальной.

Новозеландская двухпартийная система основана на попеременном нахождении у власти двух партий – Лейбористской и Национальной, которые сменяли друг друга у власти начиная с 30-х гг. XX в. [13].

Если первая, как и повсеместно, была основана на поддержке новозеландских профсоюзов, то последняя соединила воедино политические интересы либералов и консерваторов.

Интересно то, что научный анализ процесса становления партийной системы Новой Зеландии позволяет выделить немало схожих моментов с ин-

ституционализацией партийного процесса в Великобритании. В частности, и новозеландские и английские либералы доминировали в общественно-политической жизни своих государств на рубеже XIX–XX вв. Причем общей особенностью их деятельности был социальный реформизм, что было связано с реформами премьер-министра от Либеральной партии Р. Седдона в конце XIX в.

В Великобритании в период премьерства лидера Либеральной партии Г. Асквита в 1908–1916 гг. был осуществлен ряд важных социальных и экономических реформ, в частности введение системы социального страхования и государственного пенсионного обеспечения. В частности, Д. Ллойд Джордж, будучи министром финансов в правительственном кабинете Г. Асквита, провел закон о государственном страховании, дававший право на обеспечение по болезни и нетрудоспособности, а также закон о страховании по безработице. Будучи премьер-министром Великобритании во главе коалиционного правительства либералов, лейбористов и консерваторов в 1918–1922 гг., Д. Ллойд Джордж продолжил политику, направленную на усиление системы социального страхования в Великобритании.

Показательно, что мерами по введению системы социального страхования и государственного пенсионного обеспечения в Новой Зеландии и в Великобритании новозеландские и английские либералы предотвратили возможность нарастания социальной напряженности и формирования революционной ситуации в своих странах. Это было особенно важно в свете прихода к власти большевиков в России осенью 1917 г. и формирования ими идеологии мировой революции.

В 20-е гг. XX в. в Новой Зеландии, как и в Великобритании, происходят существенные изменения в партийной системе, которую можно было временно охарактеризовать как многопартийную, потому что новозеландские лейбористы, либералы и консерваторы в форме Партии Реформ реально претендовали на власть, причем последние неоднократно побеждали на парламентских выборах в 1919, 1922, 1925 г.

Результаты. Таким образом, можно выделить полученные результаты.

Во-первых, наиболее важным принципиальным отличием партийной системы Австралии является отсутствие в ней организационно оформленной Консервативной партии, в отличие от Великобритании и Канады. С моей точки зрения, именно отсутствие феодальной аристократии в Австралии самым прямым образом повлияло и на отсутствие Консервативной партии в партийной системе Австралии.

Во-вторых, принципиально важным отличием от партийных систем Великобритании и Канады является значительно большее влияние лейборизма на взгляды избирателей и политический процесс в Австралии в целом, нежели чем в двух вышеупомянутых странах. Лейбористская партия, наряду с Либерально-аграрной коалицией, являлась не просто составным компо-

нением двухпартийной системы Австралии, но в течение XX в. она во многом доминировала в федеральной политике.

В-третьих, в субъектах канадской федерации, на провинциальном уровне, у избирателей нет четкой приверженности традиционной двухпартийной системе англосаксонского типа. Она может быть как двухпартийной, так и многопартийной.

В-четвертых, как и в Великобритании, в 20–30 е гг. XX в. в Новой Зеландии происходит партийная перегруппировка, и аналогично событиям в британской политической жизни партийная система стабилизируется в виде двухпартийной с опорой на лейбористов и Национальную партию, которая аккумулировала воедино интересы либералов и консерваторов. Если первое лейбористское правительство Макдональда в Великобритании сформировалось в 1924 г., то в Новой Зеландии первое лейбористское правительство под руководством М. Сэвиджа было образовано вскоре в 1935 г. Со второй половины XX в. партийная система Новой Зеландии стабилизировалась, и Лейбористская и Национальная партии последовательно сменяли друг друга у власти.

Заключение. Научный анализ партийных систем Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии позволяет нам выделить общее и особенное в их генезисе и развитии.

Общие черты

Во-первых, Канада, Австралия и Новая Зеландия заимствовали двухпартийную систему британского образца. В этих государствах всегда рассматривают прогрессивное развитие общества в рамках сложившейся общенациональной двухпартийной системы с опорой на конституционную монархию в Канаде и Австралии, парламентарную монархию в Новой Зеландии.

Во-вторых, принципиальным моментом сходства выступает и то, что представители ведущих политических партий Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии последовательно опирались на теорию разделения властей, принципы правового государства и гражданского общества, конституционализм. Это нашло свою реализацию в создании канадской конституции 1867 г. и ее последующей патриации в 1982 г., формировании конституции АС (Австралийского Союза) в 1901 г.

В-третьих, для представителей ведущих политических партий Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии всегда было неприемлемым любого вида революционное движение и насильственный, а не конституционный приход к власти любых политических группировок и замена тем самым общественного строя в любой стране.

Особенные черты

Несмотря на отмеченное сходство партийных систем Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии, между ними есть и определенные отличия. Они объясняются историческими и экономическими особенностями развития Канады, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии.

Во-первых, в партийных системах Австралии и Новой Зеландии отсутствует организационно оформленная Консервативная партия, в отличие от партийных систем Великобритании и Канады. Именно отсутствие феодальной аристократии в Австралии и Новой Зеландии повлияло и на отсутствие Консервативной партии в партийной системе Австралии. В этом коренное отличие партийных систем Австралии и Новой Зеландии от Великобритании, где зарождение консерватизма как политической идеологии на рубеже XVIII–XIX вв. было связано с негативной реакцией английской аристократии на общественные идеи эпохи Просвещения и опыт Великой Французской буржуазной революции. Партийные системы Австралии и Новой Зеландии были также отличны и от партийной системы в Канаде, где консервативная идеология не отражала изначально, как в Великобритании, мировоззрения феодальной аристократии и ее противостояния с буржуазией, а реализовала, наоборот, прежде всего взгляды торгово-промышленной и финансовой буржуазии, которая считала необходимым образовать федерацию, объясняя необходимость ее появления как минимум двумя важнейшими моментами: во-первых, необходимостью индустриализации страны, и прежде всего, формированием сети железных дорог, а во-вторых, возможной опасностью поглощения канадских территорий со стороны США. Именно эту точку отстаивал лидер Консервативной партии Канады и ее премьер-министр Дж. Макдональд.

В-третьих, значительно большее влияние лейборизма на взгляды избирателей и политический процесс в Австралии и Новой Зеландии в целом отличает особенности партийного развития этих государств от Великобритании и Канады. В частности, Лейбористская партия Австралии доминировала в федеральной политике страны в течение XX в., а в Новой Зеландии она была устойчивым компонентом двухпартийной системы начиная с 1935 г.

В-четвертых, партийные системы Австралии и Новой Зеландии не столь четко отразили идеологические размежевания либералов и консерваторов, как это было в Великобритании и Канаде. Например, Национальная партия Новой Зеландии, являющаяся составным компонентом двухпартийной системы страны, реализует одновременно интересы новозеландских либералов и консерваторов в течение длительного времени.

© Комаров А.Н., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Об этом свидетельствуют электоральные результаты Новой демократической партии Канады после 1961 г. Успех НДП на федеральных выборах 2011 г. был скорее исключением из правил, на который оказала влияние слабая предвыборная кампания либералов во главе с их лидером М. Игнатьевым.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] См.: Let the Future Begin: Jean Chares Plan for Canada's Next Century. Ottawa, PCO of Canada, 1997; Let Us Face the Future: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation. URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1945/1945-labour-manifesto.shtml>; *The Industrial Charter. A Statement of Conservative Industrial Policy*. CUCO. London, May 1947; *The Agricultural Charter. A Statement of Conservative Agricultural Policy*. CUCO. London, June 1948; *Imperial Policy. A Statement of Conservative Policy for the British Empire and Commonwealth*. London, June 1949; *The Industrial Charter. A Statement of Conservative Industrial Policy*. CUCO. London, May 1947.
- [2] См.: *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993; *Blake R.* The Conservative Party from Peel to Churchill. London: Camelot Press Ltd, 1970; *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996; *Комаров А.Н.* Канадские консерваторы: от оппозиции к власти 1990–2010-е годы: Монография. М.: РГГУ, 2014; *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton university press, 1989; *Евтихевич Н.А., Израелян Е.В.* Канада после парламентских выборов. URL: <http://geopolitics.by/analytics/kanada-posle-parlamentskih-vyborov> (дата обращения 15.11.2016); *Скоробогатых Н.С.* История Австралии. XX век / Отв. ред. В. П. Николаев; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015; *Стефанчук Л.Г.* История Новой Зеландии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015; *Бромлей Ю.В.* Страны и народы. Австралия и Океания. Антарктида. Научно-полярное географо-этнографическое издание в 20 томах. М.: Мысль, 1981.
- [3] *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993.
- [4] *Blake R.* The Conservative Party from Peel to Churchill. London: Camelot Press Ltd, 1970.
- [5] *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1989. С. 195.
- [6] *Let Us Face the Future: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation*. URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1945/1945-labour-manifesto.shtml>.
- [7] *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996.
- [8] *Комаров А.Н.* Канадские консерваторы: от оппозиции к власти 1990–2010-е годы: Монография. М.: РГГУ, 2014.
- [9] *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton university press, 1989. P. 46–47; *Евтихевич Н.А., Израелян Е.В.* Канада после парламентских выборов. URL: <http://geopolitics.by/analytics/kanada-posle-parlamentskih-vyborov> (дата обращения 15.11.2016).
- [10] *Скоробогатых Н. С.* История Австралии. XX век / Отв. ред. В. П. Николаев; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015.
- [11] *Reeves W. P.* State Experiments in Australia & New Zealand. L., 1902. Vol. 1.
- [12] *Бромлей Ю.В.* Страны и народы. Австралия и Океания. Антарктида. Научно-полярное географо-этнографическое издание в 20 томах. М.: Мысль, 1981; *The Australian Labour Party*. URL: <http://www.alp.org.au> (дата обращения: 16.11.2016).
- [13] *Стефанчук Л.Г.* История Новой Зеландии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015.

REFERENCES

- [1] See.: Let the Future Begin: Jean Chares Plan for Canada's Next Century. Ottawa, PCO of Canada, 1997; Let Us Face the Future: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation. URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1945/1945-labour-manifesto.shtml>; The Industrial Charter. A Statement of Conservative Industrial Policy. CUCO. London, May 1947; The Agricultural Charter. A Statement of Conservative Agricultural Policy. CUCO. London, June 1948; Imperial Policy. A Statement of Conservative Policy for the British Empire and Commonwealth. London, June 1949; The Industrial Charter. A Statement of Conservative Industrial Policy. CUCO. London, May 1947.
- [2] See.: Truhanovskiy V.G. Bendjamin Dizraeli, ili istoriya odnoy neveroyatnoy kareryi. M.: Nauka, 1993; Blake R. The Conservative Party from Peel to Churcill. London: Camelot Press Ltd, 1970; Peregudov S.P. Tetcher i tetcherizm. M.: Nauka, 1996; Komarov A.N. Kanadskie konservatoryi: ot oppozitsii k vlasti 1990–2010-e godyi: Monografiya. M.: RGGU, 2014; Frizzell A., Pammet J.H., Westell A. The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton university press, 1989; Evtihevich N.A., Israelyan E.V. Kanada posle parlamentskih vyiborov. URL: <http://geopolitics.by/analytics/kanada-posle-parlamentskih-vyiborov> (data obrascheniya 15.11.2016); Skorobogatyih N.S. Istoriya Avstralii. XX vek / Otv. red. V. P. Nikolaev; Institut vostokovedeniya RAN. M.: IV RAN, 2015; Stefan-chuk L.G. Istoriya Novoy Zelandii. XX vek. M.: IV RAN, 2015; Bromley YU.V. Stranyi i narodyi. Avstraliya i Oke-aniya. Antarktida. Nauchno-polyarnoe geografo-etnograficheskoe izdanie v 20 tomah. M.: Myisl, 1981.
- [3] Truhanovskiy V.G. Bendjamin Dizraeli ili istoriya odnoy neveroyatnoy kareryi. M.: Nauka, 1993.
- [4] Blake R. The Conservative Party from Peel to Churcill. London: Camelot Press Ltd, 1970.
- [5] Truhanovskiy V.G. Uinston CHerchill. M.: Mejdunarodnyie otnosheniya, 1989.
- [6] Let Us Face the Future: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation. URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1945/1945-labour-manifesto.shtml>.
- [7] Peregudov S.P. Tetcher i tetcherizm. M.: Nauka, 1996.
- [8] Komarov A.N. Kanadskie konservatoryi: ot oppozitsii k vlasti 1990–2010-e godyi: Monografiya. M.: RGGU, 2014.
- [9] Frizzell A., Pammet J.H., Westell A. The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton university press, 1989. P. 46–47; Evtihevich N.A., Israelyan E.V. Kanada posle parlamentskih vyiborov. URL: <http://geopolitics.by/analytics/kanada-posle-parlamentskih-vyiborov> (data obrascheniya 15.11.2016).
- [10] Skorobogatyih N. S. Istoriya Avstralii. Dvadsatyy vek / Otv. red. V. P. Nikolaev; Institut vostokovedeniya RAN. M.: IV RAN, 2015.
- [11] Reeves W. P. State Experiments in Australia & New Zealand. L., 1902. Vol. 1.
- [12] Bromley YU.V. Stranyi i narodyi. Avstraliya i Okeaniya. Antarktida. Nauchno-polyarnoe geografo-etnograficheskoe izdanie v 20 tomah. M.: Myisl, 1981. S. 16-20; The Australian Labour Party. URL: <http://www.alp.org.au/> (data obrascheniya: 16.11.2016).
- [13] Stefan-chuk L.G. Istoriya Novoy Zelandii. Dvadsatyy vek. M.: IV RAN, 2015.

**PARTY SYSTEMS IN BRITAIN, CANADA,
AUSTRALIA AND NEW ZEALAND:
GENERAL AND SPECIAL**

A.N. Komarov

Russian State University of Humanities
Miuskaya Square, 6, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

The article presents the scholar analysis of the party systems of Britain, Canada, Australia and New Zealand. The author emphasizes that the party systems of the above-mentioned states are based on national level on a two-party system of Anglo-Saxon type. The author believes that the Canadian, British, Australian and New Zealand Conservatives, Liberals and Social Democrats consider the progressive development of society in the framework of the established two-party system that forms the institutional, electoral and political base for their ideologies, primarily conservatism, liberalism and social-democracy. The author comes to the conclusion that, despite the number of aforementioned points in two-party systems of Britain, Canada, Australia and New Zealand, there are significant differences that are explained by historical and economic peculiarities of development of Canada, UK, Australia and New Zealand. A crucial difference is the lack of an institutionalized Conservative party in the party systems of Australia and New Zealand.

Key words: party system, conservatism, liberalism, social-democracy, the highly developed countries of the world, the Anglo-Saxon political traditions, national level, genesis

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-43-52

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕПАТРИАЦИИ «СОВЕТСКИХ ИСПАНЦЕВ» (1956 Г. – Н.В.)

А.А. Арутюнов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению проблем возвращения на историческую родину представителей испанской эмиграции, которые оказались на территории СССР в ходе и по окончании Гражданской войны 1936–1939 гг., закончившейся поражением Второй Республики. В статье рассматриваются наиболее характерные особенности адаптационных процессов, связанных прежде всего с экономико-правовыми аспектами репатриации «советских испанцев». Среди них автор считает уместным выделить вопросы гражданства, жилищного права, а также трудовой занятости и пенсионного обеспечения, принимая во внимание возраст репатриантов на разных этапах процесса их возвращения в Испанию. В статье приводятся не только конкретные действия центрального правительства и местных властей в отношении репатриантов, но и проекты, исходившие от самих «советских испанцев», многие из которых впоследствии были действительно реализованы на практике испанскими чиновниками. Предоставляется также краткий структурный состав испанской эмиграции в СССР, а также периодизация репатриационного процесса с указанием отличительных черт каждого этапа.

Ключевые слова: «советские испанцы», эмиграция, репатриация, гражданство, жилищное право, трудовая занятость, пенсионное обеспечение, Vasnigue

Введение. Феномен испанской эмиграции в нашей стране неразделимо связан с событиями на Пиренеях в 1936–1939 гг. Массовый приезд испанцев в Советский Союз был предопределен именно Гражданской войной, охватившей их родину. Тогда, в конце 1930-х гг., в попытке спастись не только от ужасов войны, но и от неизбежных после поражения Второй Республики репрессий, на территории СССР одновременно оказалось около 6000 граждан Испании.

Несмотря на общность причин, вынудивших этих людей покинуть родную страну, они представляли собой весьма пеструю в социальном отношении группу. Примерно половину составляли «испанские дети» или «дети войны», как их называли в СССР и в Испании соответственно – 1676 мальчиков

и 1197 девочек [1. Р. 18]. Взрослый «компонент» испанской эмиграции составляли примерно 2000 политических беженцев [2. Р. 53], около 200 летчиков республиканских ВВС, проходивших обучение в военно-летной школе в г. Кировабад Азербайджанской ССР, а также моряки республиканского торгового флота (около 240 человек) [3].

Главным и единственным условием возвращения «советских испанцев» на Родину должно было стать, разумеется, падение режима Франко [4. С. 126]. Ход развития политических событий второй половины XX в. дал им возможность вернуться домой, и определенная часть эмигрантов решила воспользоваться этим шансом. Однако между эмиграцией в СССР и первыми попытками реэмиграции прошло слишком много времени, что не могло не повлиять на характер обратных адаптационных процессов – как для «старых республиканцев», так и для «детей войны».

Исследование проблемы. В историографии и источниках по теме испанской эмиграции в СССР за начало процесса, связанного с возвращением «советских испанцев» на Родину, берется 1956 г. Согласно различным воспоминаниям, летом 1956 г. Франко объявил т.н. «амнистию» для большинства «советских испанцев» [5. Р. 196]. Разрешение на возвращение чрезвычайно удивило всю испанскую эмиграцию. В сознание «детей войны» изначально закладывалась аксиома: возвращение в Испанию может случиться лишь вследствие падения франкистского режима и восстановления демократии.

За почти двадцать лет после поражения Республики «советские испанцы» стали настоящими советскими гражданами; кто-то успел образовать семьи – как со своими соотечественниками, так и с русскими девушками и молодыми людьми. И все же в 1956–1957 гг. многие из них решились сделать отчаянный шаг для возвращения домой. В результате в течение 1956 г. было организовано 5 экспедиций, в ходе которых на территорию Испании вернулось 1692 человека; три дополнительные экспедиции 1957 г. вернули на родину еще примерно 250 человек [6. Р. 82]. Однако в итоге больше половины репатриантов в 1957–1960 гг. снова приехали в СССР по ряду причин – как социально-экономических, так и психологически-бытовых.

Следующий этап охватывает достаточно большой промежуток времени – с 1957 по 1991 г. За эти 34 года из Советского Союза в Испанию уехало, по видимому, чуть больше 125 «советских испанцев» [6. Р. 83]. Данные цифры говорят о том, что даже смерть Франко в 1975 г. уже не смогла повлиять на массовое возвращение испанцев на родину. В данном случае речь идет о репатриации в первую очередь немногочисленных к середине 1970-х гг. «старых республиканцев», которые не могли вернуться в Испанию до конца правления Франко.

Третий этап берет свое начало с исчезновения СССР с политической карты мира и формально не имеет конечной даты – пока живы «испанские дети»,

по тем или иным причинам оставшиеся на территории бывшего Советского Союза. С 1991 по 1994 г. в Испанию вернулось порядка 160 человек; далее точная статистика отсутствует. Известно, что отдельные случаи возвращения имели место и в 1995 г., и даже в 2000 г. [6. Р. 83]. Основная причина возвращения «советских испанцев» в указанный период заключается, разумеется, в распаде СССР и, как следствие, в отсутствии перспектив и гарантий для вышедших на пенсию женщин и находящихся на пороге пенсионного возраста мужчин.

На всех этапах репатриации возвращение «советских испанцев» на Родину сопровождалось сменой одной социально-экономической системы на другую. От правовой и экономической обустроенности политэмигрантов и «детей войны» в Испании – с совершенно отличными от советских порядками и законами – во многом зависело, смогут ли они снова почувствовать себя своими в той стране, в которой родились.

Гражданство

На протяжении всего репатриационного процесса из всех экономико-правовых вопросов проблема получения испанского гражданства была для «советских испанцев» наиболее легкоразрешимой. Источники подтверждают тот факт, что уже в 1956 г. прибывающие на родину эмигранты из СССР без каких-либо проблем получали испанские паспорта (при этом лишаясь советских паспортов на выезде) [7]. Более того, даже в случае повторного возвращения в Испанию во второй половине 1960-х гг. власти все равно восстанавливали гражданство «совиспанцам» [8. С.135].

Два основополагающих фактора – демократизация Испании во второй половине 1970-х гг. и распад СССР – внесли определенные коррективы в процесс получения испанского гражданства «детьми войны» и их ближайшими родственниками. Базис остался неизменным – согласно 20 статье Гражданского Кодекса Испании «испанские дети», а также их сыновья и дочери имеют право на испанское гражданство «по выбору» – на том основании, что и те, и те являются детьми испанцев, рожденных на территории Испании [9]. При этом несмотря на то, что Россия и Испания не имеют двустороннего соглашения о приобретении «двойного гражданства», начиная с 1990-х гг. «детям войны», возвращающимся из России и других стран СНГ на свою историческую родину, испанское гражданство предоставляется «автоматически» по прибытии в Испанию и без требования выхода из предыдущего гражданства. На руках у этих граждан имеются по два паспорта: испанский и российский. Испанские власти характеризуют это как факт так называемого «спящего двойного гражданства».

Жилищное право

Во время первой волны репатриации на родину приезжали молодые испанцы, у большинства из которых были живы родители. Если внутри воссоединившихся семей не возникало разногласий на фоне психологически-бытовых причин, то в ряде случаев родственники продолжали жить непосредственно одной большой семьей, как это и было принято в традиционной Испании. В то же время многие из репатриантов, воспитанных на советских принципах самостоятельности, искали всяческие возможности для того, чтобы не зависеть от родителей экономически – в том числе и в жилищном вопросе. Трудоустроившиеся «советские испанцы», прибывшие в составе экспедиций 1956–1957 гг., получали в пользование т.н. «рабочую» квартиру, т.е. государственное жилье, которое числилось за ними, пока действовал трудовой контракт с тем или иным местом работы [7]. При этом интересно, что в случае с «советскими испанцами», приезжавшими на родину во второй половине 1960-х гг., подобный механизм уже не работал: им отказывали в государственном жилье даже в случае трудоустройства [10].

В 1990-е гг. Испания встречала своих «детей войны» в качестве пенсионеров или находящихся на пороге пенсионного возраста, что не могло не сказаться на особенностях решения жилищного вопроса для репатриантов этого периода. В 1992–1993 гг. группа «испанских детей», отправлявшихся на свою историческую родину для постоянного проживания, выдвинула правительству Испании ряд требований, в числе которых значился и жилищный вопрос. Согласно тексту документа проблему жилья необходимо было решать в соответствии с разделением репатриантов на 2 группы: прибывших с относительно многочисленной семьей (дети, супруги детей, внуки и т.д.) и приехавших одних (с мужем или женой). Репатриантов второй группы, считали активисты, было необходимо расселять в резиденциях, напомилавших пансионаты; главной мыслью было именно совместное проживание «испанских детей». Наиболее ярким реализованным воплощением подобных требований «испанских детей» стала работа резиденции El Retorno («Возвращение»), располагавшейся в 1990-е гг. в 40 километрах от Мадрида. «Испанские дети» имели право на пребывание в данном центре на неопределенный срок; им предоставлялось трехразовое питание, в любой момент им могла быть оказана медицинская помощь или же плановое медицинское обследование. В распоряжении резидентов были библиотека, кафе, игровой зал [11. Р. 4–9].

Деятельность подобных резиденций практически прекратилась к началу 2000-х гг. Связано это с тем, что родственники «испанских детей» постепенно переезжали жить в Испанию (одни – в результате долгожданного совпадения желаний и возможностей, другие – вследствие прочих причин; в частности, из-за дефолта 1998 г.), и репатрианты уже не были предоставлены сами себе. В итоге основной формой решения жилищного вопроса, например, в Стра-

не Басков стало предоставление «советским испанцам» т.н. «*pisos sociales*» – квартир, находящихся в ведомстве местных властей и предназначенных для малоимущих семей, инвалидов и т.д.

Изначально такое жилье предоставлялось в аренду на 7 лет, после чего контракт пересматривался в зависимости от изменения финансового положения семьи, проживающей в ней. Теоретически, если доходы превышают определенную сумму в год (около 40 тыс. евро), семья обязана покинуть эту квартиру, поскольку в состоянии снимать жилье на свободном рынке. Однако в случае, если правительство города захочет продать данную квартиру, она будет продана по остаточной стоимости, а преимуществом будут обладать непосредственно жильцы; если они не в состоянии купить или не хотят делать это, они могут продолжать жить в режиме съема [12]. На данный момент многие из испанских детей поступают именно таким образом, оплачивая лишь услуги ЖКХ по самым низким тарифам (на момент 2001 г. минимальная рента составляла 13000 песет, что примерно равнялось 2000 руб. [13]).

Трудовая занятость и пенсионное обеспечение

Стоит отметить, что «испанские дети», прибывшие в Испанию в составе экспедиций 1956–1957 гг., были полны трудового энтузиазма. Во-первых, многие из них были недавними выпускниками советских вузов, жаждавшими применять полученные знания на практике. Во-вторых, никто не желал становиться обузой для своих испанских родственников. Однако в воспоминаниях «советских испанцев» часто встречается информация о том, что многие из репатриантов первой волны не могли найти себе работу на родине. Серьезные проблемы с трудоустройством во второй половине 1950-х гг. испытывали и бывшие бойцы республиканской армии, и «испанские дети». Первых действительно не брали на работу, поскольку боялись иметь в своем штате идеологически ненадежного сотрудника, и их судьба действительно могла быть трагической. Что же касается выпускников советских вузов, то нужно понимать, что дипломы об окончании советских вузов не котировались в Европе. Необходимо было прикладывать определенные усилия, чтобы подтвердить свои знания, умения и навыки с точки зрения испанского высшего образования.

В 1990-е гг., как уже было сказано выше, «испанские дети» возвращались на родину, будучи в пенсионном или предпенсионном возрасте. Разумеется, в данной ситуации речь о трудоустройстве практически не шла; стоял вопрос о пенсионном обеспечении репатриантов, в большинстве своем никогда (или почти никогда) не работавших на исторической родине.

Изначальное положение дел казалось достаточно радужным: уехавшие в Испанию до распада СССР «дети войны» имели право на ежемесячное получение 22000 песет (около 88 советских рублей), которые им платило со-

ветское правительство [14]. Однако начиная с 1992 г. по совершенно понятным причинам они уже не получали ничего. При этом необходимо отметить, что многим репатриантам по испанским законам пенсия еще не полагалась: в отличие от СССР и России в Испании пенсия назначается лицам, достигшим 65-летнего возраста. Так что на момент распада Советского Союза пенсионерами в Испании были лишь те «испанские дети», которые приехали Советскую Россию в возрасте от 11 лет и старше (а эвакуировали детей и меньших лет). Лишь 11 апреля 1994 г. был подписан Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о социальном обеспечении. Статья 11 гласит, что «лицам испанского происхождения, которые вследствие гражданской войны в Испании, будучи несовершеннолетними, были вывезены на территорию бывшего СССР, а также преподавателям и воспитателям, которые их сопровождали, будет засчитан один год выплаты взносов в систему испанского социального обеспечения, чтобы сохранить за ними право на выплату со стороны Испании пособия по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца в соответствии с настоящим Договором» [15]. При этом минимальная пенсия по старости (без учета трудового стажа) составляла примерно 28000 песет (приблизительно 170 евро или 4500 руб. по курсу 2001 г.) [6. P. 94]. На российскую часть пенсии как на сколь бы то ни было значимую сумму рассчитывать ввиду плачевного экономического состояния страны на тот момент не приходилось и вовсе.

Логическим завершением патовой ситуации стало отправленное 15 февраля 2000 г. группой «испанских детей» письмо королю Испании Хуану Карлосу, в котором активисты, уповая на заявление Его Величества о том, что Испания обязана принять все возможные усилия для решения всех проблем «детей 1937 года», просили монарха вмешаться в деятельность правительства. Однако в декабре 2003 г. стоявшая тогда у руля Народная партия во главе с Х.М. Азнарот отвергла внесенные остальными парламентскими партиями предложения о повышении пенсий «детям войны», вернувшимся из России на родину, а также тем, кто продолжает жить в России [16]. Однако дело сумело сдвинуться с мертвой точки на региональном уровне: в 2001 г. мэрии ряда городов Страны Басков вместе с министерством труда и социальных вопросов оказали «советским испанцам» разовую финансовую помощь на покупку мебели для жилплощади. Мэрия предоставляла около 30000 песет (180 евро или 4800 руб.), министерство было готово выделить сумму от 250000 до 500000 песет (1500–3000 евро или 39000–77000 руб.) [13]. В 2000-е гг. по многочисленным петициям ассоциации баскских «детей войны», *Vasniq* («*Vascos niños de guerra*», «Баски – дети войны»), для репатриантов-басков была наконец-то пересчитана пенсия. Во-первых, стал приниматься во внимание трудовой стаж в России (это дает примерно 200 дополнительных евро); во-вторых, назначалась минимальная испанская рабочая

пенсия, равная примерно 650 евро. При этом разница за все те годы, когда «испанские дети» Страны Басков получали урезанную пенсию, компенсировалась [12].

Заключение. В ходе рассмотрения процесса репатриации «советских испанцев» становится ясно, что наиболее простым для решения адаптационном вопросом стало предоставление репатриантам испанского гражданства. Власти Испании нисколько не оспаривали право репатриантов быть испанцами не только по происхождению, но и по документам – ни при Франко, ни после его смерти. При этом было ясно, что «испанские дети» сформировались как личности именно в Советской России и провели там от 20 до 50 лет своей жизни (в зависимости от времени возвращения на родину), которые невозможно вычеркнуть из биографии. Поэтому сегодня «советские (или «русские») испанцы» в точном соответствии с этим термином являются уникальным правовым явлением, когда лица обладают двойным гражданством при отсутствии двухстороннего соглашения о приобретении двойного гражданства между государствами (в данном случае – между Российской Федерацией и Королевством Испания).

Несмотря на то, что таким образом Испания признала «детей войны» «своими», нельзя сказать, что как государство она действительно готовилась к возвращению своих сыновей и дочерей. Выражалось это в полном отсутствии системности при решении других, более глубоких адаптационных аспектов.

Со стороны властей не наблюдалось отношения к репатриантам ни как к единой группе (хоть и возвращавшейся на родину далеко не одновременно), что требовало выработки общих решений, ни как к жертвам Гражданской войны, нуждавшимся в особом подходе. Скорее, каждый из них был предоставлен сам себе. И если жилищный вопрос даже в таких условиях мог решаться относительно успешно, то проблема финансового обеспечения действительно становилась проблемой. «Дети войны» столкнулись с ней еще в молодости, когда, возвращаясь в 50-е – 60-е гг. на историческую родину, далеко не сразу могли найти (в отдельных случаях – так и не смогли) себе работу по причине недействительности советских дипломов в Испании.

Немногом лучше ситуация обстояла и почти сорок лет спустя, когда «испанские дети» возвращались уже людьми пенсионного и предпенсионного возраста. Среди трудностей, вставших перед ними, были и несоответствие возраста выхода на пенсию в СССР (России) и в Испании, и экономическая несостоятельность России в 1990-е гг., а также половинчатая политика со стороны испанских властей. В результате этого «дети войны» с точки зрения законодательства были просто испанцами безо всяких привилегий, лишь имеющими право на некий минимум. В столь тяжелые для реэмигрантов моменты на первый план выходил дух коллективизма, «братства», заложенный в «ис-

панских детях» еще в Советской России. Отдельные организации, созданные самими «советскими испанцами» (как, например, ассоциация баскских детей войны *Vasniq*ue), брали на себя решение многих проблем, выдвигая собственные требования и проекты и заставляя власти решать те или иные вопросы, касающиеся всех аспектов адаптации «советских испанцев» на своей исторической родине.

© Арутюнов А.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Limonero I.C.* Dos países, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Ediciones Cinca, 2010. 275 p.
- [2] *Cimorra B.* La voz que venia del frio. Radio Moscu. Eusebio Cimorra (1939–1977). Valladolid: Ambito, 2010. 296 p.
- [3] Письмо от тов. Фитина относительно въезда в СССР испанских товарищей тов. Богданову в ЦК МОПР. Апрель 1939 г. ГАРФ. Ф-8265. Оп.4. Д. 82. Л. 12.
- [4] *De los Lьянос Mac B.B.* Ты помнишь, tovarisch...? М.: URSS, 2008. 269 с.
- [5] *Meroño Pellicer D.* Así como fue. Madrid, 2005. 238 p.
- [6] *González Martínez C.* «El retorno a España de los Niños de la Guerra civil» // *Anales de Historia Contemporánea*. 2003. № 19. P. 75–100.
- [7] Беседа А.А. Арутюнова с «сыном войны» А. Гонсалесом от 3 июня 2013 г. [Аудиозапись беседы] // Частное собрание А.А. Арутюнова. Публикуется с согласия А. Гонсалеса.
- [8] *Arce M.* Воспоминания о России. Мадрид, 2011. 172 с.
- [9] El Código Civil de España. URL:http://www.noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/cc.html (дата обращения: 25.05.2012)
- [10] Беседа А.А. Арутюнова с «испанской дочерью» М. Мартинес от 4 июня 2013 г. [Аудиозапись беседы] // Частное собрание А.А. Арутюнова. Публикуется с согласия М. Мартинес.
- [11] El Retorno (estancia de mayores). Reglamentos de régimen interno y consejo de familia. Madrid, 1993. 12 p.
- [12] Беседа А.А. Арутюнова с супругой внука «испанской дочери» Д. Ивановой Симон от 14 января 2013 г. [Стенограмма беседы] // Частное собрание А.А. Арутюнова. Публикуется с согласия Д. Ивановой Симон.
- [13] *Martínez N.* «Somos víctimas de un exterminio pasivo» // *El correo*, 2001. El 19 de febrero.
- [14] *Alvaro C.* «Niños de la guerra», la odisea de volver. // *El mundo*, 1992. El 4 de octubre.
- [15] Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о социальном обеспечении. URL:<http://www.docs.cntd.ru/document/1902042> (дата обращения: 07.12.2016).
- [16] *Кобо Х.* «Испанским детям» не хватает пенсии. *Коммерсантъ*. Москва, 2003. 22 декабря.

REFERENCES

- [1] *Limonero I.C.* Dos países, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Ediciones Cinca, 2010. 275 p.
- [2] *Cimorra B.* La voz que venía del frío. Radio Moscú. Eusebio Cimorra (1939–1977). Valladolid: Ambito, 2010. 296 p.
- [3] Pis'mo ot tov. Fitina otrositel'no v'ezda v SSSR ispanskih tovarishhej tov. Bogdanovu v CK MOPR. Aprel' 1939 g. GARF. F-8265. Op. 4. D. 82. L. 12.
- [4] De los Llanos Mas V.V. Ty pomnish', tovarisch...? M.: URSS, 2008. 269 s.
- [5] *Meroño Pellicer D.* Así como fue. Madrid, 2005. 238 p.
- [6] *González Martínez C.* «El retorno a España de los Niños de la Guerra civil» // Anales de Historia Contemporánea. 2003. № 19. P. 75–100.
- [7] Beseda A.A. Arutjunova s «synom vojny» A. Gonsalez ot 3 ijunja 2013 g. [Audiozapis' besedy] // Chastnoe sobranie A.A. Arutjunova. Publikuetsja s soglasija A. Gonsalez.
- [8] *Arse M.* Vospominanija o Rossii. Madrid, 2011. 172 s.
- [9] El Código Civil de España. URL:http://www.noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/cc.html (data obrashhenija: 25.05.2012)
- [10] Beseda A.A. Arutjunova s «ispanskoj docher'ju» M. Martinez ot 4 ijunja 2013 g. [Audiozapis' besedy] // Chastnoe sobranie A.A. Arutjunova. Publikuetsja s soglasija M. Martinez.
- [11] El Retorno (estancia de mayores). Reglamentos de régimen interno y consejo de familia. Madrid, 1993. 12 p.
- [12] Beseda A.A. Arutjunova s suprugoj vnuka «ispanskoj docheri» D. Ivanovoj Simon ot 14 janvarja 2013 g. [Stenogramma besedy] // Chastnoe sobranie A.A. Arutjunova. Publikuetsja s soglasija D. Ivanovoj Simon.
- [13] *Martínez N.* «Somos víctimas de un exterminio pasivo» // El correo, 2001. El 19 de febrero.
- [14] *Alvaro C.* «Niños de la guerra», la odisea de volver // El mundo, 1992. El 4 de octubre.
- [15] Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Korolevstvom Ispanija o social'nom obespechenii. URL:<http://www.docs.cntd.ru/document/1902042> (data obrashhenija: 07.12.2016)
- [16] *Cobo J.* «Ispanskim detjam» ne hvataet pensii. Kommersant. Moscow, 2003. 22 de-kabrja.

**THE ADAPTATIONAL PROBLEMS
OF THE “SOVIET SPANIARDS” REPATRIATION
(SINCE 1956 TO PRESENT)**

A. Arutiunov

Peoples' friendship university of Russia
Mikluho-Maklay St., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the repatriation problems of Spanish emigration representatives who found themselves in the USSR during and after the Civil war (1936–1939) that had done with the Second Republic defeat. The paper addresses the outstanding features of the adaptational processes primarily related with economic and legal aspects of the “soviet Spaniards” repatriation. The author sees fit to mark among them the problems of citizenship, housing law, employment and pension provision in view of repatriate’s age at different stages of their return to Spain. This paper concentrates not only on concrete actions realized by national government and local authorities but also on projects came from the repatriates themselves, many of which were really implemented by Spanish officials. Also left is to the reader a short structural composition of the Spanish emigration to the USSR and periodization of repatriation process with an indication of every stage distinctive features.

Key words: soviet Spaniards, emigration, repatriation, citizenship, housing law, employment, pension provision, Vasnigue

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-53-66

ВЛИЯНИЕ АРАБСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (АН-НАХДА) НА ИДЕОЛОГИЮ «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»¹

Н.М. Бадауи

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

А.А. Куделин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье авторы показывают связь между идеологией исламского реформизма эпохи Арабского Возрождения (ан-Нахда) и организации «Братья-мусульмане». Для достижения данной цели были рассмотрены взгляды наиболее представительных авторов периода Нахды: Джамаль ад-Дина аль-Афгани, Мухаммад Абду и Рашид Риды. Для анализа концепции «Братьев-мусульман» были привлечены тексты одного из важнейших идеологов движения – Саййида Кутба. В качестве сравнительного материала используются интернет-ресурсы организации, анализ которых показывает, что «Братья-мусульмане» в своей современной политической риторике в значительной степени отошли от радикальных взглядов С. Кутба. В то же время нельзя не отметить, что взгляды С. Кутба оказали существенное влияние на формирование идеологии других исламских организаций, в том числе террористических. В целом, идеология движения «Братья-мусульмане» в настоящее время продолжает курс мусульманского реформизма, однако она продолжает подстраиваться под время и корректироваться под влиянием необходимости.

Ключевые слова: Нахда, исламский реформизм, Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абду, Рашид Риды, «Братья-мусульмане», Саййид Кутб

Введение. «Братья-мусульмане» (араб. *аль-Ихван аль-муслимун*) – международная умеренная мусульманская социальная и политическая организация, созданная в 1928 г. в Египте, представленная во многих арабских странах и до сих пор играющая важную роль в арабском мире. В 2003 г. РФ признала организацию «Братья-мусульмане» террористической и запретила ее деятель-

¹ Исследование выполнено при поддержке Управления по науке и инновациям Российского университета дружбы народов (инициативная НИР № 100605-0-000 «Радикальные исламские организации после “Арабской весны”: Ближний Восток, Африка, Китай»).

ность на территории страны. Движение также запрещено во многих странах: в Египте, Сирии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейне и др. Тем не менее, данное общество считает, что добиваться своей цели – создания демократического государства, основанного на шариате – необходимо лишь *мирными* [14. С. 68] средствами, и поэтому резко осуждает террористические акты и постоянно подчеркивает свой умеренный характер, в свою очередь обвиняя в терроризме своих политических врагов – правительство Египта, Сирии и др. с их союзниками [18]. «Мы, – заявляют ливийские “братья”, – должны защищать умеренный ортодоксальный ислам, нашу веру, и безопасность нашей страны от экстремистов, диктаторов и деспотов» [17].

Движение не ставит своей главной целью приход к власти «Братев-мусульман», так как создания шариатского государства, по их мнению, можно добиться другими путями, и вообще политика, как они сами утверждают, у «братьев» не в приоритете. «Братья» прекрасно понимают, что установление шариатского государства в условиях, когда народ его не одобряет и не готов к нему, будет недолговечным и не принесет пользы. Поэтому они считают необходимым добиваться этой цели постепенно, воспитанием и просвещением. Когда люди по-настоящему воспримут мусульманские ценности, они будут морально готовы к исламской демократии и сами будут стремиться к ней.

«Братья-мусульмане» создавались как общество для воспитания молодежи в мусульманских ценностях в противовес западным, и оно занималось, в первую очередь, социальной работой: благотворительностью, медицинской помощью, образованием, мусульманским просвещением и т.д. Особенно эта помощь заметна и эффективна в деревне, поэтому в провинции и у бедноты «братья» популярны. Однако значительную часть в их рядах составляет интеллигенция: врачи, учителя (сам основатель движения Х. аль-Банна был школьным учителем), инженеры (президент Египта в 2012–2013 гг. из «братьев» М. Мурси получил в США степень доктора технических наук) и т.д. Около половины членов общества составляют женщины, которые занимаются в нем активной социальной и политической деятельностью [19].

«Братья-мусульмане» стремились сплотить египетский народ в условиях, когда перед лицом колониализма он был разобщен множеством взглядов, идеологий, партий и движений, чуждых исламу. Как писал Х. аль-Банна, после Первой мировой войны в Египте усилились атеистические взгляды и был заметен упадок нравственности [3. С. 54]. В политическом плане движение выступает за исламскую демократию, отстаивает гражданские свободы (слова, совести, вероисповедания, собраний, партий и т.д.), и его учение основано на двух главных принципах: а) построение общества и законодательства на основе шариата; б) объединение исламских, главным образом арабских, государств и освобождение их от иностранного империализма [14. С. 95–97].

Общество имеет ячейки в разных странах, но их объединяет, в первую очередь, не какое-либо структурное иерархическое подчинение, а идеология мусульманского реформаторства египетского имама Хасана аль-Банни (1).

Учение аль-Банни не было новаторским. Он был продолжателем движения, распространившегося еще в 1870-х гг. в рамках арабского Возрождения и называвшегося тогда движением *исламского модернизма* (реформаторства). На вторую половину XIX – начало XX в. приходился период арабской истории и мысли, названный «ан-Нахда аль-‘арабийя» – арабское Возрождение. Оно было вызвано событиями, происходившими в арабском регионе, прежде всего в Египте и Сирии: вступление арабских стран на капиталистический путь развития, вмешательство Запада и установление колоний. Ключевыми вопросами, которыми задавались просветители и деятели Возрождения, были: каковы причины отставания арабских стран от Запада и как их преодолеть? «Мусульмане, некогда владевшие огромной империей-халифатом, оказались поработаны европейцами, которых они некогда победили, выгнав с Ближнего Востока к концу XIII в. В этом поработанном состоянии они стояли перед выбором: принять колониальный статус или найти выходы из сложившейся ситуации. Поиск выходов выразился в движении арабского возрождения – Нахды. Нахда стала новым этапом в развитии арабской социальной, политической и религиозной мысли, породив целую плеяду разнородных движений от крайнего марксизма до крайнего исламизма» [5. С. 9–10].

Тот факт, что арабы и другие мусульманские народы, которые в VIII в. со своими армиями дошли до Франции и держали в страхе весь западный мир, попали вместе с их святынями под власть «неверных» христианских правителей, рассматривался последователями ислама как унижение и попрание их гордости. Здесь важно отметить, что в XIX в. арабы-мусульмане и арабы-христиане еще не чувствовали себя единой нацией, но идентифицировали себя как последователей отдельных религий, и скорее ощущали свою близость к единоверцам больше, чем к соплеменникам.

Методы и материалы. Духовное направление арабского Возрождения проявилось, в первую очередь, как мусульманская реформация, зародившаяся в Египте в последней трети XIX в. Обращение к текстам арабских мыслителей эпохи Нахды Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад ‘Абду и Рашид Рида позволяет выявить влияние их взглядов на формирование идеологии «Братьев-мусульман». Для анализа концепции «Братьев-мусульман» привлекаются тексты одного из ключевых идеологов движения – Саййида Кутба. В качестве сравнительного материала также анализируются интернет-сайты, на которых изложены современные взгляды участников движения, поскольку в начале XXI в. в своей политической риторике «Братья-мусульмане» в значительной степени отошли от радикальных взглядов С. Кутба.

Исследование. Исламские модернисты-рационалисты Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад ‘Абду и Рашид Рида считали, что развитие общества

произойдет благодаря религии, а мусульманские народы идут собственным путем и им следует объединиться (это был панисламизм, в отличие от панарабизма или регионального национализма светского направления). Им пришлось признать сильное отставание мусульманского мира от Запада, которое произошло из-за того, что мусульмане сильно отошли от первоначального, не загрязненного ересями ислама из-за потери нравственности [12. С. 78]. Реформисты признавали необходимость заимствования внешних атрибутов (в первую очередь, экономических и военных) западной цивилизации. Как отмечает египетский философ ‘А. – Р. Бадауи, реформация была направлена не только на изменение самого строя общества, но и на избавление разума и мысли от оков косности и застоя [2. С. 6].

Основателем движения панисламизма считается шиитский [15. Р. 59; 16. Р. 10] реформатор Джамаль ад-Дин аль-Афгани (2). Концепция панисламизма говорила о том, что все мусульманские народы должны сплотиться в едином исламском государстве с целью противостояния западному колониализму.

Как перс-шиит, он мечтал о политическом объединении Османской империи и Персии. Аль-Афгани сравнивал мусульманский Восток с тонущим кораблем, экипаж которого может либо спастись вместе, либо утонуть поодиночке [9. С. 112]. У него же появляется ключевая мысль, которая оказала влияние на последующие поколения исламистов, – о том, что ислам – всеобъемлющая система, то есть область его влияния не ограничивается лишь узкими рамками религиозной жизни, но ислам является образом жизни и руководит всеми без исключения сторонами общества и определяет их, в том числе политику, экономику, культуру, сферу образования и т.д. Идеология аль-Афгани была больше политической, чем религиозной, в отличие от его последователей. Что интересно, среди учеников аль-Афгани были и христиане (Адиб Исхак), и иудеи (Йа‘куб Санну).

Одним из самых выдающихся мусульманских деятелей конца позапрошлого века был Мухаммад ‘Абду (3). ‘Абду считал основой веры разум и считал необходимым толковать Коран именно с рационалистической точки зрения. Важно отметить, что на рационализм мусульманских реформаторов скорее оказал влияние средневековый калам, в том числе му‘тазилитизм и аш‘аризм, чем европейское Просвещение. Важнейшими вопросами, вставшими перед арабами Османской империи незадолго до ее исчезновения, были вопросы характера власти (религиозная или светская) и проблема отношения к вырождающейся империи. Мухаммад ‘Абду резко стоял против смешения религиозной и светской власти и отрицал наличие в исламе власти религиозного характера, подобно той, какую имел в Средние века Папа Римский. Он видел правителя (халифа) полностью светским, которого выбирает народ, имеющий также право в случае необходимости этого правителя сместить [2. С. 94].

Таким образом, для ислама в государстве он отводил роль религии и основы законодательства. Что касается его отношения к Османской империи, то он не считал турок-османов достойными роли лидера в мусульманском мире, но признавал, что внешняя угроза требует усиления и реформации империи.

Важнейшей заслугой ‘Абду была реформация старейшего университета аль-‘Азхар, которую он провел, введя такие светские предметы, как алгебра, история ислама, арабская литература и др., что вызвало недовольство шейхов университета [8. С. 86].

Рашид Рида (4) (1865–1935), последователь М. ‘Абду, был представителем второго поколения реформистов и выступал за независимость мусульманских стран. Свои идеи по реформации ислама он публиковал в основанном им журнале «аль-Манар» («Маяк», издавался в 1898–1940 гг.). Идею «исламского государства» ввел Рашид Рида после того, как в 1924 г. с лица Земли исчез халифат – Османская империя.

Поначалу он, как и аль-Афгани или ‘Абду, стоял на объединении мусульманских народов вокруг османского султана. Когда же крупнейшее мусульманское государство исчезло с лица Земли, в живых из них трех остался только Рида, и ему пришлось пересмотреть свою концепцию. Подобно аль-Афгани, Рида признавал необходимость политического объединения суннитов и шиитов и сближения четырех суннитских мазхабов. Рида, вслед за Ибн Таймией и Ибн Кайимом аль-Джаузи, принимает принцип всеобщего блага. Он считал, что Османская империя – это «вынужденный халифат» (*хилафа би-д-дарура*), так как турки, не владея в совершенстве арабским языком, не могут быть муджтахидами [11. С. 288]. Большое внимание уделяет он понятию шура, считая, что при законотворчестве правитель обязан совещаться с факихами.

Идеи исламской реформации зародились задолго до 19 в. Салафизм (движение по подражанию ранней умме и избавлению ислама от нововведений) пропагандировал еще ханбалитский правовед Ибн Таймия (1263–1328). С новой силой идеи реформации ислама вспыхнули у последователя Ибн Таймии религиозного деятеля из Аравии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба (ок. 1703–1791), который, путешествуя по Ближнему Востоку, повсеместно встречал множество языческих, сектантских и синкретических проявлений, противоречащих исламу, вплоть до культа святых и почитания растений и деревьев [1. С. 8]. Поэтому он выступил за бескомпромиссное единобожие (*таухид*; сами ваххабиты называли себя «аль-муваххидун» – единобожники) [1. С. 7], возвращение к истокам ислама и очищение его от последующих нововведений и местных наслоений, единство всех мусульман и джихад против многобожников.

Надо отметить, что эти религиозные движения не могли не затронуть политическую сферу, так как в исламе эти две стороны напрямую взаимосвя-

ны. Так, учение Ибн ‘Абд аль-Ваххаба стало идеологической основой для борьбы аравийского клана Аль Са‘уд против османской власти и создания впоследствии объединенного государства. Ваххабизм был особенно популярен не только в арабских странах, но и у других мусульманских народов Азии и Африки, борющихся против западного колониализма. Так, одним из лидеров антибританского движения в Индии был вдохновленный ваххабитскими идеями Ахмад Барелви (1786–1831). Помимо него учение Ибн ‘Абд аль-Ваххаба оказало влияние на сенуситов, махдистов, антиколониальную борьбу индонезийцев и др.

Однако следует отметить, что если учение Ибн ‘Абд аль-Ваххаба было направлено на искоренение абсолютно любых наслоений и нововведений, то мусульманские реформаторы конца XIX – начала XX в., хоть и ставили раннюю умму в идеал, выступали против таклида (5) и закрытия иджтихада (6), за рационализм, в чем можно проследить даже влияние му‘тазилизма (7). Причем М. ‘Абду писал, что две главные беды мусульман – таклид и тагриб (вестернизация), призывая искать во всем золотую середину.

Хасан аль-Банна, основатель движения «Братья-мусульмане», являлся последователем религиозных реформаторов периода арабского Возрождения и был представителем третьего поколения. Аль-Банна развил идеи Рашида Риды и продолжил издавать реформистский журнал «аль-Манар» после смерти последнего. В обществе, как уже замечалось исследователями и по признанию самого Х. аль-Банна, заметно влияние суфизма – например, в его структуре. Должность главы называется «*му’ришид*» («наставник»), подобно наставнику в суфийских тарикатах. Хотя «братья», как и их предшественники-модернисты, в целом негативно относятся к суфизму, известно, что Р. Рида и Х. аль-Банна в молодости были суфиями, и они различают два суфизма: а) «настоящий» суфизм, направленный на духовное и нравственное совершенствование мусульманина и представленный такими крупными учеными, как аль-Джунайд, Ибрахим бен Адхам, Шакик аль-Балхи, аль-Фудайль ибн Ийяд и пр., б) суфийская «ересь» тарикатов, которые почитают «святых», слепо подчиняются наставникам, употребляют наркотические вещества и занимаются сомнительными духовными практиками.

«Исламское государство» в представлении реформаторов, к которым также принадлежат «Братья-мусульмане», – это халифат, исламская демократия с выборным правителем и традиционным мусульманским совещательным органом (*шур*а), в котором существуют гражданские свободы. В этом смысле идеалом, безусловно, является Праведный халифат (632–661 гг.). Примечательно, что Х. аль-Банна, несмотря на защиту им конституционного строя и парламента, был противником многопартийности, так как она, по его мнению, способствует разобщению общества [3. С. 280].

Преследования со стороны властей в Египте привели к радикализации движения. Апогея фундаментализма идеология «Братьев-мусульман» достиг-

ла в середине прошлого века в работах Сейида Кутба (8). В своем эссе «Будущее – у этой религии» один из самых видных деятелей «Братьев-мусульман» Сейид Кутб, из четвертого поколения реформистов, резко критикует первого президента Турецкой республики М. Кемалья Ататюрка, «который уничтожил исламский Халифат, отделил религию от государства и провозгласил его полностью светским» [7. С. 7]. Он осуждает также попытки в разных мусульманских странах «отказаться от исламского закона [шариат] как единственного источника законодательства, перенять европейское законодательство и ограничить шариат только узкой сферой “личной жизни”» [7. С. 7]. Это произошло в результате вестернизации, которая началась в арабских и мусульманских странах в XIX в. Объясняет он это тем, что «в соответствии с этим искусственным разделением [на религиозное и светское] выходит, что Бог (хвала Ему) представляет собой один из аспектов жизни, которым он руководит и распоряжается, и его “полномочия” ограничиваются лишь этим аспектом, а помимо Бога существует кто-то другой, кто управляет многими другими сферами жизни» [7. С. 16]. Как мы видим, здесь Кутб развивает идею аль-Афгани об исламе как о всеобъемлющей системе.

То есть, по Кутбу, невозможно и противоестественно разграничить человеческую жизнь на светскую и религиозную части, потому как каждая религия, и ислам в особенности, состоит не только из обрядовой, внешней части, но и является «путем жизни», то есть образом жизни, который определяет все действия человека и все жизненные аспекты без исключения, в том числе бытовые. Иначе происходит «расчленение» единой и гармоничной личности на две части, одна из которых (бестелесная) в своих действиях руководствуется божественным, а другая (тело) – мирским; они неизбежно вступают в конфликт, и как следствие случается человеческая трагедия, по мнению Кутба, имеющая место в западной цивилизации: «сегодня мы наблюдаем в самых развитых странах Европы и Америки плод борьбы между блеклыми остатками религиозного сознания и реалиями практической жизни» [7. С. 16]. Поэтому совмещения светских и религиозных аспектов, и в жизни конкретного человека, и, тем более в государстве, быть не должно; они всегда вступают в противоречие.

Кутб считает, что время главенства над миром западного человека подошло к концу из-за того, что Запад лишен духовных ценностей, которыми обладает ислам, и, следовательно, только исламское общество (умма) владеет наилучшими качествами для того, чтобы руководить человечеством.

Одним из важнейших понятий в работах С. Кутба является понятие *джахилийи*. Этим термином условно называется длинный период арабской истории, предшествующий появлению ислама, и перевести его на русский язык можно как «невежество», «язычество», то есть время до получения арабами божественного откровения в виде Корана.

По его мнению, весь мир, включая многих мусульман, сейчас живет в этом языческом невежестве. По мнению Кутба, джахилийя в XX в. – это когда человек ставит другого человека выше Бога, то есть происходит поклонение одного человека другому, которое может проявляться не явно, а как, например, предпочтение шариату, божественному, вечному и всеобщему законодательству человеческих, рукотворных и искусственных законов. Кутб как салафит ставит в идеал *сахаб*, сподвижников Мухаммада, которые, имея перед глазами достижения высокой, но джахилийной цивилизации (римской, персидской), намеренно отказались от них в пользу божественного Писания. Важно отметить, что языческим в представлении С. Кутба в его время могло быть не только западное, по мнению автора, «даже многое из того, что мы считаем исламской культурой, исламскими институтами, исламской философией, исламским мышлением, также является плодом этой джахилийи» [6. С. 93].

Кутб намеренно не дает своего конкретного представления о будущем исламском государстве, так как, по его мнению, ислам – это не одна из многочисленных романтизированных теорий, ориентированных на абстрактное будущее. В первую очередь должна появиться умма, беспрекословно и во всем следующая принципу «нет бога, кроме Аллаха». Когда такое общество будет существовать реально, понадобится организация и законодательство, тогда умма этим и займется исходя из реалий жизни людей и их потребностей [6. С. 33]. Законы эти, безусловно, будут основаны на Писании, поскольку они божественны и по определению выше и лучше человеческих. Ведь определять, что дозволено, а что запрещено, может только Бог, поэтому человек, самовольно создающий законы, претендует на божественность, присваивает власть – атрибут Бога – себе и тем самым нарушает принцип «нет бога, кроме Аллаха». Согласно мнению С. Кутба, «в царстве Бога на Земле не должны править ни представители духовенства, как в христианстве, ни люди, выступающие от имени божества, как обстоит дело в теократическом правлении... Власть должна принадлежать *закону Бога*, во всем следует подчиняться Богу, руководствуясь только его законом» [6. С. 60]. Кутб считает, что в государстве люди должны быть объединены не неизменными внешними признаками (цвет кожи, классовая принадлежность), а добровольно – вероисповеданием. Таким образом, он выступает против арабского и любого другого национализма. В этих взглядах явно прослеживается влияние идей панисламизма.

Интересно посмотреть на концепцию государства «Братьев-мусульман» спустя годы. В 2004 г. «Братья-мусульмане» Сирии выдвинули подробный политический проект будущего страны, который явно свидетельствует об эволюции идеологии организации. В программе отмечается, что организация признает только оборонительную борьбу против захватчиков [10]. Во время гражданской войны в Сирии, идущей с 2011 г., сирийские «братья», находя-

щиеся в изгнании (9), активизировали свою антиправительственную деятельность. Их бывший лидер ‘Али Садр ад-Дин аль-Баянуни (род. 1938) заявил, что движение хочет видеть Сирию светской и демократической республикой с многопартийным режимом и равными правами для всех граждан, включая меньшинства, независимо от религиозной принадлежности [4].

«Братья-мусульмане», как умеренное исламистское движение, четко разграничивают понятия «джихад» и «террор». Джихад в их понимании – это естественная самозащита, дозволенная и даже заповеданная Кораном, право, которое принадлежит любому народу: *«Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не преступайте границы дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников»* (Коран, сура «Аль-Бакара», аят 190 – пер. Э. Кулиева). В данном случае «братья» практиковали джихад против британских колонизаторов и сионистов для освобождения Родины. Что же касается терроризма, то, по их мнению, ислам резко осуждает его, и таким образом, акты насилия, если они производятся не в целях самозащиты от агрессоров, являются тяжелейшим грехом [14. С. 86–87].

В поздней книге С. Кутба «Вехи на пути» проявилась радикализация его взглядов. Он писал: «Выбирает ли человек добровольно ислам или нет, но он не должен противостоять ему и воевать против него! Если же кто-нибудь осмелится на это, то мусульмане должны сражаться с ним, пока не убьют его или пока он не сдастся» [6. С. 58–59]. И еще: «Ислам имеет право устранять все препятствия на своем пути, чтобы обращаться к сознанию и разуму людей без искусственных преград и помех в виде политической системы государства или социального положения людей» [6. С. 79].

Тем не менее, не следует думать, что такой радикализм присущ всем идеологам «Братьев-мусульман». В последние десятилетия, как было показано выше, заметен явный отход от этих экстремистских взглядов, например, в работах таких идеологов «Братьев-мусульман», как Мухаммад аль-Газали и Юсуф аль-Кардави. В то же время нельзя говорить, что «Братья-мусульмане» полностью отказались от наследия С. Кутба. Так, Юсуф аль-Кардави «признает в нем квалифицированного богослова, чьи работы по комментированию Корана имеют большую ценность» [13. С. 109].

Как уже было отмечено, движение «Братья-мусульмане» осуждает террор. Однако в истории организации были случаи, когда радикально настроенные элементы отделялись от него. Так, например, в 1979 г. в Алеппо (Сирия) произошла известная резня, когда были расстреляны десятки студентов артиллерийского училища, большинство из которых были алавитами (неортодоксальными шиитами). Правительство Сирии обвинило в этом «Братьев-мусульман», однако они отвергли эти обвинения, передав ответственность за теракт отпочковавшемуся от сирийских «братьев» и вышедшему из-под их

контроля «Боевому авангарду» («ат-Тали‘а ал-мукатия»). Один из самых влиятельных сегодня «братьев», Юсуф аль-Кардави, комментирует это таким образом: «Как могут “братья” быть ответственны за тех, кто от них отделился и обвинил их в самых ужасных преступлениях?» [14. С. 82].

Заключение. В статье было рассмотрено влияние идеологии мусульманского реформизма эпохи ан-Нахды на концепцию движения «Братья-мусульмане». Следует отметить, что одно из старейших исламских движений «Братья-мусульмане», участвовавшее в национально-освободительной борьбе египетского народа и сыгравшее значительную роль в истории не только Египта, но и других арабских стран, представляет собой явление, неординарное для организаций, признанных террористическими, поскольку оно само, в первую очередь, нацелено на социальную работу. Большинство террористических актов, приписанных членам движения, было совершено представителями радикальных групп, вышедших из его состава. В то же время нельзя не отметить, что взгляды основателей организации, особенно С. Кутба, оказали существенное влияние на формирование идеологии других исламских организаций, в том числе террористических. В целом, идеология движения «Братья-мусульмане» в настоящее время продолжает курс мусульманского реформизма, однако она продолжает подстраиваться под время и корректироваться под влиянием необходимости.

© Бадауи Н.М., Куделин А.А., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) **Хасан аль-Банна** (1906–1949) – мусульманский реформатор, проповедник и политический деятель; основатель организации «Братья-мусульмане». Родился на севере Египта. В 1920-х гг. был членом суфийского ордена Хисафийя-Шазилийя. Работал учителем школы в г. Исмаилия. Погиб в результате покушения.
- (2) **Джамаль ад-Дин «аль-Афгани»** (настоящее имя – Мухаммад ибн Сафдар, 1838/39–1897) – идеолог мусульманского реформаторства, просветитель, общественный и политический деятель. В его биографии остается множество неясных моментов. Сейчас большинство исследователей сходятся во мнении о том, что он родился на северо-западе Персии в шиитской семье. Поскольку он утверждал, что происходил из Афганистана и, таким образом, являлся суннитом, получил прозвище «афганец» – аль-Афгани. В молодости был на службе у афганских эмиров, затем принимал активное участие в борьбе Египта против британского колониализма. В конце 1870-х гг. аль-Афгани возглавил ложу «Звезда Востока» и основал «Общество младоегиптян». В 1884 г., после высылки его из Египта, вместе со своим учеником Мухаммадом ‘Абду основал во Франции тайное общество и одноимен-

- ную газету «аль-Урва аль-вуска» (араб. «крепчайшая опора», т.е. ислам, – цитата из сур «аль-Бакара», аят 256 и «Лукман», аят 22).
- (3) **Мухаммад ‘Абду** (1849–1905) – одна из ключевых фигур мусульманского модернизма, богослов и общественный деятель, ученик Дж. Д. аль-Афгани. Родился в Египте в туркменской семье. Принимал участие в национальном восстании ‘Ораби-паши, за что был выслан из Египта. В 1899–1905 гг. – главный муфтий Египта. ‘Абду провел важную реформу образования университета аль-Азхар и издал ряд фетв, вызвавших гнев ортодоксальных правоведов.
 - (4) **Рашид Рида** (1865–1935) – выдающийся деятель исламской реформации и политический деятель. Родился в Сирии, переехал в Египет в 1890-х гг. Участвовал в национально-освободительной борьбе Сирии и Палестины. Являлся издателем реформистского журнала «аль-Манар».
 - (5) **Таклид** (араб. «подражание», «имитация») – следование верующего религиозным авторитетам (*муджтахидам* и *факихам*) в частных юридических вопросах. В работах религиозных модернистов термин приобрел негативный оттенок, отражающий слепое и некритичное принятие мусульманином постановлений богословов.
 - (6) **Иджтихад** (араб. «усердие») – решение авторитетным богословом (*муджтахидом*), достигшим высшей ступени знаний, вопросов юридического характера на основе Корана, хадисов и других источников права. В трех суннитских мазхабах (ханафитский, шафиитский, маликитский) считается, что «ворота» иджтихада были закрыты в X в., поскольку все основные юридические проблемы к тому времени были зафиксированы и решены, однако они открыты к решению новых вопросов. В суннитской ханбалитской и шиитской джа‘фаритской правовых школах иджтихад остается открытым по всем проблемам. Реформаторы начиная с Ибн Таймийи и Ибн ‘Абд аль-Ваххаба призывали к возрождению иджтихада и пересмотру всех проблем с современной им точки зрения.
 - (7) **Му‘тазилитизм** (араб. *аль-му‘тазил* «отделившиеся [от кружка богослова аль-Хасана аль-Басри]») – первое направление в каламе, появившееся в VIII в. в Ираке и учившее о свободе человеческой воли, строгом единобожии и вытекавшей из этого сотворенности Корана во времени, «промежуточном состоянии» мусульманина, совершившего грех; установлении добра и борьбе со злом даже силой и др. Му‘тазилиты подвергались гонениям при Аббасидах. К XI в. направление угасло. Многими ортодоксальными богословами му‘тазилитизм рассматривался как ересь (*бид‘а*).
 - (8) **Сейид Кутб** (1906–1966) – египетский литератор, философ и идеолог организации «Братья-мусульмане», видный ее деятель в 1950–1960-е гг. Родился в деревне в провинции Асьют. Получил педагогическое образование в институте Дар аль-‘Улум в Каире, затем работал чиновником в Министерстве просвещения. Радикализации его взглядов способствовали негативные впечатления от посещения США и разочарование в «примитивной» американской цивилизации, описанные им в книге «Америка, которую я увидел», а также поражение арабов в войне с Израилем 1948–1949 гг. Казнен по обвинению в покушении на президента Египта Г.А. Насера.
 - (9) С приходом к власти в Сирии партии Баас в 1963 г. движение «Братья-мусульмане» было запрещено, а членство в нем с 1980 г. карается смертной казнью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Амин А. Зу‘ама аль-ислах фи аль-‘аср аль-хадис (Лидеры реформаторства в Новое время). Каир, 2012.
- [2] Бадауи ‘А. – Р. Аль-Имам Мухаммад ‘Абду уа аль-кадайа аль-исламия (Имам Мухаммад ‘Абду и проблемы ислама). Каир, 2005.
- [3] Аль-Банна Х. Музаккарат ад-да‘уа уа ад-да‘ийа (Воспоминания проповеди и проповедника). Кувейт, 2012.
- [4] Ихуан Сурийя йу‘аккидун ‘ала маданият ад-даула аль-мукбила (Сирийские «Братья-мусульмане» подтверждают светскость будущего государства) // Al Arabiya News Channel. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2012/03/23/202688.html> (дата обращения: 15.7.2016).
- [5] Куделин А. А., Кадырова К. А., Лукашев А. А. Джихад многоликий. СПб., 2015.
- [6] Кутб С. Ма‘алим фи ат-тарик (Вехи на пути). Каир, 1979.
- [7] Кутб С. Аль-мустакбаль ли-хада ад-дин (Будущее – у этой религии). Каир, 1993.
- [8] Аль-Мухафеза ‘А. Аль-иттиджахат аль-фикрийя ‘инд аль-‘араб фи ‘аср ан-нахда: аль-иттиджахат ад-динийя уа ас-сийасийя уа аль-иджтима‘ийя уа аль-ильмийя (Идейные течения у арабов в период Возрождения 1798–1914 гг.: религиозные, политические, социальные и научные течения). Бейрут, 1987.
- [9] Петрухина А. А. Влияние взглядов Дж. Афгани, Х. аль-Банна, А. Маудуди, С. Кутба на становление и распространение исламистской идеологии // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 3 (23). С. 112–119.
- [10] Аль-машру‘ ас-сийаси ли-сурийя аль-мустакбаль // Сайт «Братьев-мусульман» в Сирии. URL: <http://www.ikhwansyria.com/Portals/Content> (дата обращения: 15.7.2016).
- [11] Хурани А. Аль-фикр аль-‘араби фи ‘аср ан-нахда 1798–1939 (Арабская мысль в эпоху Возрождения в 1798–1939 гг.). Бейрут, 1968.
- [12] Аль-Хусейни аль-Афгани Дж.-Д., ‘Абду М. Аль-‘уруа аль-уска (Крепчайшая опора). Каир, 2002.
- [13] Царегородцева И.А. Политико-правовые концепции идеологов египетского движения «Братья-мусульмане» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3–2. С. 98–110.
- [14] Шамах ‘А. Аль-Ихуан аль-муслимун: ман нахну? уа маза нурид? («Братья-мусульмане»: кто мы? и чего хотим?). Каир, 2011.
- [15] Encyclopedia of Arabic Literature / Ed. By Meisami J. S. and Starkey P. L., 1998.
- [16] Keddie N. R. Sayyid Jamal ad-Din “al-Afghani”: A Political Biography. Los. Ang., 1972.
- [17] Libyan Muslim Brotherhood Supports Anti-ISIS Forces in Libya // Ikhwan Web: The Muslim Brotherhood’s Official English Web Site. URL: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=32545> (дата обращения: 15.7.2016).
- [18] Muslim Brotherhood Media Spokesman to Coup Regime in Egypt: Who Are the Terrorists? // Ikhwan Web: The Muslim Brotherhood’s Official English Web Site. URL: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=32564> (дата обращения: 15.7.2016).

- [19] Women in the Muslim Brotherhood // Ikhwan Web: The Muslim Brotherhood's Official English Web Site. URL: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=29390> (дата обращения: 15.7.2016).

REFERENCES

- [1] Amin A. *Zu'ama al'-islah fi al'-'asr al'-hadis*. Cairo, 2012.
- [2] Badaui 'A. – R. *Al'-Imam Muhammad 'Abdu ua al'-kadaja al'-islamija*. Cairo, 2005.
- [3] Al-Banna H. *Muzakkarat ad-da'ua ua ad-da'ija*. Kuwait, 2012.
- [4] Ihuan Suriija ju'akkidun 'ala madanijat ad-daula al'-mukbila // *Al Arabiya News Channel*. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2012/03/23/202688.html>.
- [5] Kudelin A. A., Kadyrova K. A., Lukashev A. A. *Faces of Jihad*. SPb., 2015.
- [6] Kutb S. *Ma'alim fi at-tarik*. Cairo, 1979.
- [7] Kutb S. *Al-mustakbal' li-hada ad-din*. Cairo, 1993.
- [8] Al-Muhafeza 'A. *Al-ittidzhahat al-fikriija 'ind al-'arab fi 'asr an-nahda: al-ittidzhahat ad-diniija ua as-sijasija ua al-idzhtima'ija ua al-'il'mija*. Beirut, 1987.
- [9] *Al-mashru' as-sijasi li-suriija al-mustakbal* // Sajt «Brat'ev-musul'man» v Sirii. URL: <http://www.ikhwansyria.com/Portals/Content>.
- [10] Petruhina A. A. *Vlijanie vzgljadov Dzh. Afgani, H. al'-Banny, A. Maududi, S. Kutba na stanovlenie i rasprostranenie islamistskoj ideologii* // *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2012. № 3 (23). S. 112–119.
- [11] Hurani A. *Al-fikr al-'arabi fi 'asr an-nahda 1798–1939*. Beirut, 1968.
- [12] Al-Husejni al-Afgani Dzh.-D., 'Abdu M. *Al-'urua al-uska*. Cairo, 2002.
- [13] Caregorodceva I.A. *Politiko-pravovye koncepcii ideologov egipetskogo dvizhenija «Brat'ja-musul'mane»* // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2013. T. 155. № 3–2. S. 98–110.
- [14] Shamah 'A. *Al-Ihuan al-muslimun: man nahnu? ua maza nurid?* Cairo, 2011.
- [15] *Encyclopedia of Arabic Literature* / Ed. By Meisami J. S. and Starkey P. L., 1998.
- [16] Keddie N. R. *Sayyid Jamal ad-Din "al-Afghani": A Political Biography*. Los. Ang., 1972.
- [17] *Libyan Muslim Brotherhood Supports Anti-ISIS Forces in Libya* // Ikhwan Web: The Muslim Brotherhood's Official English Web Site. URL: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=32545>.
- [18] *Muslim Brotherhood Media Spokesman to Coup Regime in Egypt: Who Are the Terrorists?* // Ikhwan Web: The Muslim Brotherhood's Official English Web Site. URL: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=32564>.
- [19] Women in the Muslim Brotherhood // Ikhwan Web: The Muslim Brotherhood's Official English Web Site. URL: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=29390>.

THE INFLUENCE OF THE ARAB RENAISSANCE (AN-NAHDA) ON THE IDEOLOGY OF “MUSLIM BROTHERHOOD”

Badawi N.M.

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10a, Moscow, Russia, 117198

Kudelin A.A.

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10a, Moscow, Russia, 117198

In the article the authors show the relationship between the ideology of Islamic reformism of the era of the Arab Renaissance (an-Nahda) and the organization “Muslim brotherhood”. To achieve this goal considered the views of the most representative authors of the period of Nahda: Jamal al-Din al-Afghani, Muhammad Abdu and Rashid Rida. To analyse the concept of “Muslim Brothers” were involved in the texts of one of the most important ideologues of the movement of Sayyid Qutb. As comparative material used Internet resources, analysis of which shows that the “Muslim brotherhood” in modern political rhetoric has largely moved away from radical views of S. Qutb. At the same time, it should be noted that the views of S. Qutb, had a significant influence on the formation of ideologies of other Islamic organizations, including terroristic organizations. In general, the ideology of the movement “Muslim brotherhood” is currently continuing on the path of Muslim reformism, but she continues to adjust to time under the influence of necessity.

Key words: Nahda, the Islamic reformism, Jamal al-Din al-Afghani, Muhammad Abdu, Rashid Rida, “the Muslim brotherhood”

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-67-77

**МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА
МОСКВЫ XVIII–XIX ВВ.
В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ
РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ**

Ф.А. Асадуллин

Институт Востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Автор статьи рассматривает один из этапов непрерывной жизни мусульманской общины Москвы, когда в XVIII в., благодаря либеральному курсу Екатерины II, мусульмане города обретают определенную свободу в своем историческом месте обитания – Татарской слободе в Замоскворечье. Автор исследования уточняет даты основания мечети, границы Татарской слободы, роль татарского купечества, социальный состав мусульманской общины в XVIII–XIX вв.

В статье отмечается всплеск интереса в России к миру ислама с 70-х гг. XVIII столетия после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Турцией.

Ключевые слова: мусульманская община Москвы, мусульманская литература, либерализация религиозной политики, татарская община, мечеть в Москве

Введение. Восшествие на российский престол Екатерины II (1762–1796), которая, как и ее муж Петр III (1761–1762), была далека от идеалов православного царства и придерживалась идеологии просвещенного абсолютизма, коренным образом изменило положение мусульман Российской империи. Ислам, являвшийся до того гонимой религией, 17 июня 1773 г. согласно указу Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» [1], получает официальное признание. Отныне открывались возможности постепенного возрождения сословия служителей мусульманского культа и полной легализации мусульманских общин по всей России, включая Москву.

Присоединение Крымского ханства к России в 1783 г. еще более усилило эти тенденции: многие татарские мурзы (хотя далеко не все, кто к этому

стремился) получили одинаковые права с русским дворянством и стали именоваться «князьями». Одновременно при прямой поддержке государства начался процесс превращения зажиточных татар, исторически имевших тесные коммерческие связи с Крымом и Средней Азией, в торгово-промышленный слой.

Исследование проблемы. Новые веяния в общественной жизни затронули и жизнь крупных городов империи, прежде всего ее двух столиц. Выражением либерального духа екатерининской эпохи могла служить известная немецкая поговорка «*Stadtluft macht frei*» – «Городской воздух делает свободным». В Москве под воздействием этого «воздуха свободы» начинает разворачиваться предпринимательская активность мелких и средних татар-торговцев, вошедших в сословие купцов третьей гильдии, что, однако, натолкнулось на противодействие со стороны русского купечества, увидевших в них прямых конкурентов [2. С. 22].

Значительный интерес к миру ислама вызвали проходившие в Москве торжества по случаю подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Турцией в июне 1775 г., которые вылились в десятидневные народные гуляния и парадный прием в Кремле, где турецкий посол Абдул Керим вручил Екатерине II вместе с подарками от турецкого султана грамоту о вечном мире. В переписке Екатерины II сохранились сказанные летом 1775 г. такие слова: «Мне кажется, что дружба и согласие, которые установились между возлюбленным моим братом Абдул-Гамидом (турецкий султан. – *Ф.А.*) и мною, заставляют многих худеть» [3. С. 59]. Екатерина II имела в виду крупнейшие европейские державы, которые внимательно следили за развитием российско-турецких отношений. Возможно, в этой связи с 1777 г. в Московском университете, правда, на непродолжительное время, было введено преподавание турецкого языка, а также были предприняты попытки на базе богословского факультета университета создать школу отечественного востоковедения.

Заметным явлением светской жизни Москвы в 70-е гг. стала постановка на московской сцене пьесы Вольтера «Магомет», где в форме антирелигиозного памфлета поднята проблема духовного долга, который в определенных обстоятельствах может перерождаться в вид духовного обмана и даже порабощения.

Находясь под влиянием художественных канонов эпохи Просвещения и подчиняясь антиисламским стереотипам, укоренившимся в европейском общественном сознании, Вольтер и его русский интерпретатор П.С. Потемкин показывали неприглядный образ Магомета, который по прихоти автора предстает в образе тирана. Характеризуя образцы русской словесности XVI–XVIII столетий, С.А. Кириллина отмечает, какими «религиозно и идеологически ангажированными, вздорными и искаженными были представления об исламе, бытовавшие в российском обществе рассматриваемого периода».

Из книги в книгу «кочевали более чем нелестные сведения о „магометанстве” как плоде „буесловия” бесноватого аравитянина-лжепророка и о мусульманах как жертвах дьявольских козней, созданных Богом для того лишь, чтобы заполнить ими преисподнюю» [4. С. 414–415].

Пробудившийся интерес к восточной тематике у столичной публики удовлетворялся многочисленными «анекдотами азиатскими» и «баснями восточными», которые публиковались в столичных журналах «Москвитянин», «Русская старина», «Русский вестник», «Телескоп», «Зеркало света», «Отечественные записки» и др. На страницах этих и других журналов можно было встретить как художественные мистификации под арабскую старину: аллегории, сказки и повести, которые нередко назывались «переводом с арабского», так и вполне жизненные истории о помещичьем быте, в котором, например, были узаконены крепостные гаремы. Журнал «Русская старина» за 1883 г. опубликовал мемуары помещика Я.М. Неверова о судьбе крепостных девушек, которые в полной изоляции от внешнего мира содержались в гареме их семидесятилетнего владельца. В анекдотической истории 1812 г. рассказывалось, как во время знаменитой встречи в Москве Александра I с дворянами и купцами помещик, обращаясь к императору, в патриотическом порыве воскликнул: «Государь, всех, всех бери, и Наташку, и Машку, и Парашку!» [5. С. 105–106]. В русской литературе конца XVIII в. стараниями А.П. Беницкого (1780–1809) получили распространение оригинальные «восточные повести», ставшие одним из любимых жанров отечественной словесности. Более крупными памятниками арабской литературы, с которыми в XVIII в. «можно было познакомиться целиком в сравнительно близкой передаче», были Коран и «1001 ночь» [6. С. 54]. В 1790 г. появился перевод Корана, выполненный М.И. Веревкиным, видным литератором екатерининской эпохи, который стал источником для создания А.С. Пушкиным его «Подражаний Корану» (1824). Что касается «1001 ночи», то ее первое издание вышло в Москве в 12 частях в 1763–1771 гг., а затем было переиздано еще четыре раза – в 1776–1784, 1789, 1796, 1803 гг. О популярности сюжетов, связанных с исламом, – своего рода «исламофильской» тенденцией в русской литературе последней четверти XVIII в. – свидетельствует и то, что популярная книга «Магомет с Алкораном», выпущенная известным переводчиком и издателем Петром Богдановичем, за короткий срок выдержала три издания – в 1774, 1786 и 1792 г.

Большой популярностью пользовались обращенные к массовой аудитории лубочные романы «Повести о приключениях милорда Георга и о бранденбургской маркиграфине Фридерике-Луизе, с присовокуплением истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезы» (1782) и «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840). Эта литература, рассчитанная на невзыска-

тельного читателя и многократно переиздававшаяся, сделалась «одним из любимейших чтений в лакейских и вообще в простонародии» [7. С. 93–94].

В самой мусульманской литературе, развивавшейся в рамках средневековых канонов художественной словесности, росло осознание единства и тесной исторической связи с Россией, которую оказавшиеся на чужбине мусульманские путешественники и паломники называли своей единственной родиной, а себя – «гражданами большой и сильной империи». Известный татарский просветитель и богослов Абульманих Каргалы (1782–1833), после совершения хаджа оказавшийся в составе посольства бухарского эмира в Константинополе, в своем стихотворении «Саяхатнаме» (1817) с гордостью сообщает о себе как о гражданине «Московского государства», которое ни в чем не уступает и даже превосходит все увиденные им края и земли [8. С. 87].

Для самих московских мусульман либерализация религиозной политики привела к активизации духовной жизни вокруг единственной деревянной мечети, которая располагалась в Татарской слободе во дворе переводчика Коллегии иностранных дел князя Сулмаммет-мурзы Сименя и просуществовала там вплоть до начала XIX в. С 1782 и по 1840 г. ее имамом был мулла Абдулла Узбеков. Одновременно наблюдается и увеличение численности и этнического разнообразия мусульманского населения столицы, что было вызвано другим екатерининским манифестом – «О высочайших дарованиях разным сословиям милостях по случаю заключения мира с турками» (1791). За ним последовали оживление татарского торгового капитала и миграции из Поволжья, Урала, Крыма, а также активизировалась торгово-предпринимательская деятельность на Кавказе и Средней Азии. К.Н. Батюшков (1787–1855) в своих «Прогулках по Москве», поражаясь этническому разнообразию города, сравнивал его с восточным базаром, где можно увидеть «грека, татарина, турка в чалме и туфлях, и важного персиянина» [9. С. 13].

Предоставление бухарским купцам согласно императорскому указу 1807 г. льгот на торговлю на Макарьевской, Ирбитской и Коренной (Курской) ярмарках связало их коммерческими связями с Москвой и в определенной степени способствовало их более активному влиянию на жизнь мусульманской общины [10. С. 315]. Через торговые маршруты, проложенные бухарскими купцами, из Индии в Россию доставлялись вошедшие в Европе в моду после Египетской экспедиции Наполеона кашмирские (кашемировые) шали, доступные из-за высокой стоимости лишь очень состоятельным людям. По свидетельству А.С. Пушкина, кашемировая шаль как предмет роскоши в дворянской среде считалась дорогим свадебным подарком [11. С. 406].

На рубеже XVIII–XIX вв. Москва, по свидетельствам иностранцев, представлялась как «какой-то ленивый, изнеженный, великолепный азиатский город» [3. С. 190], где всегда незримо присутствовавшие отголоски золотоордынских времен соседствовали с новыми, привнесенными из жизни

восточных народов, бытовыми и культурными реалиями. Джакомо Казанова (1725–1798) в своей «Истории жизни» несколько страниц посвятил Москве, называя не иначе как «дочь Азии, весьма удивленная, что находится в Европе» [12. С. 83]. А французскому писателю Стендалю (1783–1842), оказавшемуся в России вместе с армией Наполеона, Москва «виделась чем-то экзотическим, явно восточным, по крайней мере, не очень похожим на европейские города» [13. С. 57]. Впрочем, не одному ему. О «минаретах варварской Москвы» есть упоминание в поэме «Бронзовый век» (1823) английского поэта-романтика Дж. Байрона (1788–1824), который в Москве никогда не был. «*Cette ville asiatique aux innombrables eglises, Moscou La Sainte!*» – «Этот азиатский город с бесчисленными церквями, Святая Москва!» – восклицает Наполеон в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» [14. С. 336].

В.Г. Белинскому Москва представлялась «восточным городом, о котором читал в Шехерезаде», где маковки церквей ему напоминают минареты [15. С. 38]. Автор «Евгения Онегина» в своем знаменитом произведении (названном критиками «энциклопедией русской жизни») сумел блестяще запечатлеть эти незаметные на первый взгляд «азиатские» приметы московской жизни начала XIX в.: кабинет главного героя украшает «янтарь на трубках Цареграда» – курение кальянов и трубок в то время входило в моду у великосветской молодежи, у его стола стоит мягкое низкое ложе для приема близких друзей – турецкий диван (оттоманка) с многочисленными подушками. В седьмой главе его сани несутся по главной улице Москвы, и в калейдоскопе мелькающих городских картин – церквей, лавок, дворцов и т.д. его взгляд улавливает одетых в пестрые халаты бухарцев:

Вот уж по Тверской Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах [16. С. 37].

Сам поэт, исследуя генеалогические корни рода Пушкиных, упоминает родственные татарские фамилии Мусиных и Шерефетдиновых [17. С. 418]. Анализируя ход российской истории в преломлении к действительности середины XIX в., великий русский мыслитель Александр Герцен (1812–1870), подписывавший свои работы под псевдонимом Искандер, приходит к такому выводу: «На взгляд Европы, Россия была страной азиатской, на взгляд

Азии – страной европейской; эта двойственность вполне соответствовала ее характеру и ее судьбе, которая, помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараями цивилизации между Европой и Азией» [18].

Современник Герцена, известный русский историк и публицист Петр Долгоруков (1816–1868), находясь в эмиграции, предлагал взглянуть на Россию таким образом: «Что такое Россия, в отношении политическом и административном? Огромное здание, с европейским фасадом, с европейским фронтом, где внутри распоряжаются и управляют по-азиатски. Наибольшая часть русских чиновников, переодетые в костюмы более и менее европейские, действуют на службе совершенно по-татарски» [19. С. 726].

Эпоха правления Александра I (1801–1825) для московской общины мусульман (джамаата) прошла под знаком решения главного вопроса – получения разрешения на строительство каменной мечети и затем ее возведения на участке купца первой гильдии «из бухарцев» Назарбая Хашалова (Хамалова) в Пятницкой части (ныне Большой Татарской улице) Замоскворечья. Несмотря на свою малочисленность (в 275-тысячной Москве проживало около 300 мусульман) и сохранявшийся низкий социальный статус ее рядовых членов (типично «татарскими профессиями» считались дворник, кучер, дворový человек), татарская община и ее духовное руководство во главе с муллой Абдуллой Узбековым сумели убедить Председателя Оренбургского магометанского духовного собрания муфтия Мухаммеджана Хусаинова о необходимости строительства каменного мусульманского храма для правоверных Москвы и Московской губернии.

Согласно российскому законодательству главным условием разрешения на постройку мечети являлись: наличие в поселении не менее 200 ревизских душ мужского пола; заявление общины посредством составления общественного приговора о желании построить храм и согласие на это приходского духовенства; обязательство прихожан содержать за свой счет храм и причт; возможность возведения мечети только в случае отсутствия соблазна для живущих вместе с мусульманами новокрещенных и русских; получение светским начальством по поводу ходатайства «заключения» от духовной власти; выявление местной администрацией насущной необходимости в храме и достаточности средств у прихожан для его «приличного содержания» [20. С. 261–265].

Известно, что в августе 1801 г. оренбургский муфтий прибыл в Москву и, видимо, на месте изучал суть просьбы московских единоверцев. Через четыре года, в октябре 1805 г., когда вопрос был проработан и готов к представлению, муфтий обратился к московскому генерал-губернатору А.А. Беклешову (1745–1808), который к тому же был членом Государственного Совета, с ходатайством по вопросу возведения «постоянной каменной мечети». Обращение муфтия было встречено с должным вниманием, и генерал-губернатор прика-

зал обер-полицмейстеру Балашову собрать все сведения о жителях Москвы, исповедующих ислам, и подготовить свои предложения. Через месяц глава московской полиции в своем подробном рапорте отмечал: «в урочище... Татарская слобода находится 12 домов, принадлежащих людям магометанского вероисповедания. В них жителей мужеска – 57, женска – 45, временно останавливающихся, приезжающих по торгам и проезжающих чрез сию столицу по примерному исчислению бывает в год от 250-ти до 300 человек». Кроме того, отмечалось, что «...заведение здесь, подобно как и в Санкт-Петербурге магометанского молитвенного дома в жителях города сего неприятного влияния последовать не предвидеться, кои уже преобывают вникать в правила терпимости всех исповеданий» [21].

Рапорт и содержащиеся в нем предложения Балашова давали надежду, что на ходатайство муфтия последует положительная резолюция московских властей. Однако, прослышав о возможном строительстве иноверного храма, митрополит Московский Платон (1737–1812) выступил против возведения мечети в Москве, указав на возможные «неудовольствия и соблазн» для остальных жителей города.

Непримиримая позиция официальной церкви в конечном итоге и решила судьбу этого ходатайства. К тому же А.А. Беклешов к этому моменту был уже в отставке. Новый московский губернатор Т.И. Тутолмин (1740–1809) отстоять идею своего предшественника не смог или не захотел. Возможно, проблема отсрочки состояла и в неотрегулированности в целом системы духовного управления мусульманскими приходами из Оренбурга, где располагалось Магометанское духовное собрание во главе с муфтием. Только в 1857 г., когда устав Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) вошел в «Свод законов Российской империи», легитимность предпринятых Екатериной II реформ в отношении мусульман империи приобретает законченную правовую основу [22. С. 26–33].

Вторая попытка была предпринята только через 11 лет, когда Россия (и вместе с ней Москва) пережила наполеоновское нашествие, в отражении которого приняли участие и мусульманские народы страны, победоносную войну с Ираном за Кавказ и Закавказье (1804–1813), сделав значительные территориальные приобретения – Карабахское и Ширванское ханства, новую антитурецкую кампанию (1806–1812). В Москве в это время полным ходом шли восстановительные работы после опустошительного пожара 1812 г., заново отстраивалась старая часть города. В августе 1816 г. группа московских купцов-мусульман обратилась с просьбой генерал-губернатору А.П. Тормасову (1752–1819), одному из героев Отечественной войны 1812 г., вновь вернуться к вопросу о строительстве мечети в Татарской слободе. Последовало новое распоряжение генерал-губернатора о проведении опроса жителей Татарской слободы на предмет обоснованности их требования: существовали ли здесь мечеть ранее и если существовала, то когда была уничтожена.

Как и ожидалось, опрос выявил, что в Татарской слободе в Пятницкой части во дворе владения переводчика Иностранной коллегии, князя Сулманета Мурзы Сименя, находилась мечеть, а богослужения в ней с 1782 г. совершал мулла Абдулла Узбеков. Но из-за постигшего в конце XVIII в. Москву «мора» – эпидемии чумы – большинство прихожан мечети и сам князь Сименей умерли, а его наследник продал дом, во дворе которого располагалась мечеть, купцу Щукину. Вскоре здание мечети, придя в ветхое состояние, было снесено, и после этого богослужения уже проводились в частных домах купцов Макая Абдулова или Абдуллы Исакова.

Через год московская татарская община получила официальное разрешение на покупку или постройку дома для молитвенных собраний: по предписанию Торماسова молитвенный дом не должен был иметь «признака татарской мечети никакой, и имел бы вид обыкновенного дома наравне с прочими обывательскими» [23. С. 4]. Пока шло строительство «общественного молитвенного дома», в ноябре 1818 г. был утвержден «мулла и хатып» Сейфулла Мулюк Асханов, а в 1819 г. в новом деревянном здании под № 294 на Большой Татарской улице начались богослужения.

Прежде чем четвертый по счету московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын (1771–1844), вовлеченный в решение затянувшегося вопроса, дал окончательное разрешение на возведение каменной мечети, прошло еще несколько лет бюрократической переписки и согласований. В 1823 г. формальное разрешение, наконец, было получено. На участке купца Назарбая Хашалова был возведен каменный одноэтажный корпус со стилизованным минаретом над входной дверью, с виду похожий на обыкновенный городской дом. Сохранилась любопытная резолюция московского генерал-губернатора, отражающая отношение к исламу «отцов города»: «...Чтобы крику, каковой обыкновенно татарское общество дельвали с возвышенных мест для созыва к своим обрядам, отнюдь впредь производимо не было, и чтобы дом, в коем купец Хамалов (так в документе. – *Ф.А.*) может по обряду своему отправлять богослужение, отнюдь строим не был в виде мечети и не назывался бы мечетью» [23. С. 6]. Простое, на первый взгляд решение, как мы видим, давалось с большим трудом, через преодоление сопротивления церкви и укоренившиеся предрассудки городских чиновников.

В истории этой мечети есть много памятных страниц. Одна из них связана с посещением в июне 1868 г. имама Шамиля (1799–1871), который вместе с сыном Кази-Магомедом совершил в ней намаз. Установлено, что после завершения Кавказской войны он в качестве почетного пленника 7 раз бывал в Москве, присутствуя на важных государственных церемониях, приуроченных к приему зарубежных гостей либо именинам членов императорской семьи [24].

Заключение. Сословный состав мусульман Москвы 1855 г. показывает, что из 301 члена магометанской общины (включая лиц мужского и женско-

го пола) дворян потомственных и личных было 5 человек, духовенства – 12, купцов, мещан, цеховых (мастеровых) – 122, ямщиков и государственных крестьян – 87, удельных крестьян – 73, дворовых и прочих – 8, отставных солдат – 3, служанок – 15, кантонистов – 6 [25].

России, а вместе с ней Москве, предстояло пережить еще две непохожие эпохи правления Николая I (1825–1855) и Александра II (1855–1881), а московским мусульманам на протяжении нескольких десятилетий внимать фетвам оренбургских муфтиев Габдессаляма Габдрахимова (1825–1840), Габдулвахиды Сулейманова (1840–1862) и Селимгарея Тевкелева (1865–1885), правнука первого генерала-мусульманина Кутл-Мухаммада Тевкелева, а также слушать пятничные хутбы Рафика Агеева (?–1873), имама и ахуна мусульман столицы, прежде чем дом с небольшим минаретом на входной двери в Замоскворечье приобрел законченный вид мусульманского культового сооружения. Это произошло в 1880 г.

© Асадуллин Ф.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XIX. № 13996.
- [2] Розенберг Л.И. Татары в Москве // Этнические группы в городах европейской части СССР. М., 1987.
- [3] Пыляев М. Старая Москва. М., 2001.
- [4] Кириллина С.А. Очарованные странники: арабо-мусульманский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.
- [5] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002.
- [6] Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л., 1950.
- [7] Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
- [8] Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрко-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010.
- [9] Батюшков К.Н. Прогулки по Москве / Очерки московской жизни. М., 1962.
- [10] Аполова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в начале XVIII–XIX в. М., 1960.
- [11] Пушкин А.С. Участь моя решена. Я женюсь. (с французского) // Полное собрание сочинений. Т. VIII. Ч. I. М.–Л., 1948.
- [12] Москва глазами иностранцев. М., 2009.
- [13] Михайлов А.Д. Стендаль и Москва // Москва в русской и мировой литературе. М., 2000.
- [14] Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 тт. М., 1980. Т. 6.
- [15] Белинский В.Г. Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной // Очерки московской жизни. М., 1962.

- [16] Пушкин А.С. Евгений Онегин. 1981.
- [17] Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1986.
- [18] Цит. по: Ваганов А. Чем может обернуться очередная попытка прорубить окно в Европу // НГ-Наука. 28 марта 2012 г.
- [19] Эйдельман Н.Я. Грань веков: секретная династия. М., 2008.
- [20] Устав строительный // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 1. Ст. 261–265.
- [21] Кустова М. Полумесяц над Москвой // «ЛГ-Досье». 1991. № 7.
- [22] Загидуллин И.К. Проект «Устава управления духовными делами магометан» оренбургского муфтия Селимгереева Тевкелева 1867 г. как правовая основа для реформирования организации религиозно-обрядовой жизни мусульман // Современный ислам. 2011. № 3 (7).
- [23] Кустова М. Краткая историческая записка. [б. г.], [б. м.].
- [24] Чигарова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб., 1889.
- [25] Центральный муниципальный архив Москвы (ЦММА). Ф. 199. Оп. 1. Д. 29. «О народонаселении Москвы Магометанского исповедания декабрь 1897». Л. 1.

REFERENCES

- [1] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ). Sobr. 1-e. T. XIX. № 13996.
- [2] Rozenberg L.I. Tatory v Moskve // Jetnicheskie grupy v gorodah evropejskoj chasti SSSR. M., 1987.
- [3] Pyljaev M. Staraja Moskva. M., 2001.
- [4] Kirillina SA. Ocharovannye stranniki: arabo-musul'manskij mir glazami rossijskih palomnikov XVI–XVIII stoletij. M., 2010.
- [5] Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb., 2002.
- [6] Krachkovskij I.Ju. Oчерки по istorii russkoj arabistiki. M.–L., 1950.
- [7] Zhirkov G.V. Istorija cenzury v Rossii XIX–XX vv. M., 2001.
- [8] Sibgatullina A.T. Kontakty tjurko-musul'man Rossijskoj i Osmanskoj imperij na rubezhe XIX–XX vv. M., 2010.
- [9] Batjushkov K.N. Progulki po Moskve / Oчерки moskovskoj zhizni. M., 1962.
- [10] Apolova N.G. Jekonomicheskie i politicheskie svjazi Kazahstana s Rossiej v nachale XVIII–XIX v. M., 1960.
- [11] Pushkin A.S. Uchast' moja reshena. Ja zhenjus' (s francuzskogo) // Polnoe sobranie sochinenij. T. VIII. Ch. I. M.–L., 1948.
- [12] Moskva glazami inozemcev. M., 2009.
- [13] Mihajlov A.D. Stendal' i Moskva // Moskva v russkoj i mirovoj literature. M., 2000.
- [14] Tolstoj L.N. Sobr.soch. v 22 tt. M., 1980. T. 6.
- [15] Belinskij V.G. Zhurnal moej poezdki v Moskvu i prebyvanie v onoj // Oчерки moskovskoj zhizni. M., 1962.
- [16] Pushkin A.S. Evgenij Onegin. 1981.
- [17] Pushkin A.S. Sобрание sochinenij. T. 3. M., 1986.
- [18] Cit. по: Vaganov A. Chem mozhet obrnut'sja oчерednaja popytka prorubit' okno v Evropu // NG-Nauka. 28 marta 2012 g.

- [19] Jejdel'man N.Ja. Gran' vekov: sekretnaja dinastija. M., 2008.
- [20] Ustav stroitel'nyj // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. XII. Ch. 1. St. 261–265.
- [21] Kustova M. Polumesjac nad Moskvoy // «LG-Dos'e». 1991. № 7.
- [22] Zagidullin I.K. Proekt «Ustava upravljenja duhovnymi delami magometan» orenburgskogo muftija Selimgereja Tevkeleva 1867 g. kak pravovaja osnova dlja reformirovanija organizacii religiozno-obrjadovoj zhizni musul'man // Sovremennyj islam. 2011. № 3 (7).
- [23] Kustova M. Kratkaja istoricheskaja zapiska. [b. g.], [b. m.].
- [24] Chigarova M.N. Shamil' na Kavkaze i v Rossii. Biograficheskij ocherk. SPb., 1889.
- [25] Central'nyj municipal'nyj arhiv Moskvy (СМAM). F. 199. Op. 1. D. 29. «O narodonaseleonii Moskvy Magometanskogo ispovedanija dekabr' 1897». L. 1

THE MUSLIM COMMUNITY IN MOSCOW XVIII-XIX CENTURIES IN THE CONTEXT OF LIBERALIZATION OF RELIGIOUS POLICY

F. Assadulin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russia, 107031

The author considers one of the stages in the continuous life of the Muslim community of Moscow, when in the XVIII century, thanks to the liberal policy of Catherine II, the city's Muslims find a certain freedom in its historical habitat of the Tatar settlement in Zamoskvorechye. The author says the date of establishment of the mosque, the boundaries of the Tatar Sloboda, the role of Tatar merchants, the social composition of the Muslim community in the XVIII – XIX centuries.

The article notes a surge of interest in Russia to the world of Islam since the 70s of XVIII century after the signing of the Treaty of küçük Kaynarca between Russia and Turkey

Key words: Muslim community of Moscow, Muslim literature, the liberalization of religious policy, Tartar community

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-78-83

ON THE QUESTION OF RADICALIZATION OF CHINA'S ISLAM IN THE WESTERN AND CHINESE HISTORIOGRAPHY¹

E.A. Bazanova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10a, Moscow, Russia, 117198

In the present work, the possible approaches of China's Islam radicalization issues of Western and Chinese scholars were studied. In order to accomplish this goal, monographs and scientific articles in Chinese and English were analyzed. The works of several researchers and specialists in Islamic studies in China and Sino-Arab relations from Great Britain, USA, Israel, Singapore and China are examined i.e. Michael Dillon (Lancaster University), Dru Gladney (Pomona Colledge), Raphael Israeli (Hebrew University), Rohan Gunaratna (Nanyang University), Li Weijiang (Shanghai University of international relations), Zhu Weilie (China's association of Middle Eastern studies), Tang Baocai (China's center of Islamic studies) etc. Based on identifying similarities and differences in viewpoints of the studied scholars, it was stated that Western researchers consider this issue as a response to violations of human rights and religious freedom by the government, while Chinese ones define it as a result of external influence and impact of international radical Islamic organizations, affiliated with local extremist groups.

Key words: Islam in China, Hui, Uighurs, Xinjiang, Radical Islam

Introduction. Many Western researchers cope with the Islamic radicalization and terrorism in China as a religious minority or political issue. Often, a conflict in China is analyzed either as a terrorism perpetrated by Uighurs in Xinjiang against China or a result of repression and excessive human rights violations by Chinese state. Frequently, scholars have also studied the issue from ethnographical or political perspectives. Such an approach is not comprehensive to reveal the root of the conflict, one of which is the threat to minority identity. There has been a little systematic examination of the interaction between the Muslim identity, global jihad, and terrorism in China. On the other side, Chinese scholars consider Islamic radicalization as a side effect of deepening of relations between China and

¹ Исследование выполнено при поддержке Управления по науке и инновациям Российского университета дружбы народов (инициативная НИР № 100605-0-000 «Радикальные исламские организации после «Арабской весны»: Ближний Восток, Африка, Китай»).

Middle East and do not admit the local roots of this phenomenon. In their studies Chinese Muslims are clustered by their ethnicity in Uighurs and Hui who have more differences than similarities. Therefore, it is considered that Uighurs are under a great external influence and have a tendency to separatism, while Hui are loyal to Chinese government. The present work is an attempt to hold a comparison between Western and Chinese approaches for studying the Islamic Radicalization in China.

Methods & Materials. To conduct a comparative analysis of Western and Chinese approaches, monographs and articles of specialists in Islamic studies and Sin-Arab relations i.e. M. Dillon, D. Gladney, R. Israeli, Zhu Weilie, Li Weijian, Mi Shoujiang are analyzed as relevant materials to be used as sources of information.

Research. Michael Dillon, professor in Lancaster University (UK), in his book “Xinjiang – China’s Muslim Far Northwest” [2] provides essential background information of Xinjiang and a detailed analysis of the Muslim opposition against Beijing. The book is based on information collected from both of Chinese official press releases and Uighur diaspora. Dillon considers China’s reaction to the disturbances and the international dimension of China’s policy as an attempt to stabilize the region. However, Dillon’s book has lack of theoretical analysis on the Muslim ethnicity in China. Probably it happens because there is not enough accessible information about the conflict in China especially in Xinjiang. In his another book “China’s Muslim Hui minority. Migration, settlement and sects” [3] Dillon analyzes the influence of China-Arab developing relations on the Arabization of Chinese Islam. He proves that traditional Chinese Muslim culture experiences the great influence of Islamic movements from the Middle East and it faces risk to be involved in the process of purification and radicalization that can cause the tension between local Muslim communities and state government. Michael Dillon reports on deepening relations with Middle East is double-edge sword for Islam in China as it brings back Chinese Muslim community to the world “Umma”, from one side and causes contradictions between adherents of traditional Chinese Islam and supporters of purification of Islam from the influence of Chinese culture from the other side[3. P. 170].

As the pioneering specialist studying Islam in China, Dru C. Gladney, president of the Pacific Basin Institute at Pomona College (USA), breaks such pattern by placing a new approach for the analysis of Muslim minorities and their confrontation with the Chinese state. In his book, “Dislocating China: Muslims, Minorities and Other Subaltern Subjects”, Gladney demonstrates the ethnicity and identity of the Muslim minorities in China and their relation with the state and the majority Han Chinese. The book provides a compelling view of ethnic and religious politics that have shaped Muslim ethnicity in China. Gladney suggests three basic trends in the development of Muslim identity in China. The first trend is the growing sense of ethnic identity of Muslims in China, which he calls

the process of “ethnicization” [4. P. 160]. The second is “transnationalization” [4. P. 4] of their ethno-religious identity caused by the “opening-up” of the country to the world and the broadened links between Muslims inside and outside China. The third is Muslim’s resistance to China’s policies and practice that aim at “integration” [P. 209]. According to Gladney, these factors have largely shaped the grass root conditions that sustain a “low-level” insurgency and sporadic violence in Xinjiang. However, Gladney did not pay sufficient attention to the critical role of religion in shaping that ethnic identity, which marks the division between these minorities and the Han-Chinese majority [5]. Gladney argued that the designated Uighur terrorist groups (namely ETIM and ETLO) gain “very little support for radical Islam” [4. P. 248]. Nevertheless, the fact that terrorism in China has been integrated into the global jihad movement being spearheaded by Al Qaeda and its associated and affiliated groups is clearly evidenced.

Raphael Israeli, Professor Emeritus in the Hebrew University (Israel), is specialist who made a significant contribution to study of Muslim ethnic nationalism and identity in China. In his book “Islam in China. Religion, Ethnicity, Culture, and Politics” with regard to Muslims in Xinjiang, Israeli notes that “the current revival of Islam around the world, coupled with the growing interest of the Islamic core in the minorities of the periphery, has raised the probability of Islamic renewal in these remote fringes of the Islamic world” [7. P. 1]. He examines Muslims in China not only as a “historical exoticism,” but also “as a prototype of a vital Muslim minority that may be undergoing significant developments” under the influence of the changing Islamic world [7. P. 1].

The book “Ethnic Identity and National Conflict in China” by R. Gunaratna, professor in Nanyang University (Singapore), A. Acharya and Wang Pengxin emphasized on religion which has historically shaped the minority identity in China. It is Islam, and not ethnicity alone, which has shaped the Muslim identity [6. P. 7]. Moreover, Islam is now at the root of hardening of the identity that has manifested in extremism and terrorism against the state. As it was reported by the authors, the Islamist terrorist threat to China is manifestly clear and is not ambiguous [7. P. 10]. However, Beijing needs to develop an appropriate counter-terrorism posture that is transparent, legitimate, and fair to address the concerns of the international community. The book offers a theoretical framework to explain the context of ethno-religious and minorities conflicts and terrorism in general and in Xinjiang in particular. It provides a historical survey of Islam in China. A short description about the Muslim minorities in China, followed by a discussion about China’s policies toward Muslim minorities is given to discuss Uighurs and East Turkistan groups that are in the forefront of terrorism and separatism in Xinjiang. Furthermore, it includes discourses on the origin and identity of Hui Muslims and their Islamic thought and the potential for radicalization and extremism in Hui community. A threat to China from transnational groups, especially Al Qaeda and its associated groups was discussed. The concluding section of the book reaffirms the link

between threats to identity and ethnic conflicts. A hypothesis that nation-building cannot be achieved with attempts to assimilate the minorities with force, where minority identities and aspirations are sharply in contrast to those of the state was concluded.

Chinese historiography can be conditionally divided in two groups; first group includes studies of Chinese scholars on China's relations with Arabic countries of the Middle East and development of Islam in China such as "New Silk Road, fifty years of diplomatic relations between New China and Arabic states" by An Huihou [1], the specialist of China's Foreign Affairs Ministry Middle Eastern department; "Arabs' image about China" by Li Rongjiang [10], professor of Arabic Research Center in Wuhan University, "State's interests and middle eastern policy of China", by professor Li Hongjie [9], the researcher in the Center of Strategic Studies in Beijing University etc. In their studies, Chinese authors focused on historical aspects of cooperation between China and Arab countries, as well as analyze the current state of Sino-Arab cooperation in the field of politics, economy, culture, education and religion. Most of Chinese studies emphasize on the history of China and Arab countries' relationship that it is rooted in the deep past, and their development at the present stage is a kind of revival of the Great Silk Road and the establishment of civilized dialogue between the Middle and Far East Countries. In their work, they are proving that Islam appeared in China long time ago and became the part of Chinese religion system. It has its forms and traditions that were adopted and influenced by Chinese culture during the long time of interactions. Chinese Islam can be considered as a result of this long term historical process and it is a unique form of belief of most part of Chinese Muslims.

It is of a great importance for the study of Islam in China are periodicals, issued by the Chinese Association for Middle East Studies, the Institute for Middle East Studies at the Shanghai University of International Relations, Institute of West Asia and Africa, the Chinese Academy of Social Sciences, and others. Development of modern Islamic movements is studied in such journals as "Xi Ya Feizhou" ("West Asia and Africa"), "Alabo shijie yanjiu" (Arabic world studies"), Among the authors who regularly publish their articles in these journals we should mention such famous Chinese specialists in Arabic studies as Li Weijiang [11] – the director of the department of West Asia and Africa studies in Shanghai University of International relations, Zhu Weile [19] – the director of the Institute of Middle East studies, vice-president of China's association of Middle Eastern researches, Tang Baocai [16] – professor in the center of China's center of Islamic studies, etc. They include an extensive factual material, which is of a great value for studying Islam in China and the specificity of interaction between Chinese Muslims and Arab world. A great attention should be given to their works that have a certain political bias and it could be noticed in focusing on the study of Islam mostly among Hui nationality and almost neglecting the problem of Islam

in Xinjiang. In conclusion, the analyzed scholars consider Islam as a so-called bridge between China and Muslim world, which can help to develop PRC's relations with Middle East countries. However, the problem of radicalization of Chinese Islam and connections of unofficial Chinese Islamic organizations with terrorist and jihadist groups in Middle East was not discussed.

The second group devotes their works to the study of Islam in China, the role, and place of Islam in China's cooperation with the Arabic countries. In the works of Mi Shoujiang [14], Zhang Gojie [18], Ma Jiucheng [12], Ma Rong [13], Qiu Dexing [15], Li Daoxiang [8], problems of current situation of Muslim minorities, the development of Islam in China, and the role of the Chinese Muslims in China's rapprochement with the Islamic world are studied. It should be noted that almost all the researchers studied the problem of China's Muslim minority, are themselves members of these nationalities. Most of the work on the subject, published in China, date back to the 1990s – 2000s. That period was not accidental because the interest of Chinese scholars regarding to that and the situation of Muslim minorities was aroused as a result of increment of the government's interest in the Islamic countries.

Conclusion. The present work introduces a reliable analysis for some suggested approaches of the controversy of radicalization of China's Islam in the western and Chinese historiography. It was established that Western scholars are focused on the problem of human rights suppression in Xinjiang and see the roots of Islamic radicalism as a result of the fight for religious freedom. On the contrary, Chinese ones consider that Islamic movements are a natural consequence of China's developing relations with Muslim world and the problem of radicalization as phenomena is not peculiar to Chinese Muslims.

© Bazanova E.A., 2017

REFERENCES

- [1] An Huihou. *Silu xinde. Xin Zhongguo he Alabo guojia wushi nian waijiao lichen*. Beijing, 2006.
- [2] Dillon M. *Xinjiang – China's Muslim Far Northwest*. London, New York, 2004.
- [3] Dillon M. *China's Muslim Hui minority. Migration, settlement and sects*. London, 1999.
- [4] Gladney D. *Dislocating China: Muslims, Minorities and Other Subaltern Subjects*. London, 2004.
- [5] Gladney D. *Muslim Chinese: ethnic nationalism in the People's Republic*. New York, 1991.
- [6] Gunaratna R., Acharya A., Wang Pengxin. *Ethnic Identity and National Conflict in China*. New York, 2010.
- [7] Israeli R. *Islam in China. Religion, Ethnicity, Culture, and Politics*. London, 2002.
- [8] Li Daoxiang. *Xibu da kaifa yu xibu shehui fazhan wenti yanjiu*. Beijing, 2008.
- [9] Li Hongjie. *Guojia liyi yu Zhongguo de Zhongdong zhengce*. Beijing, 2009.
- [10] Li Rongjian. *Alabo de Zhongguo xingxiang*. Beijing, 2010.

- [11] Li Weijian. The transformation of the international system and China's positive diplomacy in the Middle East // *Journal of Middle Eastern and Islamic studies (in Asia)*. 2009. № 1.
- [12] Ma Jiucheng. *Huizu lishi yu wenhua yanjiu*. Beijing, 2006.
- [13] Ma Rong. *Ethnic relations in China*. Beijing, 2008.
- [14] Mi Shoujiang. *Islam in China*. Beijing, 2004.
- [15] Qiu Dexing. *Xibu shaoshu minzu gaikuang*. Beijing, 2008.
- [16] Tang Baocai. Dui Yilake zhanzheng hou Zhongguo yu Zhongdong jingmao guanxi de sikao // *Alabo shijie yanjiu*. 2006. № 3.
- [17] Xu Zhengui. *Yisilan yu Zhongguo wenhua*. Ningxia, 1995.
- [18] Zhang Gojie. *Bai nian zhongguo musilin*. Ningxia, 2002.
- [19] Zhu Weilie. Understanding and respect: on establishing a Chinese discourse system for Middle East studies // *Journal of Middle Eastern and Islamic studies (in Asia)*. 2009. № 1. Dialogue among civilizations: a close look at the Greater Middle East reform // *Journal of Middle Eastern and Islamic studies (in Asia)*. 2007. № 1.

К ВОПРОСУ О РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В КИТАЕ В ЗАПАДНОЙ И КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е.А. Базанова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В данной работе были изучены возможные подходы западных и китайских ученых, касающиеся вопросов радикализации ислама в Китае. Для достижения этой цели были проанализированы монографии и научные статьи на английском и китайском языках авторов из Великобритании, США, Израиля, Сингапура и Китая. Рассматривались работы ряда исследователей и специалистов в области исламских исследований в Китае и отношений КНР со странами мусульманского мира, таких как Майкл Диллон (Университет Ланкастера), Дрю Глэдни (Помона Колледж), Рафаэль Исраэли (Еврейский Университет в Иерусалиме), Рохан Гунаратна (Университет Наньян), Ли Вэйцзян (Шанхайский университет международных отношений), Чжу Вэйле (Китайская ассоциация исследований Ближнего Востока), Тан Баоцай (Китайский центр исламских исследований) и т.д. На основе выявления сходства и различия во взглядах исследователей было заявлено, что западные ученые считают процесс радикализации ислама в Китае и тенденцию образования экстремистских исламских организаций ответом на нарушения прав человека и свободы вероисповедания со стороны правительства, в то время как китайские авторы определяют его как результат внешнего воздействия и влияния международных радикальных исламских организаций, аффилированных с локальными группировками.

Ключевые слова: ислам в Китае, Хуэй, Уйгуры, Синьцзян, радикальный ислам

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-84-95

ТОРГУТЫ: К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА И РЕЛИГИОЗНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Б.У. Китинов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, 117198

Торгуты были частью четырехсоставного союза ойратских (западно-монгольских) племен. Впервые они упомянуты в связи с организацией империи Чингисхана в качестве его личной гвардии (турхаут-кешигтен), и сведения о них находятся в источниках по истории разных стран Азии. В гвардию брали представителей разных национальностей, однако костяк, судя по всему, составил народ керейтов, несториан по религиозной принадлежности, с именем главы которых, Ван-ханом, была связана европейская средневековая легенда о существовании на Востоке христианского царства пресвитера Иоанна.

Турхаут-кешигтены, пребывавшие в Восточном Туркестане, в течение двух-трех веков, т.е. к середине XV в., из воинского сословия сформировались в этнос торгутов, и вступили в состав ойратов. Их дальнейшая этническая и религиозная история была связана с событиями, имевшими место на огромной территории от Каспийского моря до Тибета и Монголии. Торгутами было создано, при соучастии иных ойратских племен, Калмыцкое ханство в России; они оказались влиятельными игроками в историческом развитии тибетского буддизма, и их главы получали ханский титул от Далай-ламы. Развитие событий, вначале благоприятное для торгутов и других ойратов в первые годы XVIII в., во второй половине того же века привело к исчезновению их ханств, значительным людским потерям, ликвидации политической и иной самостоятельности.

Ключевые слова: торгуты, ойраты, Тибет, Далай-лама, происхождение, буддизм

Введение. Осенью 2013 г. автору статьи довелось встретиться в Стамбуле с гражданином Турции Турханом Тургутом – бывшим влиятельным предпринимателем, ныне пенсионером, историком по призванию. Как следует из его фамилии, и Турхан сам об этом говорит, он считает себя по происхождению торгутом – потомком отборных воинов Чингисхана, позже составивших один из этносов ойратов. Торгуты прибыли в Переднюю Азию совместно с иными полками Хулагу – внука Чингисхана, основавшего в Персии государство иль-ханов.

История с Турханом Тургутотом тем более показательна (более того – она показалась неправдоподобной для некоторых ведущих монголоведов, кому мне приходилось рассказать об этом уникальном случае), что в настоящее время среди жителей этого обширного региона, прежде входившего в состав империи иль-ханов, безусловно, немало потомков торгутов и ойратов, но они, как правило, не сохранили память о своих предках, и уж тем более не интересуются этой частью своего прошлого. Турхан Тургут написал статью «По-забытые буддисты. Тургуты между Китаем и Россией» [32], и в настоящее время проводит исследования, связанные с судьбами этого племени ойратов в пост-иль-ханский период.

Надо отметить, что торгуты (тогда – турхаут-кешигтены), как личная гвардия Чингисхана, сыграли выдающуюся роль в событиях иль-ханского и пост-иль-ханского Среднего Востока. Кроме того, они охраняли жизнь как самого Иль-хана, так и его ближайших родственников и окружения. По словам Кирти Ценшаб Ринпоче (1), влияние торгутов при дворе Ильханов было значительным; в целом он оценивал их количество в Персии как половину из всего торгутского сословия. В статье автор рассматривает отдельные вопросы происхождения и истории торгутов, их роли в истории тибетской буддийской школы Гелук.

Методы и материалы. Для изучения настоящей темы в распоряжении ученых имеется достаточное количество материалов, поскольку ойраты вообще, и торгуты в частности, отмечены во многих источниках. Особенностью этих источников являются трудности в определении конкретной этнической группы монголов, участвовавшей в тех или иных событиях, проблема локализации их мест обитания. Не всегда удается выявить имена ханов и лам, достаточно часто они могут совпадать у представителей разных групп ойратов, монголов и тибетцев. По-прежнему малодоступны некоторые тибето-язычные, монголо- и ойрато-язычные источники, имеющие отношение к изучаемому периоду и народу, а также ряд других источников.

Автор уделял должное внимание сопоставительному анализу различных источников (прежде всего в контексте исторической хронологии) и выделял некоторые из наиболее значимых точек зрения на проблемы, являющиеся ключевыми для статьи: этническое происхождение и религиозная ориентация.

Исследование проблемы. Вопросы, связанные с этнической, политической, религиозной историей ойратов, и в частности торгутов, продолжают оставаться в центре монголоведческих и ойратоведческих исследований.

В целом можно выделить две основные точки зрения на происхождение торгутов, которые, в принципе, не противоречат друг другу: согласно первой, торгуты произошли от керейтов (тюрко-монгольский народ), во главе которых стоял Ван-хан (Онг-хан), по второй, как этнос они возникли на основе особой военной когорты Чингисхана – турхаут-кешигтенов. В частности, Х. Ховорс считал, что торгуты произошли от кэргудов, связанных с керейтами

[25. P. 590], П. Пеллио придерживался следующей точки зрения: это этнос, образовавшийся от личной гвардии Чингисхана – турхаут-кешигтенов [30. P. 32]. Примерно о том же писали В. Успенский [20. С. 87.] и С.А. Козин [10. С. 91]. Известный калмыцкий историк XIX в. Габан Шараб также отмечал, что торгуты – выходцы из керейтов [6. С. 140–141].

Таким образом, этноним «торгут» есть не что иное, как изменившееся со временем название личной гвардии Чингисхана (монг. *turğa'ut*, тюрк. *turğaq*, кит. ху-вэй сань-бань) [1. С. 44–46; 30. P. 30–33], которая имела «особое значение для военных успехов монголов» [4. С. 619]. Это мнение также разделяется и С. Хойтом [21. С. 34]. Гвардию составляли преимущественно сыновья нойонов-темников, тысячников и сотников, а также некоторые способные, смекалистые и «крепкого телосложения» люди из «сул кун», то есть из «свободных аратов» [17. С. 35].

Торгуты оформились на базисе военно-управленческих институтов периода Монгольской империи, на смешении различных племен. Родоначальником торгутов по исторической традиции признается известный Онг хан (Ван хан), глава керейтов [4. С. 25; 25. P. 558; 29. S. 92; 31. P. 25]. П. Пеллио писал, что «история торгоутов представляет особый интерес ввиду их миграций, а также из-за возможного их родства с древними керейтами-христианами» [30. P. 25], которые воспринимались в Европе как подданные пресвитера Иоанна и на помощь которых надеялись в период крестовых походов. В.П. Санчилов отмечал, что «с распадом единого монгольского государства... остатки монголоязычных племен, консолидировавшиеся в некую этническую общность, выступили на арену истории под названием торгоутов» [18. С. 68]. Им удалось образовать в Южной Монголии свое ханство, располагавшееся на землях тумэтов [25. P. 558] или же в Ордосе [2. С. 147]. По Дж. Крюгеру, эта местность носила название Бегу-морин [28].

По нашему мнению, торгуты как этнос сформировались на прежних землях тангутов, где некогда было их государство Западное Ся, разгромленное Чингисханом в 1227 г. Согласно С.А. Козину [10. С. 74, 77] и Ц.Д. Номинханову [15. С. 102], данное положение подтверждается существованием у калмыков сочетания «Хальмг тангч» (2), где «тангч» означает «человек из Тангута» и является сохранившимся в памяти народа воспоминанием о прежней родине [12. С. 83–84]. Прежние земли тангутов составили территории современных провинций Циньхай и Ганьсу КНР. Затем торгуты вошли в состав ойратов, которые располагались несколько севернее, примерно в районе современной провинции Синьцзян КНР. Когда это произошло?

Согласно Дж. Крюгеру, ссылавшегося на торгутское сочинение «Торгудын гарулга» («Происхождение торгутов»), торгуты присоединились к ойратам в период правления чороского Тогон-тайши, т.е. в первой трети XV в. [28]. Примерно этот же период отмечается и таким калмыцким историком XIX в., как Батур-Убуши Тюмен, писавшим: «Когда торгоуты *присоединились* (курсив

мой. – Б.К.) к ойратам, у них был хан Мергени-Еркету...» [19. С. 26]. Поскольку от него в седьмом колене упоминается хан Хо-Урлюк, живший в конце XVI – первой половине XVII вв., то указанное событие могло иметь место около 1420-х гг. (см. также: [13. С. 50]).

Торгуты присоединились к ойратам ввиду экспансии китайцев на север, когда последние в 1405 г. заняли «Тангуторон» (страну тангутов – на калм. языке). Возможно, продвижение китайских армий на запад было обусловлено необходимостью укрепить границы ввиду угроз от тюркских и монгольских племен, и предупреждения нашествия в Китай наследников Тамерлана (скончался в 1404 г.).

Ойратские племена торгоутов и хошоутов не позднее конца XIV в. уже кочевали близ Тибета и на землях Тангута, т.е. в Северном Тибете. Это была территория, где значительным влиянием пользовалась тибетская буддийская школа Гелук. Соответственно, торгуты были среди первых ойратских племен, оказавшихся под влиянием этой школы, и среди них появились видные духовные лица. Так, Сарат Чандра Дас на основании изучения тибетских источников о торгутах Тондуп Гьяцо, утверждал, что «монах из Дрепунга Тондуп Гьяцо, достигший второй ступени совершенства бодхисаттвы, распространил буддизм в стране торгоутов, но развитие религии было затруднено уходом торгоутов к русским» [23. Р. 154].

К наиболее известным следует отнести также Нейджи-тоина (1557–1653). Согласно его биографии, написанной в классическом стиле буддийских жизнеописаний, Нейджи-тоин (в миру – Абида) вел обычную светскую жизнь. У него была семья, но после случая на охоте, когда им была убита лань, бывшая на сносях, он, с состраданием воспринявший чужую боль, бросил мирскую жизнь и ушел в монахи. Позже у торгоутов появились и другие известные ламы (Шакур-лама, Анджата-лама и др.).

По всей вероятности, в связи с вхождением торгоутов в состав ойратов (процесс завершался к середине XV в.) «желтое учение» (то есть учение школы Гелук) начало распространяться среди остальных ойратских племен. Далее, вплоть до конца XVI в., торгуты будут более заняты разрешением территориально-административной проблемы, поскольку усилившиеся джунгары – лидеры ойратского союза – стремились подчинить себе торгутского хана, и кроме того, имели место частые стычки с восточно-монгольскими племенами. Около половины торгоутов в конце XVI в. направилась в сторону России (Сибири), чтобы позже осесть вдоль р. Волги и на Северном Кавказе. Здесь их дальнейшая история и развитие будет определяться как взаимодействием с Российской империей, так и спецификой иного конфессионально-этнического окружения [27].

Результаты. Оставшаяся в Центральной Азии часть торгоутов, как и все остальные ойратские племена, с начала XVII в. оказалась тесно вовлечена во внутритибетские дела. Так, в период 1610–1618 гг. цзанские правители под-

чинили себе Уй (часть Центрального Тибета, Цзан также входил в его состав), что привело к ограничению влияния Гелук. В 1619 г. случилось особенное событие – «в Тибет “возвратился” отряд монголов, якобы бывший там еще при Четвертом Далай Ламе. А в 1620 г. монголы попросту атаковали войска Цзана» [11. С. 83; 5. С. 85–87].

На наш взгляд, такая точка зрения ошибочна. Дело в том, что в десятых и двадцатых годах XVII в. монголы (восточные монголы) были заняты внутренними усобицами. Как отмечает Й. Элверског, летом 1626 г. глава восточно-монгольского племени хорчинов Ооба хунтайджи принял покровительство Нурхаци – главы маньчжуров, «чтобы защитить себя от других монголов» [24. Р. 14], поскольку несколько знатных людей его племени были убиты чахарами и халхами. Только к 1634 г. войска чахарского хана Лигдана и халхаского тайджи Цокту появятся в Северном Тибете у оз. Кукунор, т.е. в непосредственной близости к ойратам.

Согласно «Автобиографии Панчен-ламы» в 1619–1621 гг. на помощь Гелук пришли войска двух братьев – Гуру Хунтайджи и Лхацун Лобсан Тензин Гьяцо, сыновей нойона Холочи [22. Р. 3], хана кукунорских торгутов. Им помогали силы депа из Кйишодпа (известный политический деятель Тибета в первой трети XVII в., активный сторонник Гелук), а связь между ойратами и монахами Дрепунга осуществлял Соднам Рабдан (*bsod nam rab brtan*), более известный как Соднам Чойпел (*bsod nams chos 'phel*), бывший старшим служителем при Далай Ламе IV. Он известен тем, что в том же 1619 г. отыскал «перерожденца» – будущего Далай Ламу V, и был главой секретной делегации к ойратам, направленной руководством школы в сложный для нее период для испрашивания помощи. После совещания ойратских ханов в Тибет было решено послать войска хошутов (в нем было немало и торгутских воинов) во главе с ханом Турубайху; военные действия длились в 1637–1642 гг. Согласно Сумба Хамбо, «монгольские (ойратские. – *Б.К.*) войска разгромили цзанцев ... вследствие чего все ранее потерянное снова досталось ... Гэлук» [16. С. 127].

К известным покровителям буддизма из среды торгутов следует отнести нойона Холочи – деятеля, который упоминается в ряде тибетских источников [31. Р. 155; 16. С. 45]. В историографии о нем сложилось ошибочное мнение как о главе монголов-тумэтов кукунорского региона [8. С. 55; 16. С. 179, прим. 544], тогда как в действительности он являлся ханом кукунорских торгутов, согласно калмыцким источникам. Так, в «Сказании об ойратах» Габан Шараба указано: «У пятого Бойго Орлюкова сына Улу Цензей три сына: старший Хулучи...» [6. С. 142]. Улу Цензей был родным дядей хана торгоутов Хо-Урлюка, который в конце XVI в. увел свой улус в Россию. Как отмечалось выше, около половины торгутов осталась в Центральной Азии, они кочевали по Тарбагатаю и близ Кукунора. Среди оставшихся был и нойон Холочи со своим улусом. Поскольку Холочи был сыном дяди Хо-Урлюка, то следовательно, Холочи и Хо-Урлюк были двоюродными братьями.

Нойон Холочи, вероятно, стремился наладить отношения с различными направлениями тибетского буддизма. Так, Х. Ричардсон писал: «Десятый Кармапа, Rgyal mchog chos dbu ins rdo rje, который родился в 1604 г., в 1610 г. получил приглашение посетить “Короля (хана) Холочи” [31. Р. 155], но он отклонил приглашение. Однако уже через 4 года этот лама отправился к восточным монголам – по мнению Х. Ричардсона, это могли быть тумэты, харчины или халха. Согласно тибетскому сочинению «Книга-океан» («Дэбтэрджамцо»), в 1603 г. нойон Холочи готовился ко встрече с Далай Ламой IV Йонтен Гьяцо [7. С. 56].

Значимая роль торгутов (после хошутов) в тибето-буддийских делах высоко оценивалась Далай-ламами, и это проявилось во вручении соответствующих титулов торгутским ханам.

Известная японская исследовательница Ю. Исихама специально изучила вопрос о значимости титула «хан», которым Далай-лама удостоивал ханов [26]. Первым ойратским ханом, получившим титул «тензин-хан» с вручением соответствующих регалий, был хан хошутов Гуши (Турубайху), получивший этот титул от Далай Ламы V в 1637 г. Такой же титул получили и оба его сына: Даян и Далай (в 1663 и 1671 гг.). В 1678 г. этот же титул получил джунгарский хан Галдан, несколько ранее удостоенный другого титула от Далай-ламы – Бошогту. Торгутские ханы (Дайчин, Аюка и др.) получали только титул «хан», на основании чего Ю. Исихама пришла к выводу, что «титул “хан” без дополнительного “bstan ‘dzin” имел значение... “хана ойратов”» [26. Р. 508]. Так, например, всеойратским ханом вначале признавался Очирту Сэцэн, хан хошутов (в 1657 г.), чьи кочевья занимали Цинхай (Северный Тибет), с его смертью в 1678 г. этот титул не вручался никому по причине междоусобицы у ойратов и калмыков, а также ввиду внутритибетских проблем (смерть Далай Ламы V в 1682 г.).

1697 г. был значимым в истории Тибета, именно тогда, спустя 15 лет, было объявлено о кончине Далай-ламы V и обнаружении очередной инкарнации. Весной эта важная весть была доставлена в Пекин знатным ламой Ньиматан Шабдрунг Нгаванг Жону. Вероятно, тогда же информация была передана и в Джунгарию и волжским калмыкам. С этим событием связано и решение тибетского первоиерарха вручить ханский титул торгутскому хану Аюке.

Надо отметить, что еще В. Бакунин, секретарь по калмыцким делам при Астраханском губернаторе в 1720–1740-х гг., писал, что хан Аюка «от Далай-ламы первый он испросил себе около 1690 года титул ханский» [3. С. 26]. Ввиду упомянутых выше событий Аюка получил титул лишь в 1697 г.; в ответ он в 1698 г. направил в Тибет своего двоюродного племянника Рабчжура (Арабджура) «для выражения Далай ламе благодарности за ханское достоинство, выполнения религиозных обетов и приглашения тибетских духовных на

Волгу; на обратном пути поручил ему заехать в Пекин для поднесения Богдо хану дани и выражения подданства» [14].

Но Арабджур в 1705 г. был задержан китайскими властями и поселен близ заставы Цзяюйгуань. Ввиду отправки Аюкой в 1712 г. следующего посольства, теперь уже для вызволения своего племянника из почетного плена, Пекин попросил разрешения у русского правительства направить к калмыкам свое посольство. Этот случай позволил Петру Первому вновь поднять вопрос о посылке в Пекин русской духовной миссии. Императорский двор в Пекине счел это обращение удачной возможностью для налаживания отношений с Россией, поскольку решались также и другие задачи: посещение калмыков цинским посольством и дальнейшая изоляция ойратской Джунгарии, которая стала грозным противником Цинскому Китаю.

Такова была ситуация в начале XVIII в., который принесет большие потрясения всем народам и государствам, вовлеченным в описываемые события: ойратские государства будут разгромлены Цинской державой, большая часть торгутов вернется из волжских берегов в Китай, а Россия совершит два крупных дипломатических прорыва: отрегулирует границу с Китаем и запустит важный духовно значимый проект – Русскую духовную миссию в Китае.

Заключение. Таким образом, торгуты как военно-управленческий институт (личная гвардия хагана – турхаут-кешигтен) возникли в эпоху Чингисхана. Они были представлены практически во всех государствах чингизидов. Торгуты были смешанного происхождения, но, вероятно, в немалой степени они были выходцами из керейтов. Пребывая под влиянием различных религий и культур, они восприняли, соответственно, в пределах Персии и Среднего Востока – ислам, в Восточной Азии – тибетский буддизм, как правило, направления Гелук. Их потомки до сих пор живут на пространстве огромного региона от Ближнего Востока до СУАР КНР.

Торгутские ханы и ламы сыграли выдающуюся роль в истории тибетского буддизма, они оказали значительное содействие хошутам в установлении власти Далай-ламы в Тибете. Те торгуты, что проживали в России (Волго-Кавказский регион), смогли образовать Калмыцкое ханство и сохранить свою идентичность, несмотря на уход в 1771 г. большей части народа обратно в Китай и отсутствие в своем окружении близких по духу и происхождению народов. Оставшиеся же в степях Центральной Азии (Джунгария, Северный Тибет) торгуты оказались участниками бурных событий, связанных с Тибетом и тибетским буддизмом, и, будучи вовлечены в борьбу с цинским Китаем, практически полностью были уничтожены.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Кирти Ценшаб Ринпоче (1926–2006), один из наиболее выдающихся деятелей тибетского буддизма, известный как «хранитель всей священной Дхармы Будды». Мне посчастливилось встречаться с этим выдающимся человеком во время научной стажировки (1992–1993 гг.) в г. Дхарамсале (штат Химачал-Прадеш, Индия) и получать у него консультации и всяческую поддержку при изучении истории буддизма у ойратов и монголов.
- (2) Хальмг тангч – калмыцкое название Калмыцкого ханства, вообще территории калмыков, проживающих в России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Авляев Г.О., Санчиров В.П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии (к проблеме этногенеза калмыков) // Проблема этногенеза калмыков. Элиста, 1984.
- [2] Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Москва-Элиста, 1994.
- [3] Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них тогоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995.
- [4] Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- [5] Беспрозванных Л.Е. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII – XVIII вв. Волгоград, 2001.
- [6] Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- [7] Дугаров Р.Н. «Дэбгэр-Чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск, 1983.
- [8] История Кукунора, называемая «прекрасные ноты из песни Брахмы». Сочинение Сумба Хамбо. Пер. с тибет., введ. и примеч. Б.Д. Дандарона. М., 1972.
- [9] Кукеев Д.Г. О вхождении торгоутов и хошутов в ойратский союз (XV в.) // Письменные памятники Востока. 2008. 2 (9).
- [10] Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. «Юань чао би ши». М.–Л., 1941.
- [11] Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. М., 1975.
- [12] Лувсандэндэв А. Относительно калмыцкого слова тангч. // V Международный Конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Т. 2. М., 1992.
- [13] Лыткин Ю. История калмыцких ханов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- [14] Лыткин Ю.С. Аюки – хан калмыцкий. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/text14.phtml?id=12315.
- [15] Номинханов Ц.Д. Происхождение этнонима «калмык» // Вестник АН Каз.ССР. 1958. № 11.
- [16] Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. Пер. с тибет. яз., предисл., коммент. Р.Е. Пубаева. Новосибирск, 1991.
- [17] Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- [18] Санчиров В.П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.

- [19] Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- [20] *Успенский В.* Страна Кукэ-нор или Цин-хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов по изгнании последних из Китая в связи с историей Кукэ-нора. СПб., 1880.
- [21] *Хойм С.* Этническая история ойратских групп. Элиста, 2015.
- [22] *The Autobiography of the first Panchen Lama Blo-bzang-chos-kyi-rgyal-mtshan. 1567–1662.* Ed. and intr. by Ngawang Gelek Demo. New Delhi, 1969.
- [23] *Das S.Ch.* Tibetan Studies. New Delhi, 1984.
- [24] *Elverskog J.* Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2010.
- [25] *Howorth H.* History of the Mongols from the IX-th to the XIX-th Century. Pt. 1. The Mongols proper and the Kalmuks. L., 1876.
- [26] *Ishihama Yumiko.* A Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Vol. 2. Naritasan shinshoji, 1992.
- [27] *Kitinov Baatr.* Buddhism and Polity in Caspian Region // Himalayan and Central Asian Studies. 2016. Vol. 20. № 1.
- [28] *Krueger J.* New Materials on Oirat Law and History. Pt. 2. The origin of the Torgouts // Central Asiatic Journal. 1974. Vol. XVIII. № 1. P. 30–42. According to: [28. P. 233].
- [29] *Pallas P.S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften. T. 1. SPb., 1776.
- [30] *Pelliot P.* Notes Critiques d'Histoire Kalmouke. Pt. 1–2. P., 1960.
- [31] *Richardson H.* The Karma-pa Sect. A Historical Note // Journal of Asian Studies. 1958, October.
- [32] *Turgut Turhan.* Unutulan Budistler. Cin – Rusya arasinda Turgutlar // Toplumsal Tarih. 2013. № 234.

REFERENCES

- [1] *Avljaev G.O., Sanchirov V.P.* К вопросу о происхождении торгуттов и хосхуттов в этническом составе средневековых ойратов Дzungарии (к проблеме этногенеза калмыков) [On the origin of Torgouts and Hoshouts in the ethnic composition of medieval Oirats of Dzungaria (to the problem of ethnogenesis of Kalmyks)] // Problema etnogeneza kalmykov [The problem of ethnogenesis of Kalmyks]. Elista, 1984.
- [2] *Avljaev G.O.* Происхождение калмыцкого народа [The origin of the Kalmyk people]. Moscow-Elista, 1994.
- [3] *Bakunin V.M.* Описание калмыцких народов, а особливо из них тугутского, и поступков их ханов и владельцев [Description of the Kalmyk people, and especially of them Torgouts, and actions of their khans and owners]. Elista, 1995.
- [4] *Bartol'd V.V.* Sochinenija. T. 5 [Works. Vol. 5]. M., 1968.
- [5] *Besprozvannyh L.E.* Lidery Tibeta i ih rol' v tibeto-kitajskih otnoshenijah XVII–XVIII vv. Volgograd [The leaders of Tibet and their role in the Tibetan-Chinese relations XVII–XVIII centuries]. Volgograd, 2001.

- [6] *Gaban Sharab*. Skazanie ob ojratah [Legend on the Oirats] // Kalmyckie istoriko-literaturnye pamjatniki v russkom perevode [The Kalmyk historical and literary monuments in the Russian translation]. Elista, 1969.
- [7] *Dugarov R.N.* “Djebtjer-Chzhamco” – istochnik po istorii mongolov Kuku-nora [“Debter-Chzhamtso” – a source for the history of the Mongols of Kuku-nor]. Novosibirsk, 1983.
- [8] *Istorija Kukunora, nazyvaemaja “prekrasnye noty iz pesni Brahmy”*. Sochinenie Sumba Hambo [History of Kukunor, called as “The beautiful notes of the song of Brahma”. The work of Sumba Hambo]. Per. s tibet., vved. i primech. B.D. Dandarona [Trans. from Tibetan, introduction and notes by B.D. Dandaron]. Moscow, 1972.
- [9] *Kukeev D.G.* O vhozhdenii torgutov i hoshutov v ojratskij sojuz (XV v.) [On the occurrence of Torguts and Khoshuts into Oirat Union (XV century)] // *Pis'mennye pamjatniki Vostoka* [The written monuments of the East]. 2008. 2 (9). P. 231–236.
- [10] *Kozin S.A.* Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaja hronika 1240 g. “Juan' chao bi shi” [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240 “Yuan chao bi shi”]. Moscow–Leningrad, 1941.
- [11] *Kychanov E.I., Savickij L.S.* Ljudi i bogi Strany snegov [Humans and gods of Snow Lands]. Moscow, 1975.
- [12] *Luvсанджэнджев А.* Otnositel'no kalmyckogo slova tangch [Concerning of the Kalmyk word Tangch] // *V Mezhdunarodnyj Kongress mongolovedov. Doklady rossijskoj delegacii* [V International Congress of the Mongolists. Reports of the Russian delegation]. Vol. 2. Moscow, 1992.
- [13] *Lytkin Ju.* Istorija kalmyckih hanov [The history of Kalmyk Khans] // Kalmyckie istoriko-literaturnye pamjatniki v russkom perevode [The Kalmyk historical and literary monuments in the Russian translation]. Elista, 1969.
- [14] *Lytkin Ju.S.* Ajuki – han kalmyckij [Ayuka – the Kalmyk Khan]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/text14.phtml?id=12315.
- [15] *Nominhanov C.D.* Proishozhdenie jetnonima “kalmyk” [The origin of the ethnonym “Kalmyk”] // *Vestnik AN Kaz.SSR* [The Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 1958. № 11.
- [16] *Pagsam-dzhonsan*: Istorija i hronologija Tibeta [History and Chronology of Tibet]. Per. s tibet. jaz., predisl., komment. R.E. Pubaeva [Trans. from Tibetan, foreword, comments by R.E. Pubaev]. Novosibirsk, 1991.
- [17] *Sandag Sh.* Obrazovanie edinogo mongol'skogo gosudarstva i Chingishan [The formation of the united Mongolian state and Genghis Khan] // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. M., 1970.
- [18] *Sanchirov V.P.* “Iljethjel-shastir” kak istochnik po istorii ojratorov [“Ilethel-shastir” as a source for the history of Oirats]. M., 1990.
- [19] *Skazanie o derben-ojratah, sostavlennoe nojonom Batur-Ubushi Tjumenem* [The Legend on Derben-Oirats, composed by noyon Batur-Ubushi Tyumen] // Kalmyckie istoriko-literaturnye pamjatniki v russkom perevode [The Kalmyk historical and literary monuments in the Russian translation]. Elista, 1969.
- [20] *Uspenskij V.* Strana Kukje-nor ili Cin-haj, s pribavleniem kratkoj istorii ojratorov i mongolov po izgnanii poslednih iz Kitaja v svjazi s istoriej Kukje-nora [Country of Kuke-nor

- or Qing-hai, with the addition of a brief history of the Oirat Mongols after their exile from China and in connection with the history of Kuke-nor]. SPb., 1880.
- [21] *Hojt S.* Jetnicheskaja istorija ojratskih grupp [The ethnic history of Oirat groups]. Elista, 2015.
- [22] The Autobiography of the first Panchen Lama Blo-bzang-chos-kyi-rgyal-mtshan. 1567–1662. Ed. and intr. by Ngawang Gelek Demo. New Delhi, 1969.
- [23] *Das S.Ch.* Tibetan Studies. New Delhi, 1984.
- [24] *Elverskog J.* Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2010.
- [25] *Howorth H.* History of the Mongols from the IX-th to the XIX-th Century. Pt. 1. The Mongols proper and the Kalmuks. L., 1876.
- [26] *Ishihama Yumiko.* A Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Vol. 2. Naritasan shinshoji, 1992.
- [27] *Kitinov Baatr.* Buddhism and Polity in Caspian Region // Himalayan and Central Asian Studies. 2016. Vol. 20. № 1. P. 26–40.
- [28] *Krueger J.* New Materials on Oirat Law and History. Pt. 2. The origin of the Torgouts // Central Asiatic Journal. 1974. Vol. XVIII. № 1. P. 30–42. According to: [28. C. 233].
- [29] *Pallas P.S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongo-lischen Volkerschaften. T. 1. SPb., 1776.
- [30] *Pelliot P.* Notes Critiques d'Histoire Kalmouke. Pt. 1–2. P., 1960.
- [31] *Richardson H.* The Karma-pa Sect. A Historical Note // Journal of Asian Studies. 1958. October.
- [32] *Turgut Turhan.* Unutulan Budistler. Cin – Rusya arasinda Turgutlar // Toplumsal Tarih. 2013. № 234.

**THE TORGUTS:
ON THE ISSUE OF ETHNOGENESIS
AND RELIGIOUS ORIENTATION**

B.U. Kitinov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, 117198

Torguts were a part of four-part Oirat Union (West Mongolians). For the first time they were mentioned in connection with the organization of the empire of Genghis Khan as his personal guard (turhaut-keshigten), and information about them are kept in the sources for the history of the different Asian countries. The guard was composed by the representatives of different nationalities, but its basis, apparently, was of Kerayit people, who were Nestorians. According to European medieval legend, with Wang Khan, the head of Kerayits, was related the existence of the East Christian kingdom of Prester John.

Turhaut-keshigtens, who lived in East Turkestan, for two or three centuries, ie by the middle of the XV century, formed a Torguts ethnicity from the military class, and then entered into the composition of Oirats. Their further ethnic and religious history has been linked to the events that took place on the vast territory from the Caspian Sea to Mongolia and Tibet. Torguts have created, with the complicity of other Oirat tribes, the Kalmyk Khanate in Russia; they were the influential players in the historical development of Tibetan Buddhism, and their heads received the title of “Khan” from Dalai Lama. The development of events, evidently favorable to Torguts and other Oirats at the first years of the XVIII century, at the second half of the same century resulted in the disappearance of their khanates, the significant casualties, the elimination of political and other independence.

Key words: Torguts, Oirats, Tibet, the Dalai Lama, the origin, Buddhism

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-96-101

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ¹

Рецензия на книгу

М. Вайс, Х. Хасан. «Исламское государство: армия террора».
Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.

А.А. Куделин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Ключевые слова: терроризм, аль-Каида, Исламское государство, Ирак, Сирия

В начале XXI в. мир столкнулся с новым вызовом, который большинство западных СМИ стали называть международным терроризмом. При этом, поскольку атаки 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне считались делом рук организации «аль-Каида», мировые СМИ достаточно легко «навели мостик» между терроризмом и исламом. Выходило все больше работ, в основном аналитического и публицистического характера, в которых различные авторы доказывали, что тяга к насилию заложена в самой природе ислама как религии и что терроризм – это естественное последствие такой тяги. Односторонне в данном контексте интерпретировалось и понятие джихада, которое само по себе является весьма многогранным и не заслуживает той однозначно негативной оценки, которую оно получает в западных и отчасти российских СМИ [2. С. 5–18]. Естественно, подобные утверждения вызывали недовольство мусульман по всему миру, поскольку многие западные (и, к сожалению, российские тоже) журналисты стали ставить знак равенства между мусульманином и террористом. Надо сказать, что кампания по нагнетанию истерии в отношении данной проблемы была тщательно продумана и возымела эффект. Операции США в Афганистане и затем в Ираке получили если не одобрение мирового сообщества, то, по крайней мере, оправдание: ведь угро-

¹ Исследование выполнено при поддержке Управления по науке и инновациям Российского университета дружбы народов (инициативная НИР № 100605-0-000 «Радикальные исламские организации после «Арабской весны»: Ближний Восток, Африка, Китай»).

за терроризма действительно существует, и предлогом борьбы с ней можно оправдать очень многое.

Новый всплеск журналистской активности пришелся на начало 2010-х гг. в связи с событиями «Арабской весны». Но в данном случае вектор критики западных СМИ был направлен не на террористов, а на авторитарные режимы Ближнего Востока и Северной Африки: тунисский, египетский, ливийский и сирийский. В результате боевики «аль-Каиды», проникшие в Ливию для борьбы с режимом Муамара Каддафи, неожиданно оказались в глазах Запада борцами за свободу и демократию [3. С. 111]. Однако выход на политическую авансцену Исламского государства, в какой-то момент сильно запутал журналистов и политологов: как относится к террористической организации, которая борется против авторитарного и недемократического режима? Примером решения данной задачи и является рецензируемая книга. В рамках данной рецензии мы попробуем разобраться, что именно М. Вайс и Х. Хасан пытались сказать своей книгой и стоит ли доверять изложенным в книге фактам, а также оценкам, которые делают авторы.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу книги, необходимо акцентировать внимание на нескольких моментах. В первую очередь, нельзя забывать, что авторы книги в целом стоят на позиции западных СМИ даже в тех случаях, когда они критикуют политику США. Во-вторых, автор рецензии не располагает какой-либо эксклюзивной информацией из закрытых источников и вынужден опираться лишь на сведения, имеющиеся в открытом доступе. Следовательно, оценки авторов книги могут пройти лишь логическую проверку, а факты, изложенные в книге, проверить вообще невозможно, поскольку нет источников, заслуживающих абсолютного доверия. Также необходимо сказать о третьем допущении, иначе данную книгу в принципе будет невозможно как-либо оценивать. Автор рецензии допускает, что М. Вайс и Х. Хасан действительно встречались со всеми людьми, интервью с которыми они приводят в книге и на чьи слова ссылаются, а не придумали их сами. Безусловно, при прочтении любой книги, особенно на столь «горячую» тему, необходимо иметь в виду возможность даже такой сознательной попытки ввести читателя в заблуждение, но в данном случае мы должны поверить авторам на слово, поскольку автор рецензии никоим образом не может проверить, имели ли место данные беседы. Что касается степени достоверности сведений, представленных авторам их источниками информации, то это уже может являться предметом анализа.

Говоря о данной книге, следует отметить, в первую очередь, нацеленность авторов собрать максимум сведений по выбранной ими сложной тематике. Они не просто попытались описать Исламское государство в его существующем виде, но и попытались разобраться, каковы его истоки и как оно формировалось, что, безусловно, представляет особую ценность. Авторы постарались собрать максимальное число свидетельств о рассматриваемой проблеме:

их информаторами стали американские военные и политики, западные журналисты и политологи, арабские политические и военные деятели, журналисты, сторонники Исламского государства и аль-Каиды и их противники, простые люди – очевидцы событий. Безусловно, по своему характеру данная работа является публицистической, поскольку, по мнению автора рецензии, научное исследование по данной проблеме написать пока невозможно в принципе, а в будущем будет возможно только при определенных (и маловероятных) обстоятельствах. Тем не менее, М. Вайс и Х. Хасан сделали все возможное для того, чтобы придать своей работе максимально научный и объективный характер (в частности, привлекает внимание значительное число ссылок). Наконец, необходимо отметить, что работа написана доступным для массового читателя языком, что, безусловно, определялось тем, что журналисты писали свою книгу, рассчитывая на широкую аудиторию. Необходимо подчеркнуть отсутствие аналогичных по качеству и полноте изложения работ на русском языке по проблеме Исламского государства.

Теперь обратимся непосредственно к тексту книги «Исламское государство. Армия террора» и постараемся обратить внимание на наиболее важные факты и выводы авторов.

Первые четыре главы посвящены деятельности человека, которого авторы книги считают основателем Исламского государства, – Абу Мусабу аз-Заркави. В книге освещается ранняя биография аз-Заркави и затем его переход к пропагандистской и террористической деятельности. Уделяется внимание знакомству аз-Заркави с Усамой бен Ладеном и подчеркивается, что между двумя лидерами исламских террористических группировок существовали идейные расхождения [1. С. 41–43]. В частности, Бен Ладен всегда утверждал, что главными противниками мусульман являются США, Израиль и европейские страны, и в борьбе против кафиrow (неверных) все мусульмане (в том числе и шииты Ирана) являются потенциальными союзниками. В свою очередь, аз-Заркави придерживался более радикальной точки зрения, и приравнивал к кафирам всех мусульман, не разделяющих салафитские взгляды, и в первую очередь шиитов. Таким образом, по мнению аз-Заркави, прежде чем начинать борьбы с внешним врагом, мусульмане прежде должны были справиться с кафирами в своих рядах. Тем не менее, из финансовых и организационных соображений аз-Заркави сотрудничал с Бен Ладеном, его организация называлась АКИ – «Аль-Каида в Ираке», и это позволило двум лидерам исламских террористических группировок значительно усилить присутствие «Аль-Каиды» в Ираке. Необходимо также отметить, что авторы книги возлагают значительную долю ответственности за быстрое увеличение числа сторонников радикального ислама и потенциальных террористов в Ираке на американские власти. С точки зрения М. Вайса и Х. Хасана американские тюрьмы в Ираке стали фактически центрами по пропаганде салафитских взглядов и практической подготовке будущих бойцов «армии ислама», по-

сколько ничего не делалось для того, чтобы отделить проповедников от их аудитории [1. С. 113–119].

Следующие две главы книги посвящены подъему влияния радикальных исламских организаций в Ираке – «Аль-Каида в Ираке» (АКИ) и «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Авторы отмечают, что на ход и исход данной борьбы существенное влияние оказала позиция суннитских племен Ирака. Будучи настроены достаточно светски, данные племена были готовы сотрудничать с американскими властями в борьбе против АКИ. Все изменилось после того, как премьер-министр Ирака аль-Малики стал вести переговоры с США о выводе американских войск и одновременно стал усиливать свое влияние в Ираке при иранской поддержке и путем формирования шиитского вооруженных формирований. В результате суннитские племена Ирака, боровшиеся против АКИ, оказались в сложной ситуации: фактически брошенные американцами, они подвергались давлению шиитских вооруженных формирований с одной стороны и исламских вооруженных группировок – с другой. В этой ситуации среди исламских группировок Ирака на первый план выходит ИГИ, которое делает акцент на борьбу против шиитов и Ирана, что резко повысило привлекательность салафистского проекта для суннитских жителей Ирака [1. С.130–132].

Одной из наиболее спорных частей книги, по мнению автора рецензии, является глава, посвященная сотрудничеству режима Асада в Сирии и исламистских организаций, предшествовавших Исламскому государству. В частности, авторы книги утверждают, опираясь на множество свидетельств, что АКИ и ИГИ пользовались поддержкой режима Асада, имели базы на территории Сирии и могли вести свою деятельность в Ираке, имея безопасное убежище на сирийской территории [1. С. 133–150]. По мнению М. Вайса и Х. Хасана, Асад руководствовался при этом двумя разными, но взаимосвязанными причинами: «предупредить» США, что их действия открывают путь для исламистов, и отвлечь радикальные исламские организации от своего режима, позволив им заниматься другой страной [1. С. 137]. Союз Асада и исламистов распался, когда ИГИ стала создавать сеть ячеек уже для действий на территории Сирии. Тогда, по мнению журналистов, Асад попытался показать Сирию в роли жертвы международного терроризма. В конечном счете, позицию авторов книги по данному вопросу можно резюмировать их собственной фразой: «Процесс распространения ИГИЛ на территории Ирака и Сирии невозможно понять без анализа долговременного сотрудничества Дамаска с организациями – предшественницами Исламского государства» [1. С. 133]. Сложно ответить на вопрос, насколько данные утверждения авторов соответствуют действительности.

В последующих главах авторы книги освещают деятельность Исламского государства под руководством Абу Бакра аль-Багдади, раскрывая такой вопрос, как причины быстрого распространения Исламского государства на

территории Ирака [1. С. 151–169] и Сирии [1. С. 171–195]. С точки зрения М. Вайса и Х. Хасана, Исламское государство удачно использовало революцию в Сирии против режима Асада для укрепления своих позиций, заключив временный союз со светской сирийской оппозицией и движением «Джабхат ан-Нусра» (связанным с движением «Братья-мусульмане» и «аль-Каидой»), и предав своих союзников, как только посчитало себя достаточно сильным для самостоятельных действий [1. С. 227–250]. Также журналисты уделяют внимание психологическим портретам боевиков ИГИЛ [1. С. 197–215] и методам пропаганды и вербовки [1. С. 217–225]. Последние главы книги посвящены способам привлечения на сторону Исламского государства сирийских племен [1. С. 251–262] и внешним ячейкам Исламского государства, которые непосредственно занимаются вербовкой добровольцев, а также экономическим связям Исламского государства [1. С. 263–292].

В финале своей книги М. Вайс и Х. Хасан не делают глобальных обобщений и не подводят итогов. Они лишь констатируют факт, что никто не знает, сколько еще просуществует Исламское государство [1. С. 300].

Пытаясь оценить данную книгу, следует отметить, что, с учетом сделанных в начале рецензии оговорок, книга представляет интерес как сборник первоисточников. Большое количество интервью с непосредственными участниками событий, информация «из первых рук» всегда обладают огромной ценностью для исследователя, при условии, что они переданы без искажений. На множество вопросов эта книга не дает, да и не может дать ответа. В частности, авторы безусловно не могли раскрыть подробностей американских планов относительно Исламского государства и режима Асада, даже если и владели подобной информацией. Также авторы очень осторожно пишут о роли России в конфликте, ограничиваясь ремаркой, что Россия поддерживает режим Асада; военная операция России против Исламского государства началась уже после выхода книги из печати.

Неполнота информации, содержащейся в данной книге, особо ярко осознается в свете последних событий, в частности, ударов, нанесенных ВВС США по позициям сирийской армии. Эти действия, которые фактически означают поддержку военных операций Исламского государства, явно были сделаны не спонтанно, а являются частью продуманного плана, детали которого вряд ли станут когда-либо известны широкой общественности.

© Куделин А.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

- [2] Кадырова К.А., Куделин А.А., Лукашев А.А. *Джихад многоликий*. СПб.: Изд-во Культ-информ-пресс, 2015.
- [3] Куделин А.А. Рецензия на книгу «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?» (Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. 593 с.) // *Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история»*. 2014. № 2. С. 110–114.

REFERENCES

- [1] Vays M., Hasan H. *ISIS: Inside the Army of Terror*. N.Y., 2015.
- [2] Kadyrova K.A., Kudelin A.A., Lukashev A.A. *Faces of Jihad*. SPb., 2015.
- [3] Kudelin A.A. Review: “Middle East, Arab Awakening and Russia: What’s Next?” (M., 2012) // *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series World History*. 2014. № 2. P. 110–114.

ISIS: QUESTIONS WITHOUT ANSWERS

Review:

**Vays M., Hasan H. *ISIS: Inside the Army of Terror*.
N.-Y., 2015**

A.A. Kudelin

Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10a, Moscow, Russia, 117198

Key words: terrorism, al-Qaeda, ISIS, Iraq, Syria

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-102

НАШИ АВТОРЫ

АРУТЮНОВ Артем Артурович – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

E-mail: artemio.arutiunov@gmail.com

АСАДУЛЛИН Фарид Абдулович – ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН, заместитель Председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (Московского муфтията).

E-mail: a.farid@inbox.ru

БАДАУИ Надя Мухаммедовна – бакалавр истории Российского университета дружбы народов.

E-mail: nadia_bd@mail.ru

БАЗАНОВА Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

E-mail: ealeenab@gmail.com

ВОРОНИН Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

E-mail: svoronin.rudn@mail.ru

ГВОЗДЕВА Инна Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, ФГОБУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва.

E-mail: innagvozdeva@mail.ru

КИТИНОВ Баатр Учаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

E-mail: kitinov@mail.ru

КОМАРОВ Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, ФГОБУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

E-mail: ruslan10@inbox.ru

КУДЕЛИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

E-mail: andkudelin@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
